

ЮРИЙ КРАКОВ

СГОРАЮЩИЙ
В НОЧИ

18+

Юрий Краков

Сгорающий в ночи

«Автор»

2026

Юрий Краков

Сгорающий в ночи / Юрий Краков — «Автор», 2026

Юный князь Артен Нонморт — наследник древнего рода магов огня. Его жизнь рушится в одну ночь, когда на его глазах заживо сгорает возлюбленная, а виновные остаются безнаказанными. Одержимый яростью и чувством вины, Артен сам вершит правосудие, но каждая новая смерть лишь сильнее разжигает пламя внутри него. Чтобы не сгореть дотла, он должен бежать — из родного города, от самого себя. «Сгорающий в ночи» — это мрачное психологическое фэнтези о цене мести. Примечание: Книга полностью дописана, но публикуется строго по плану. Для понимания произведения читать другие книги цикла не требуется. Это самостоятельная история в том же мире. Обложка книги создана при помощи нейросетей, но всё остальное человеческий труд.

© Юрий Краков, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	88
Глава 14	94
Глава 15	103
Глава 16	109

Юрий Краков

Сгорающий в ночи

Глава 1

— Если уж ты достал нож, то потрудись им воспользоваться. Полосни неожиданно по горлу. Или воткни его прямо в печень, а уже потом смейся. Как сейчас, — мужчина рассмеялся.

Эргид Архапэс был наёмником со стажем. Он грабил, убивал и принимал участие в войнах. И ему было тошно смотреть, во что сейчас превращалось молодое поколение преступников. Парень хотел его ограбить, а в итоге валялся теперь с собственным ножом в боку. А всё от нехватки характера. Этот парень не хотел его убивать, не хотел ему навредить. Он просто желал по-быстрому срубить денег в переулке. Что ж, пусть теперь раскошелится на собственное лечение.

Наёмник достал испачканный в крови нож неудачливого вора. Парень на мостовой завыл. Эргид не обращал никакого внимания. Он, морщась от брезгливости, рассмотрел оружие нападавшего. И вновь разочарование. Разве такое тонкое лезвие — это нож? Это какой-то штык, которым даже кожу не снять. Лезвие хрустнуло в руках наёмника и осыпалось на спину парня. Эргид тихо хихикнул.

Он оставил вора валяться в луже на мостовой, не позвав никакой помощи. Но ведь и не добив! В конце концов, у него сегодня выходной. Да и не заплатили ему за это убийство. Так что пусть воришка ещё поживёт.

Эргид не выходил по-настоящему на дело уже в течение пары месяцев. Раньше его нанимали, оплачивали дорогу, он колесил по миру и возвращался в родную рабочую гавань, где каждый трактирщик его знал. А теперь дел в этом городе совсем не было. И вроде не особо что-то изменилось в общественном плане, не было ни революций, ни чумы, ни голода. Всё шло своим чередом. Он даже подумывал, что это удачное время, чтобы выйти на пенсию и поехать к жене, детям и внукам... Вот только чем же он там будет заниматься? Откроет лавку и будет торговать? Нет, такая жизнь точно не для него.

И вот уже два месяца он только и делал, что тратил нажитое, ужиная в самых дешёвых забегаловках. Это было ему недостойно, но всё же не слишком печально. Вот и сегодня вечером шестнадцатого числа Эргид Архапэс возвращался домой по переулку Кино-Ху, изрядно набив своё брюхо мясом, а чужое — сталью. Сверху шёл дождь, на нём была шерстяная накидка, и настроение его было бесповоротно испорчено. К сожалению для него, это был ещё не худший момент вечера.

— Простите, господин Эргид Архапэс? — раздался голос из-за спины.

«Неужели два из двух?» — подумал пожилой наёмник.

Комната, которую снимал Эргид, располагалась далеко не в центре города, скорее даже в злосчастном районе. И всё же чтобы за вечер его попытались ограбить дважды — это очевидный перебор. Опытный наёмник разворачивался плавно, рассматривая обстановку в ночном переулке. Расстояние между домами было совсем маленькое, даже бой на одноручных мечах был бы здесь неудобен. А ещё этот холодный дождь, всё стало таким скользким.

Когда Эргид обернулся, он чуть не взвыл от искреннего разочарования. Перед ним опять стояло длинное худощавое тело юноши, но на этот раз обмотавшего себя тонким чёрным слоем какой-то ткани, оставив лишь прорезы для глаз. А ещё он был полностью безоружен. Ни меча, ни ножа, ни даже хоть какого-то лезвия — совершенно бестолковое поколение.

— Зависит от того, кто спрашивает, — сухо процедил Эргид.

Парень внимательно рассматривал промокающего насквозь наёмника. Эргид следил за его злыми глазами, в которых поблёскивал оранжевый огонёк. Они были живыми, юными и совершенно безумными.

— Имя Айхи Миценгейт Вам о чём-нибудь говорит? — спросил парень.

Эргид еле сдержался, чтобы не усмехнуться.

«И этого боялись все убийцы города? Тощего парнишки в чёрных тряпках? Как же ему удалось?..»

Эргид нащупал за пазухой свой военный кортик. Конечно, он слышал имя графини Айхи Миценгейт. Самое громкое убийство в Шэхирке за долгие годы. Юная девушка просто полыхнула в течение секунды, и всё. Больше нет наследницы древнего рода. А после началась новая череда поджогов. И каждый раз погибал какой-нибудь его брат по крови или ремеслу. Таинственный Поджигатель запугал город так, что преступность бежала из него, не разбираясь, кому и что угрожает. А главное, стража города ни за один пожар так и не нашла виновных.

— Ты должен знать, что даже если это был я, я бы не смог ответить тебе на вопросы. Это было бы просто неэтично, — спокойно отвечал Эргид.

Глаза юноши вспыхнули.

— А сжигать юную девушку заживо очень этично?! — гневно выкрикнул парень и выставил вперёд свою правую руку.

С пальцев соскочила струя огня. Она полетела напрямую в лицо Эргид, но на уровне головы там уже никого не было. Теперь перед поджигателем стоял седовласый гном, бросившийся тут же с кортиком на своего противника. Юноше пришлось отступить на два шага, уворачиваясь от ударов. Потом он присел и ударил ладонью о землю. Из-под камней мостовой посыпались искры огня, и вот уже бороду гнома опалила стена огня.

Эргид не собирался сдаваться. Будучи гномом, у него было одно явное преимущество — бить по ногам было проще. Как только огонь спал, он попытался атаковать поджигателя со спины, подрезав колени, но юноша на месте уже не оказалось. Эргид почувствовал боль в правом боку и с грохотом влетел в ближайшую стену. Казалось, будто кто-то запустил фейерверк прямо ему в брюхо.

Поджигатель поднял гнома и прижал к стене. Юноша был слишком силён для своего телосложения и возраста. Он держал его на весу и бил кулаком в челюсть. Один удар. Второй. Третий.

— Я хочу знать, что тебе известно о смерти Айхи! Отвечай!

Четвёртый удар не дал гному высказаться, а затем последовал и пятый. Эргид кое-как собрался с мыслями и заехал тяжёлым ударом ноги в пах противнику. Наёмник вырвался из захвата, приземлился на землю и начал колошматить своего врага. Теперь они оба могли похвастаться кровавой улыбкой.

Поджигатель сжимался в клубок, принимая удары в спину. Он становился всё горячее, но Эргид этого не чувствовал, пока пламя не охватило всё вокруг. Загорелся мусор, разбросанный в подворотне. Загорелось окно на втором этаже дома. И даже пара не успевших убежать крыс запеклась и обуглилась. От такого пламени было невозможно увернуться, если ты стоял слишком близко. Вот оно и зацепило Эргид. У него загорелись башмаки и штаны, а юноша на земле было всё равно. Он словно весь был невосприимчив к огню.

Пар и дым сплелись в переулке. Пока Эргид пытался сбить с себя пламя, он потерял таинственного убийцу в ночи. Он был обожжён. Он был испуган. Его рот был полон крови, не успевающей запекаться на губах, а глаза слезились от дыма. Он никогда не думал, что всё может закончиться так.

— За Айху! — прокричал голос из чёрного дыма.

Огненный шар стал последним, что смог различить в своей жизни профессиональный наёмник Эргид Архапэс. Раскалённый добела шар влетел ему в грудь и прожёл до костей.

О пожаре в переулке Кино-Ху начали кричать почти в тот же момент, когда Поджигатель применил свою магию в первый раз, но всё равно пожарной бригаде не удалось прибыть вовремя, чтобы дом не был почти полностью спалён. К счастью для его обитателей, они оказались достаточно проворны, чтобы выбраться самостоятельно. И всё равно никто не заметил чёрную фигуру, выходящую из дыма, прочь в ночной город.

За последние месяцы жители города Шэхирк, столицы Южного Королевства людей, успели привыкнуть к регулярным пожарам. Всё началось со смерти молодой графини Миценгейт, затем возгорелся бар гнома Оурора, где собирались часто самые экстравагантные персоны, а потом начались убийства ликменов. Их погибло уже семнадцать, и, если верить прессе, все они никак не связаны друг с другом. Кто-то из них был даже героем прошедшей войны. Вот только каждый из них сам был убийцей. Кто-то более профессиональным, кто-то менее, но они зарабатывали себе этим на жизнь. А теперь их постигла собственная кара. Прессе же их работа была неинтересна, куда лучше продавался сюжет о маньяке-расисте, что ненавидит всех ликменов, ведь никто другой не погиб в череде поджогов. Да, у какого-то гнома сгорела таверна, у кого-то подгорела стена или даже обвалилась крыша, но люди обошлись ожогами. Неприятно, но не критично. Что до смерти графини, её выносили за пределы списка. В их делах было слишком много различий. Например, после её смерти капитан городской стражи Ярхон Фирине вышел на след алхимиков родом из национального королевства ликменов Матесун. Правда, это была последняя новость о ходе расследования.

Поджигатель шёл тёмными неосвещёнными улицами, снимая с себя обугленные ткани. Они рвались, падали, оставляя на молодом теле следы сажи. Пепел и кровь — были его единственным украшением и главным опознавательным знаком. Благо в любом городе можно найти забегаловку, где никто не займётся расспросами, особенно если ты всегда платишь по счетам. Для поджигателя таким местом стала вампирская закусочная на улице Рейба. Он туда приходил регулярно в ночи и напивался до беспамятства. И его постоянность сослужила ему хорошую службу.

Юноша с грохотом завалился в закусочную. Никто не повёл и взглядом в его сторону. Крови на нём бывало и побольше. Он, спотыкаясь, добрался до барной стойки и позвал трактирщика.

— Енид! Мне как обычно, — командным голосом произнёс поджигатель, а затем подтянул к себе пустую миску и сплюнул туда кровь.

Вампир откликнулся незамедлительно. Он вылил содержимое испачканной миски в бак под столом, подтянул к себе кружку и наметал в ней местного вина с вампирским самогоном. У такого напитка было мало любителей, но в тяжёлые моменты жизни каждый хоть раз задумывался замешать себе убойную дозу. Поджигатель же пил это уже несколько месяцев. Енид протянул окровавленному юноше его кружку.

— Арт, с тобой хотел поговорить какой-то старик.

Поджигатель сделал глоток, слегка поморщился и обратил свой взгляд на хозяина заведения. Вампир указывал на занятый стол у окна. Там на самом деле сидел старик: седые волосы, бледная кожа и одежда почти монашеская. Юноша не думал, что ради него кто-то забредёт в такие далёкие уголки Шэхирка.

— Хорошо, подай к тому столу лучшие закуски, а мы пока поговорим.

Вампир кивнул и приступил к работе. Поджигатель же сделал второй глоток, разошедшийся теплом по его израненному телу, и заковылял к столу. Старик не обращал на происхо-

дящее никакого внимания. Он смотрел на дождь за окном заинтересованно, но без малейшего намёка на эмоции. В его серых глазах нельзя было прочесть ничего, кроме спокойствия.

Поджигатель сел напротив старика, аккуратно поставив свою кружку поближе к окну. Они сидели молча несколько минут, пока Енид не подал маринованных чесночных головок, мясных палочек с кровью и обжаренный в панировке лук.

— Угощайтесь, директор Шуалтыш, — сказал юноша неуверенным тоном.

Старика словно выдернули из забытья. Он повернулся к юноше, улыбнулся ему и осмотрел предложенные яства. Директор отвык уже давно от подобной пищи, она была точно предназначена не под его уставшее дряхлое тело. И он просто попросил воды.

— Артен, я беспокоюсь о тебе. Мне кажется, ты попусту тратишь время, — начал директор, когда юноша приступил к еде. — Княжеская жизнь не предназначена для этого.

Поджигатель слушал наставника вполуха. Директор был не первым, кто решал прочитать Артену нотации о его поведении. Мол, наследнику княжеского рода Нонмортвов можно было бы найти занятие по статусу. Можно было бы взяться за голову и уйти в учёбу. Можно было бы заняться политикой. Он слушал это с шестнадцати лет, как начал кутить со сверстниками, и почти ничьи слова не возымели эффекта. Вот только старики продолжали свои тирады. Он научился их не слушать, и последние месяцы это особенно помогало.

— ...ты знаешь, что Тэт в свои девятнадцать лет принялся за изучение уже третьей ветки магии и начал планировать собственные исторические экспедиции в горы? Да и твой отец...

— Довольно, директор, — грубо оборвал старика Артен. — Я не они. Я троечником был всё время обучения. Я не вернусь на путь учёбы. Вы за всеми бывшими учениками так бегаете? Там, наверное, из нас разочарований уже очередь выстроилась.

Артен сделал большой глоток из своей кружки. Директору Шуалтышу было неприятно следить за саморазрушением юноши, но словами донести свою мысль у него не выходило. Тогда старик провёл рукой над тарелкой с чесноком. Юный князь этого так и не заметил и продолжил таскать из неё чесночные головки.

— Директор, мы за время моего обучения виделись в школе от силы раза два, так почему вы здесь? Неужели из всех учеников на всех трёх планетах я занимаюсь худшим делом из возможных?

— Ты так и не взялся за магию жизни, хотя госпожа Робье говорила, что у тебя хорошие данные для этого...

Артен закатил глаза. Он словно беседовал со стеной. Его будто и не было за столом. Или, вернее, он не мог отвечать. У него отняли голос? Нет, он был уверен, что его ещё можно слышать. Он допил кружку, закусил чесноком и подозвал Енида обновить напитки.

— Директор, обучение больше не для меня. Всё остальное тоже. Знаете, вы вроде так дорожите своими выпускниками, но что насчёт Айхи? Вас даже на её похоронах не было. А ведь она была лучшей на потоке. Может, вы её даже не помните?

— Конечно, помню. Графиня Миценгейт, предрасположенная к природе и обращению в животных. Была хороша на факультативе зелий. То, что с ней случилось, — большое несчастье...

— Это не несчастье! Её убили! Хладнокровно сожгли, подмешав зелье лйеке в бокал. Это преступление.

— Да, и мне горько, что такое могло произойти в наше время, но из-за этого не стоит переставать жить. И тем более не стоит опускаться на дно, Айха бы...

— Они делали и хуже. Они убивали и грабили. Они были преступники.

— Но могли бы пострадать и невинные.

Артен сделал глоток из наполненной заново кружки. Этот разговор давил ему на нервы. Он не хотел ничего выслушивать. Он знал, что прав, и на этом всё. Ничьё мнение не имело значения.

— Послушай, Артен. Мы оба знаем, чем ты занят. И мы оба понимаем, что это ничего не изменит. Ты можешь не возвращаться к учёбе, не браться за магию порядка или жизни, это всё твой выбор. Я просто хочу, чтобы ты знал, что я приму тебя в любой момент.

— Всё из-за моего титула? Князь — тот, ради кого не грех нарушить правила?

Директор Шуалтыш развёл руками.

— Скорее я вижу твой потенциал.

— Какой потенциал...

— Тот, который видела и Айха. Потенциал, скрытый не в оценках, а в способностях.

Юный князь потянулся за мясной палочкой и с удивлением обнаружил, что его бок перестал болеть. Он ощупал место, которое ещё недавно кровоточило. Всё было сухо. Кожа была нежной и гладкой. Не осталось и следа от раны. Артен поднял глаза на директора, а тот улыбнулся и встал из-за стола.

— Моё дело — дать тебе пищу для размышлений, как ты с ней поступишь — решать тебе. Также думаю, что тебе стоит посмотреть на всё под другим углом.

— Как это?

— Наёмники редко убивают случайных людей. Обычно за этим стоит нечто важное. И поверь, жертва редко бывает чиста.

— Я знал Айху...

— Знал, но достаточно ли хорошо?

— Достаточно.

Директор накинул на плечи плащ, оставил на столе горсть монет для хозяина заведения и вновь обратился к юному князю.

— Что ж, тогда желаю удачи в охоте на охотника. Если цели ещё не кончились.

— Не переживайте, одна осталась.

— Удивительно, остался лишь один возможный кандидат, и ты его не можешь найти. Хм, ты не думал, что профессиональный убийца, зная, что на него идёт охота, покинул бы город при первой возможности? Тут есть над чем подумать, правда?

И директор Шуалтыш вышел в ночь. Артен пытался проследить за ним затуманенным взглядом, но фигура в плаще быстро скрылась под ночным дождём. И юноша вернулся к кружке.

Последние месяцы он ненавидел весь мир и срывался при каждом удобном случае. И появление директора стало лишь очередным источником его раздражения. Он терпеть не мог, когда кто-то указывал ему на его слабости, а старик сделал именно это. Артен снёс бы эти раны спокойно, но нет, их потребовалось залечить. Он не просил об этом!

А ещё юный князь не просил, чтобы кто-то решал задачку за него. Он уже смог выследить и убить семнадцать наёмников-ликменов. Судя по картотеке, которую он забрал из спалённого гномьего трактира, их в городе всего было восемнадцать. Оставался только некий Арсон Олематэс. Артен часто рассматривал его фотокарточку. Мужчина средних лет, яркая деталь — серебряные волосы, любимые формы — человек, гoblin, орк. И это было главной проблемой при выслеживании ликменов: они могли менять формы. Некоторые общие черты сохранялись, но угадать того, кого ты знал в качестве, например, гнома, было проблематично, когда он оборачивался минотавром. И вот теперь ему говорят, что его может даже не быть в городе, что он мог убраться прочь. А вот куда? Куда сбежал бы от кровавого правосудия ликмен?

Артен искал ответы всю ночь на дне кружки. Из закуской он вышел лишь на рассвете, перестав различать право и лево. Его штормило от стены к стене, но он не спал и шёл привыч-

ным маршрутом. Ноги сами несли его, ему даже не было необходимости смотреть на дорогу впереди себя.

Пришёл в себя Артен уже в своей тёплой постели. Голова юного князя гудела. Он старался не шевелиться, чтобы не захлебнуться в боли. К сожалению, весь остальной мир так о нём не беспокоился.

Входная дверь в спальню закрипела, и на цыпочках в комнату прошёл Агат, пожилой слуга семьи Нонморт. Он выполнял самые разные поручения своих хозяев и получал достойное жалование. Артен помнил его ещё с детства. И, не выдержав такой наглости, юный князь постарался прервать вторжение в его жизнь броском подушки.

— А ну прочь! Не мешайте спать!

На крик Артена ответа не последовало. Агат продолжил своё движение к окну. Он открыл окна и впустил в комнату свежий осенний воздух. Затем слуга полез в шкаф и достал повседневный костюм, в котором юный князь обычно покидал свою спальню. Агат действовал безмолвно, он просто делал свою работу, пока Артен продолжал ворчать и ругаться. Так всё у них повелось со смерти юной графини.

Пока слуга собирал княжеский наряд, юный князь понял, что слуга также предусмотрительно оставил дверь открытой. Из коридоров доносился звонкий детский голос, который взрывал Артену голову. Шумов было слишком много для раннего утра.

— Уже обед, Ваше Сиятельство.

— И это повод вставать в выходной день?

— Для Вашей матушки — это всегда повод. Особенно если Его Сиятельство князь Сект обедает дома. И он тоже велел Вас поднять.

Спорить стало бесполезно. Он мог огрызаться на мать и даже нарушать её прямые приказы в знак протеста и несогласия, но с отцом такое не прокатывало. В результате споров с ним Артен всегда чувствовал себя ещё хуже, чем до них.

Артен позволил Агату себя одеть. Его уже давно угнетало такое положение дел, но таковы были порядки в княжеской семье, и бороться с ними у него никогда не получалось. Из спальни юный князь вышел чистым, но небрежным. И по его лицу читалось, как именно он провёл сегодняшнюю ночь.

В столовой на первом этаже действительно собралась вся их небольшая семья. Во главе длинного стола сидел князь Сект, его отец, глава семьи и один из королевских советников. Ближе к центру, по его левую руку, располагался младший сын князя Вайрон Нонморт. Мальчишке не было ещё и двенадцати. Он был непоседлив и суетлив, вечно куда-то спешил. И чтобы он точно не попал в неприятности, за ним до сих пор была закреплена личная гувернантка, что, правда, приводило к новым шалостям.

Мать поймала Артена перед входом в столовую. Она немного брезгливо осмотрела его помятое лицо, повздыхала, без злобы побранила Агата, что не привёл её сына в достойный вид. А потом достала с полочки свою палочку и взмахнула ею над головой сына. Артен схватился за голову и согнулся в три погибели. Голова загудела ещё сильнее. Его живот крутило. Казалось, что всю его душу кто-то вырвал, запихнул внутрь барабана, а затем сыграл на инструменте очень бойкий марш. Ему казалось, что это продолжалось несколько минут, но так всегда с тяжёлой болью. На деле же через минуту он уже трезвый и опрятный сидел по левую руку от отца.

За обедом больше всех болтал маленький Вайрон. Он рассказывал о школе, о пополнении армии его каменных солдатиков, о новых забавных случаях. Княгиня Рамина тоже старалась поддерживать беседу. Она хвалила сына, подыгрывала ему и по возможности добавляла в разговор важные общественные замечания. Так она старалась указать на необходимость посещения вечера памяти какого-то известного художника. И она по-настоящему считала это важ-

ным, как и вовлечённость в беседу её мужа и старшего сына. Они же иногда давали короткие ремарки и ни разу так и не посмотрели друг на друга.

Артен не ругался с отцом. В их отношении не было ни криков, ни нападок. Просто в какой-то момент их общение прекратилось. Это случилось сразу после первой смерти от руки таинственного поджигателя. Старый князь старался дистанцироваться от этого. Он не беседовал с сыном, не давал лишних советов, даже не пытался поговорить, чтобы понять, что происходит, как поступала мать, он просто замолчал.

Иногда в период трезвости Артен задавался вопросом, насколько точно родителям известно о занятиях. Мать явно беспокоилась, когда он бросил светскую жизнь и стал возвращаться из нишевых забегающих под утро. Но знала ли она про поджоги? Он не мог точно ответить. Но, скорее всего, она догадывалась. Что до отца, то князь Сект явно дал понять, какое у него мнение о старшем сыне. Он ведь не мог знать наверняка и всё равно... Хотя директор знал, а он даже не живёт в Шэхирке. И Артену было тошно, и, чтобы облегчить свою совесть, он и сам стал избегать отца.

Хуже всех чувствовал себя Вайрон. Он видел перемены, он чувствовал их, но не понимал.

Когда обед закончился, княгиня встала из-за стола и поцеловала мужа в голову сквозь густые чёрные волосы, а потом что-то прошептала ему на ухо. Князь Сект безмолвно качнул головой в знак согласия. И лишь тогда взгляды старшего сына и отца пересеклись. В них была боль: жгучая и горькая.

Вскоре в столовой они остались лишь вдвоём. Князь бросил взгляд на стену, где над камином висел старый охотничий меч. В нём не было ничего особенного, это была часть интерьера, которую Артен помнил с детства. Просто память его отца о своём отце. Князь Сект встал из-за стола.

— Пойдём.

Артен не отставал от отца. Он следовал за ним шаг за шагом, хотя прекрасно знал дорогу. Было лишь одно место во всём особняке, где князь Сект чувствовал себя свободно. К сожалению, оно же было единственным местом, куда никто другой заходить не любил. Это был рабочий кабинет князя, который он обустроил на втором этаже флигеля во дворе поместья, подальше от людских глаз. Он обустроил в нём всё так, чтобы ему было удобно. Шкафы с книгами и философскими трудами за последние пятьсот лет, три глобуса, небольшая карта на стене и портрет северного орка над дверью. Всё было дорого, без пафосного излишка, просто свой уголок, слишком серьёзный и мрачный для детского глаза. Артен до тринадцати лет чувствовал страх, когда отец разговаривал с ним в этой комнате, сейчас же страха не было, но какая-то внутренняя тревога до сих пор терзала его.

Князь Сект прошёл к своему столу и развалился в кресле, сыну рукой предложил стул напротив.

— Артен, твоя мать очень переживает за тебя...

— Я в порядке.

— После смерти Айхи...

— Я же сказал, я в порядке! — повышая голос, повторил Артен.

Эта тема его изрядно достала за последние месяцы. Все только и говорили, как они волнуются о нём, как они ему соболезнуют, но ведь это всё была ложь. Никто из них не жалел Айху, никто из них не страдал из-за её смерти, им было плевать. И это же безразличие Артен видел в глазах своего отца.

Князь Сект потянулся рукой к ящику стола, достал оттуда серый мешочек и высыпал на стол золотые монеты. Он отсчитал из них двести асеров и подвинул их к Артену.

— Мы с твоей матерью обсудили и решили, что раз ты сейчас свободен, тебе следует отправиться повидать мир. Знаешь, в Сарафии, говорят, сейчас чудесно можно отдохнуть. Или же ещё южнее, в Отсии, например.

Эти слова разбили эмоциональную заслонку Артена. Он не собирался уезжать. Он жил в своём доме. Шэхирк — его родина, его мир, и в этом мире было кое-что очень важное, что он не мог просто так оставить.

— Но как же... Я не хочу уезжать.

— Ты не работаешь, не учишься, разве тебе есть чем себя занять?

— Но ведь двести золотых может...

— Если не хватит, мы сможем выслать ещё.

В глазах Артена сверкнул рыжий огонёк. Он был растерян, но ещё больше он был зол. Зол на то, что кто-то, пусть и родители, считал, что лучше знает, что ему нужно. Дело было ещё не закончено.

— А как же дело Айхи? Его ещё не закрыли! Вдруг я понадоблюсь капитану Фирине в расследовании.

— Уверен, с Ярхоном я договорюсь. Да и мне кажется, он сам одобрит данную идею.

Артена загнали в угол. Он чувствовал, что деваться ему некуда. Не согласится — заставят. Увезут куда-нибудь далеко-далеко. Огонёк внутри него так и пылал, хотел вырваться наружу и спалить что-нибудь, но он не мог. Не дома. Артен встал и подошёл к карте.

— Я же могу хотя бы сам выбрать дорогу?

— Разумеется.

Его глаза блуждали по карте. Всё было неправильно, он не хотел отправляться. Арсон был ещё здесь, юный князь это точно знал. Что бы ни сказал директор, Артен чувствовал убийцу. Это был его последний шанс. Айха заслуживала справедливости! И он бы смог её добиться, ему нужна была бы всего лишь ещё пара ночей. Будь на его месте кто-нибудь другой, он бы попытался предугадать действия преступника. Вот только это не его путь, он не такой. Он не умеет читать людей. Вдруг его взгляд остановился на одном городе к юго-востоку от Шэхирка. Это название он встречал почти каждый день: в разговорах, в газетах, в учебниках истории. И он даже не понял, как оно сорвалось с его губ.

— Ерnodск... Да. Да, я поеду в Ерnodск.

Отец не удивился его выбору. Он сидел в своём кресле так же равнодушно, как и прежде. Его как будто и не волновало то, куда его сын направится, лишь бы он был подальше от дома.

— Это твой выбор, — тихо промолвил князь Сект.

Отец взял листок и написал на нём пером имя Хуол Лиссет и адрес дома на Перерожденческой площади, а затем протянул его сыну.

— Тебе пригодится. Адрес королевского посла в землях ликменов. Он поможет тебе обустроиться.

Артен равнодушно забрал листок и быстро спрятал его в кармане.

— Ты сможешь купить билет себе сам или мне попросить Агата?

— Не переживай, с этим уж я справлюсь. И даже отправлюсь ближайшим рейсом.

— Замечательно.

Артен не выдержал и ушёл из кабинета, громко хлопнув дверью. Так кончались все их последние диалоги с отцом, и его совершенно не волновало, чем после он занимается. Раз отцу есть дело лишь до политики и работы, то какое Артену может быть дело до отца? Особенно сейчас, когда огонёк в его голове, желавший наказать убийцу, сам и подначивал его отправиться в Ерnodск. И юный князь доверял этому чувству.

Глава 2

Артен поражался сам себе. Выбор Ерnodска же совершенно верен, и почему он об этом не подумал ещё ночью? Да, Арсон в городе, но это пока. Почему из всех наёмников-ликменов он не смог найти именно его? Потому что его и надо было искать! Он знает, за что ему стоит прятаться, и прячется. И потому он сбежит из города при первой возможности! Но куда бежать убийце, когда его след взяли? А куда бегут люди, когда всё становится плохо? Домой. Он отправится в столицу королевства Матесун, в город Ерnodск, и найдёт там защиту.

За последние двадцать пять лет ликмены со всего мира нашли себе прибежище в новообразованном королевстве. После Мировой Войны Орков эльфийское государство и Белое Королевство с севера настояли на отчуждении земель от Шэхирка и передаче их ликменам в качестве награды. Так образовалось первое национальное королевство ликменов.

Правда, это же объясняет, почему суда так редко ходят из порта Шэхирка в Матесун. Сейчас с Ерnodском их связывает лишь один пассажирский корабль, ходящий раз в месяц. И, к несчастью, последний ушёл из порта три недели назад. До нового оставалось ещё целых семь дней. Семь дней в доме, где от него почти все отвернулись. И хоть времени до отъезда у него было ещё много, он решил собрать свои вещи в первый же день.

Агат предлагал юному князю свою помощь, но Артен отказался. Он всё должен был сделать сам. Он набивал сундуки повседневной одеждой и безделушками. Взял нарядный кафтан и свои личные сбережения, а на самую глубину он упрятал костюм поджигателя. Всё равно он на неделе ему не понадобится. И пока он занимался всем этим, он даже не успел понять, что в комнате он больше не один.

Вдруг Артена что-то ударило в спину и отскочило в сторону. Юному князю не было больно, но он моментально отскочил в сторону кровати, принял оборонительную стойку и зажёл огонь в своей руке. И лишь тогда до него донёлся голос.

— Поиграем...

В рамках одного слова Вайрон прошёл путь от задорного предложения до испуга. Он только начал свою учёбу и не успел отточить реакцию, как старший брат, потому он застыл на месте. Он никогда не боялся Артена и чувствовал себя в безопасности рядом с ним. И даже сейчас он испугался не огня, он испугался за брата.

Артен быстро потушил огонь и почти прыгнул к маленькому Вайрону и заключил в объятия. Он чуть не спалил его. Он направил на него огонь! Это было недопустимо.

— Прости, прости, — прошептал Артен.

Через пять минут Вайрон сидел на столе в комнате старшего брата и болтал ногами. Он не спрашивал о только что произошедшем, будто ничего и не было. Он больше делился подробностями из школы и просто наблюдал за сборами. Вот только огонь действительно горел, и память об этом навсегда останется отпечатком. Пусть не в голове Вайрона, но в сознании Артена.

— ...а потом началась демонология, и птичку Карсона просто поджарили.

— Поджарили живую птичку?!

— Нет, бумажную! Ты совсем меня не слушаешь...

Вайрон печально посмотрел на пол.

Раньше братья любили проводить время вместе и делали это почти каждый день. Артен мог рассказывать истории, а Вайрон их слушал. Вайрон играл со своими каменными солдатами, а Артен участвовал в его сражениях. Временами они выезжали с матерью в загородный особняк и играли в яблоневоm саду. Они бегали, лазали по деревьям, а потом всего стало становиться меньше. Чем старше становился Артен, тем отстранённее он был, но прежде он всегда находил время для веселья, лишь последние несколько месяцев изменили расклад. Вайрон остался совсем один. Он пытался найти контакт со старшим братом, но тот лишь отгоражи-

вался, потому что самому было больно. Всегда сложно признавать неправоту, а попытаться исправить ошибки — ещё сложнее.

— Ты уезжаешь от нас? — тихо, почти шёпотом спросил Вайрон.

— Да.

— А я?

— Останешься дома с мамой, няней и отцом. Продолжишь занятия.

— Но это ведь совсем не то! А как же наша война за Восточный Оплот? А сад горгон? Ты помнишь, ты обещал сводить меня туда!

— Ну... Ещё успеем.

Вайрон насупился. Он поднял ноги на стол, что всегда гувернантка запрещала делать, и обнял их руками. Он чуть не плакал.

— Ты говоришь совсем как они. «Найди себе занятие, Вайрон! Ты должен уметь развлекать себя сам, Вайрон! Не шали, Вайрон, ты что не видишь, что мы заняты?!»

— Я не говорю так.

— Нет, говоришь! Говоришь, прям как папа, пытаюсь сделать всё, лишь бы я отстал.

И не успел Вайрон закончить, как Артен подхватил его за плечи и бросил на кровать. Братья сцепились, пытаюсь защекотать друг друга.

Артен не задумывался над тем, как младший брат видит всё это со стороны. Вся семья знала, что Вайрон с раннего детства был очень восприимчивым к эмоциям. Он ощущал чувства других и видел мир через эту призму. И это было так нехарактерно для княжеской династии Нонморт, что никто не мог и на секунду представить себя на его месте. Артен подумал: может быть, попытаться объяснить ему, что творится. Объяснить, почему так отстранён отец, что тот решает проблемы города и страны? Почему их мать так тревожится последнее время? И почему Артен сам отдалился от него? Рассказать про Айху и про всё! Но потом отбросил эту мысль. Всё это не для двенадцатилетнего мальчика. Вырастет, сам поймёт.

Братья провозились на кровати минут пять, а потом Артен встал, взял со стола замок и повесил его на собранный сундук.

— Обещаю тебе, что сегодня вечером мы ещё поиграем. В конце концов, уезжаю я ведь не сегодня. Так что время есть.

— А как же сад горгон?

— Ну, сад изваяний же ещё не открыли после реставрации? Так вот, туда ходим, как я вернусь из поездки. Уверен, она не продлится долго, я быстро со всем покончу.

Вайрон посмотрел на брата слезящимися глазами и крепко его обнял.

Выходя через час из дома, Артен даже не заметил очередного предложения Агата о помощи. Дворецкий был готов сам заняться покупкой билетов, но юный князь был слишком погружён в собственные мысли. Его беспокоили слова Вайрона. Как он мог быть похож на отца? Он совсем другой, он не может вести себя так холодно и отстранённо. Отец вечно занят делами. Отец вечно ставит работу на первое место. Даже сейчас он отсылает Артена подальше, чтобы самому не приходилось больше расхлёбывать последствия жутких смертей. Он был уверен, что это всё капитан Фирине, так заматал отца вопросами, что тот, чтобы тень не упала на княжескую персону, решил выгнать из дома собственного сына. И мать это, похоже, тоже устраивало! Артен злился. Он пообещал себе очень давно не превратиться в своего отца. И разве его гнев не доказывает, что он другой? Так почему же Вайрон их сравнил?

Артен шёл, погружённый в свои мысли, не замечая ничего вокруг. Он не видел, как стражники крутили руки уличному художнику, изобразившему на стене огненного дракона. Не видел, как столкнулись повозки на перекрёстке. Не видел перепалку двух пьянчуг из-за беспризорного орчонка. Город сходил с ума, но он не замечал. Ему не надо было смотреть по сторонам, ноги сами несли его.

У здания центрального управления портом была толпа. Люди стояли в очередях часами. Одно административное здание на порт, где каждый день останавливаются суда. Сотни грузов привозят и отвозят, тысячи людей и не только приезжают и уезжают. Одного здания уже давно стало мало Шэхирку, но открывать новое никто не спешил.

Артен видел толпу людей, выстроившуюся в единый ряд, но не придал ей значения. Какое ему дело до того, как кто-то убивает своё время. Он прошёл вдоль очереди к центральному входу. Люди кричали ему что-то вслед, но он не оборачивался, а потом внезапно ощутил тяжёлую руку на своём плече.

— В очередь, сынок.

Перед ним стоял суровый мужчина лет сорока. Он выглядел как простой рабочий. Артен уважал их труд и всегда считал, что такие люди заслуживают уважения, но это не повод грубить.

— Отпустите, я всего лишь пройду и куплю билет.

— Как и многие. В очередь!

Внутри у Артена заскребло. Будто бы кто-то только учился играть на скрипке, но уже пытался сыграть музыкальный шедевр. Это злило. Его разум выдавал подходящие ещё реплики диалога, но они лишь больше провоцировали конфликт. Он начал замечать и чужое недовольство.

На втором этаже с грохотом распахнулось окно, и из него показался пухлый мужчина.

— Ваше Сиятельство! Ваше Сиятельство! Я здесь наверху! Проходите, проходите скорее. Я уже выслал к вам свою помощницу, она проводит в мой кабинет. Многоуважаемая публика, не беспокойтесь, мы всех сегодня примем ещё до заката, у нас достаточно сотрудников!

Янган Лэива был начальником городского порта уже двенадцать лет. И по его собственным соображениям, он превратил его в настоящий рай. Пусть ремонтом двухэтажной администрации никто не занимался и оборудование в порту порядком износилось, но прибыль росла. Во многом это была заслуга внимательности Янгана. Он всегда знал, откуда дует ветер, и подмечал особых гостей. Таким для него был и Его Сиятельство князь Южных Земель Артен Нонморт. Сидя в своём кабинете и разглядывая свои владения, он заприметил юношу и быстро достал из памяти всю информацию о нём и его роде. В основном она касалась наследственного состояния.

Помощница Янгана, блистательная блондинка, проводила Артена прямо до предложенного ему места. Юный князь оглядел кабинет и, не найдя ничего интересного, поприветствовал хозяина порта.

— Янган Лэива, начальник порта, Ваше Сиятельство. Вы, должно быть, меня не помните, но полтора года назад мы оба были на приёме в честь новой книги графа Тэта Миценгейта.

Артен слегка поморщился, услышав знакомое имя, но быстро взял себя в руки.

— Рад видеть Вас вновь, господин Лэива, но я не думаю, что моё дело столь важное, чтобы отвлекать вас от работы. Мне всего-навсего надо купить билет.

— О, что Вы? Какие могут быть у меня дела? Да и билеты тоже по моей части. Может быть, чаю или вина?

— Не думаю, что Вы принимаете так каждого из той очереди, — Артен аккуратно указал рукой на окно.

Господин Лэива разразился диким хохотом.

— Конечно, конечно, нет, Ваше Сиятельство. Но все важные документы я утверждаю лично. Я подписываю декларации, утверждаю перевозимые грузы, подписываю каждый лист с пассажирами. Так что это в любом случае прошло бы через меня.

— Что ж, хорошо, — недолго подумав, сказал Артен. — Мне нужен билет на ближайший корабль до Ерnodска.

— Отправляетесь исследовать мир?

Янган тихо посмеялся и тут же окунулся в бумаги. Среди множества листов, не очень аккуратно сложенных на его столе, начальнику порта удалось достать нужный. Он изучил его внимательно и покачал головой.

— Знаете, кажется, все каюты вашего класса уже заняты... Вы же знаете этих превращенцев^[1], их всех так и тянет вернуться к своим. Должен признаться, они свои буклетики и у нас в порту раздавали. «Ликменам лучше держаться вместе!» — ну что за бред?

— А что насчёт классом ниже?

Янган скривился.

— Не думаю, что они Вам подойдут, Ваше Сиятельство. Там надо делить пространство с неизвестными. Даже свой сундук нельзя спокойно оставить! Пусть Ваша дорога и не слишком дальняя, но я бы не стал рисковать.

— Что же делать?

— Ну, я бы дождался следующего рейса через 35 дней. Не самое долгое время ожидания, и мы бы выписали сразу лучшую каюту для Вас.

— Нет, столько я ждать не могу.

Янган развёл руками. Артена начинало тревожить. Он не мог оставаться в Шэхирке, хотя чувствовал, что убийца всё ещё в городе. И он не мог уехать туда, где мог бы расставить ловушку. Всё было слишком сложно и непонятно.

Вдруг господин Лэива вскинул палец вверх и хлопнул в ладоши.

— Точно!

— Что точно?

— Я знаю, как мы поступим. Обычно так не делается, но я вижу, что для Вас это важно. Мы отзовём один из билетов в лучшие каюты и отдадим её Вам. Придётся принести извинения одному из господ и возместить его издержки, но ради Вас, Ваше Сиятельство, я готов на это.

— Но это как-то неправильно, человек уже оплатил, он рассчитывает.

— Я с ним договорюсь и выкуплю билет. Уверю Вас, никаких проблем с этим не будет.

Артен сразу улыбнулся. Всё складывалось как нельзя кстати. И с чем здесь хотел помочь Агат, непонятно. Всё уладилось в течение пятнадцати минут. Оставалось лишь утрясти маленькие детали, проявить княжеское достоинство.

— Что ж, это замечательно, — произнёс Артен и пожал руку Янгану. — Я готов выделить Вам нужные для перекупа средства. Сколько это будет стоить?

— О, всего 25 асеров.

Артен, не задумываясь, достал из кармана полученный мешочек и отсчитал монеты.

— Ещё раз признателен Вам, господин Лэива.

— О, что Вы, мне в радость.

Артен остановился в дверях. Что-то его беспокоило. Он чувствовал, что что-то идёт не так, но не мог объяснить. А ещё что-то важное вертелось в голове, но он никак не мог ухватиться за эту мысль.

— Напоследок... Вы что-то упоминали про список пассажиров?

Юный князь Нонморт, идя на закате вдоль порта, думал всё о прочитанных именах. Он не знал, много или мало было отдать 40 асеров за билет и информацию, но зато он точно был уверен, что убийцы не будет на ближайшем рейсе. Там были Клес Иргесс, Расон Алеомэст, Корт Бишоп и множество других, но не было Арсона Олематэса. Ничего похожего. Может быть, директор был прав и его давно нет в городе?

Когда Артен дошёл до конца очереди, огонёк в его подсознании разгорелся. Ветер направлял его взгляд. Он посмотрел мимо капитанской кареты, остановившейся неподалёку. Посмотрел сквозь моряков, тягавших груз, посмотрел сквозь седовласого старика. Артен замер. Нет, это был не старик. Да и седина имеет иной отлив. Волосы были серебряные.

Раздался звук колокольчика стражи. Поджигатель бежал и знал, что бежали и за ним, но он не мог его упустить. Он чувствовал его. Он верил, что Арсон в городе, и был прав. Не может быть так много людей с общей необычной деталью. Он гнался за ним сквозь толпу. Он бежал сквозь моряков и погрузчиков, догоняя цель впереди. Он загонял жертву в угол.

И вот поджигатель стоял на пирсе меж двух кораблей. Здесь были ящики, много ящиков и ни одной живой души. Он никого не видел. Серебровласая тень растворилась. И всё же поджигатель чувствовал жертву. Искры сверкнули в руках.

— Князь, куда мы так спешим? Увидели что-то интересное?

Артен обернулся. Его окружили три запыхавшихся стражника. Их руки лежали на рукоятках мечей. Они ждали его хода. Голос внутри шептал, что рано останавливаться, но он становился тише. Искры угасли.

— Лёгкая пробежка с препятствиями, капитан, ничего стоящего.

— Правда?

Мужчина тридцати лет в офицерском снаряжении подошёл к Артену и заглянул за плечо князя. Он быстрым взглядом окинул окрестности и, не найдя ничего по-настоящему интересного, дал отмашку подчинённым.

— Вас подвести до дома, князь? — не меняя серьёзного тона, спросил капитан.

— Это было бы любезно.

Вскоре они сидели вдвоём в карете капитана Ярхона Фирине. Артен не единожды за прошедшие четыре месяца встречался с начальником городской стражи, и ни разу это не было случайностью. Впервые Артена добросил капитан после смерти Айхи, дело о котором вёл лично капитан. Тогда юному князю офицер показался человеком, которому не чуждо сострадание, но после начала поджогов их мнение друг о друге изменилось.

Они сидели напротив, и периодически их взгляды пересекались. Капитан достал перо, записную книжку и небольшой флакончик чернил. Он раскрыл свои бумаги и стал аккуратно что-то записывать, стараясь не отвлекаться на тряску.

— Князь, Вы слышали, что сегодня ночью случилась очередная трагедия?

— Вы про смерть ещё одного наёмника в огне? Да, слышал.

— Очень безрассудно разжигать расовую ненависть сейчас, когда мир и так находится на грани. Не находите?

Артен посмотрел в окно. Город проносился мимо, будто сновидение. Он провёл пальцем по холодному запотевшему стеклу.

— Не уверен, насколько это можно назвать расовой ненавистью. В пожарах за последние несколько месяцев погибли не только ликмены. Было же ещё дело графини Миценгейт...

— Князь, мы это уже обсуждали. Эти два дела не мог совершить один и тот же преступник. Вы сами отмечали, что графиня погибла от зелья, а тут мы имеем дело...

— С драконом, — интуитивно ответил Артен. — По крайней мере, так писали в газетах после первых трёх жертв.

— Газетчики не располагают всей информацией.

— Раз так уверен, вы скоро поймаете виновного, — со злобной насмешкой произнёс юный князь и посмотрел капитану в глаза.

— Есть некоторые преграды.

— Как обычно.

Капитан Фирине прикусил перо. Он смотрел на улыбку юноши, и она его раздражала. Уже много дней он хотел свести её с лица, но каждый раз шанс ускользал от него. Он уже не мог вспомнить, когда в последний раз спал в своей кровати.

Карета завернула за угол и выехала на родную для Артена улицу. До дома оставалось совсем чуть-чуть.

— А, капитан, хотел Вам сообщить. Вы знаете, через недельку я уезжаю.

Флаконе с чернилами вздрогнул и оставил каплю в записной книжке. Капитан интуитивно попытался её стереть, но лишь сильнее размазал. Улыбка Артена стала искренней.

— Как? То есть Вы же свидетель... по делу смерти графини... Мы не можем просто так дать Вам уехать.

— Не знаю, — разглядывая пятно, произнёс юный князь. — Думаю, всё с разрешения Его Величества, короля Фаенга Второго.

Карета чуть резче обычного остановилась, но чернила остались во флаконе. Артен кивнул головой и открыл дверцу.

— Прощайте, капитан.

— До свидания, князь.

Артен оставил капитана Фирине осмыслять всё произошедшее в собственной карете. Ярхон ничего не мог сделать. Как понял юный князь, он вообще редко когда что-то мог. Вот и теперь у него не было абсолютно никакого выбора. Артен подозревал, что капитан уже обращался к королю с предложениями по делу поджигателя, но они ни к чему не привели, так почему же сейчас всё должно быть иначе?

Дверь в фамильный особняк Артену отворил Агат. Он делал это всегда за мгновение до стука и никогда не опаздывал. Юный князь продемонстрировал дворецкому выписанный билет и с утверждением, что всё было не так уж и сложно, прошёл наверх.

Было уже затемно. Артен медленно и тихо двигался по коридорам, словно тень, стараясь никого не разбудить. Лишь в одной комнате до сих пор горела свеча — это была детская игровая зала. Юный князь заглянул в распахнутую дверь и увидел младшего брата, спящего среди каменных солдатиков. Он аккуратно подошёл к нему и взял на руки. Вайрону не следовало оставаться здесь. Хотя завтра и не надо было идти в школу, мать точно не обрадовалась бы, найдя его спящим в холодной комнате на полу. Вот только стоило Артену сделать шаг за порог, как мальчишка открыл глаза. Они засияли в ночной тени как две звёздочки.

— Артен! Артен, я так рад, что ты пришёл!

Вайрон постарался быть тише, но ему это удалось не сразу. Он соскочил с рук старшего брата, схватил его за рукав и затянул обратно в игровую.

— Нам надо столько всего сделать! Отстоять форт, спасти Барабена и... Кажется, надо заменить свечу.

Глубоко ночью княгиня Рамина проснулась в холодной постели от испуга. Ей часто снились не самые приятные сны, но она умирала их прежде. Последнее время это давалось ей всё труднее. Она встала с кровати и пошла за водой. Обычно Сект приносил графин в их спальню, но сегодня он ушёл в ночь и не сказал, когда вернётся.

Она шла по коридорам тихо, чтобы не разбудить мальчиков, а потом услышала звуки. Она хотела позвать Агата, но что-то внутри её отговорило. Княгиня увидела отблеск от свечи в коридоре и аккуратно пошла к нему. Чем ближе она подходила, тем яснее ей слышались голоса. Сперва только детский мальчишеский, а за ним более грубый, но такой же радостный.

Приблизившись к закрытой комнате, княгиня аккуратно на щёлочку отворила дверь. Картина, увиденная ею, вернула её на три-четыре года назад, а потом и на все восемь. Она бы смотрела на них вечно. И как бы хотела она оставить всё так, как в ту дивную ночь.

[1] Превращенец — оскорбительное наименование расы ликменов. Существ, способных обращаться в обличье той расы, которую видели вживую.

Глава 3

Тик-так. Тик-так.

Князь Сект раскладывал бумаги в королевской приёмной. Всё должно было быть готово к завтрашнему совещанию. Союзный проект, предложенный вампирским царством, требовал детального рассмотрения. Сект не мог допустить, чтобы их в третий раз за тридцать лет втянули в войну. Южное королевство было сложно вытащить из прошлого кризиса, не хватало нового.

Ему казалось, что впервые за полгода он мог полностью отдалиться делу. Никаких пожаров, никаких внутригородских проблем. Остался только он и работа, как должно быть.

Его Величество, Чёрный король магии, владыка южных земель Фаенг Второй, должен был вернуться с переговоров утром. Его конвой уже видели на границе, оставалось совсем мало времени.

В пустых коридорах ночного замка раздались звонкие шаги. Это была солдатская походка. Цоканье пяток, тяжёлые сапоги, ритмичный ход — всё строго по уставу. Звук шагов приближался. Князь Сект отложил папку с планом экономического развития, надел пенсне. Он посмотрел на часы. Никого не должно было здесь быть в столь поздний час.

Шаги прекратились. Дверь без стука распахнулась, и за ней показалось лицо капитана Фирине. Князь пригляделся, заметил папку в руках офицера и убрал пенсне в карман. Ярхон молча зашёл в приёмную и сел на один из гостевых диванчиков. Сект продолжил заниматься документами.

Тик-так. Тик-так.

Капитан посмотрел на свои часы, затем сверил время с королевскими и убрал свои обратно.

— Вы не имели права его отпускать.

— Неужели? Его Сиятельству не пристало сидеть в четырёх стенах. Он и так там порядочно задержался.

— Князь, Вы прекрасно знаете, о чём я говорю. Он неуравновешенный, опасный... Его место в Загорье или даже...

Князь трижды постучал пальцем по столу.

— Если у Вас, капитан, есть конкретные обвинения, выдвигайте их. Посмотрим, что скажет Его Величество.

Капитан улыбнулся и положил папку себе на колени.

— У меня хватит улик.

— Косвенных. Ваша карьера не выдержит такого необдуманного удара.

— А Ваша, князь?

Сект не ответил. Капитан покрутил в руках папку, заглянул в неё и начал перечитывать. Он вертел в руках помятое гусиное перо и то разминал его, то скручивал. Часы пробили два часа ночи. Князь покончил с сортировкой документов и накинул на плечи свой зелёный камзол.

— Помните, капитан, политика — это не охота за преступником, тут редко выпадает второй шанс. А вот поджигателя у Вас ещё есть шанс поймать.

И князь ушёл, оставив капитана одного в приёмной с догорающей свечой.

Он шёл по вечернему городу. Всё было как в тумане. Он различал запах цветущих яблонь. Он вдыхал его и никак не мог надышаться. Воздух был таким сладким и таким родным.

Он дошёл до красного дома, сложенного из кирпича. Он медленно и неуверенно ступал вверх по ступеням, пока не оказался у двери. Ему путь казался вечностью. Такой непреодолимый и такой желанный. Он постучал. Вскоре дверь открыла Она.

И вот они уже мчались по городу в карете и задорно смеялись. Им было вместе хорошо. Она смотрела в Его глаза и, кажется, была счастлива. Она говорила что-то об эльфийских выставках, о роли Опайна Либерта в формировании линнской демократии, о поездке в Сарайские земли. И Он слушал Её. Может быть, не слишком внимательно, но это оттого, что не мог оторвать взгляда от Её милой улыбки.

Они шагали вместе по лестнице оперного театра. Сегодня состоялась премьера, и весь свет общества собрался здесь. Люди пили, немного танцевали и обменивались мнениями. Она оценила новую постановку. Она увидела в ней что-то важное. Для Него же это было очередным высокопарным бредом творцов, тешащих собственное эго. Но Он ей этого не сказал.

Они прогулялись вокруг оперы и поднялись наверх за вещами. Она захотела пить, и Он пошёл по её просьбе. Он взял у улыбчивого официанта два фужера и направился к ней. Она была так прекрасна в своём белом платье на этой мраморной лестнице, что Он не мог отвернуться. Она сделала глоток.

Когда они начали спускаться вниз, Ей стало плохо. Он пытался её поддержать, но что-то острое пробивалось из Её спины, укалывая Его. А потом она полыхнула. Белое платье в секунду обожгло пламя. Её кожа начала чернеть. Она кричала. Она кричала его имя и корчилась в агонии. Он стоял и ничего не мог сделать. И никто ничего не сделал.

Всюду пахло серой. Он еле-еле смог обернуться. Он увидел официанта и побежал за ним, но люди толпой бежали от огня. Он не нашёл ни орка, ни гоблина, ни гнома. Он не нашёл никого.

Он вернулся на лестницу. Он искал Её, но Её не было. На ступенях остались лежать лишь красная чешуя и серебряный волос. Он хотел закричать от горя, но голос пропал. Ему представлялось её потемневшее прожжённое тело, умоляющее Его. Ему казалось, что Он до сих пор слышал Её голос.

Рёв пронёсся над Его головой. И вот Он уже пылал вместе с оперой, с городом и с Ней на руках.

Артен прислонился к борту корабля и закрыл глаза. Мать приучила его, что стакан воды и вид ночного города способны унять кошмары. Они приземляют сознание и помогают увидеть настоящий мир. И, похоже, морская гладь была плохой заменой.

Он часто видел кошмары об огне. Ему снилась смерть Айхи. Снились пожары и разрушения. Он видел гибель самых близких людей, и это было невыносимо.

— Чёрт... — сорвалось с губ юного князя.

Ему хотелось кричать. Кричать в тёмную ночь с палубы на море, но это не было выходом. Он вспомнил, как перед отъездом пересекся с другом, кутёжником Джуером. Вместе с ещё одним приятелем Сорусом они неплохо веселились прежде. Зря Артен отказал Джуеру. Надо было выпить напоследок в ближайшей забегаловке. Может быть, хоть так было бы легче.

Артен опустил руку в карман ночного халата, но нашёл там лишь свой кошелёк. Он поморщился и крепко сжал свой кулак.

— Точно, я его не взял.

Он не мог этого до конца объяснить, но он очень хотел нащупать в кармане медальон, подаренный Айхой. Медальон с её портретом. Он хранил его с момента её смерти в ящике своего стола и старался его не касаться. Это была память, которая должна быть рядом, но тревожить которую он не собирался. Артен чувствовал, что этот медальон способен его размягчить...

Юный князь выдохнул. Он должен справиться сам. Артен взял свой недопитый стакан, сделал последний глоток и выбросил стеклянный бокал в море. Раздался лишь лёгкий бульк.

— Кхм... — раздался мужской кашель из-за спины юного князя.

Артен обернулся. Позади него стоял грузный мужчина лет пятидесяти. Одет он был не по погоде, слишком лёгкий был наряд. На нём были лишь штаны да матросская рубашка. Всё это не вязалось с его образом.

— Вам придётся оплатить выброшенный стакан.

— Не страшно.

Мужчина покачал головой и приблизился к Артену. Стоя у борта, он достал трубку и закурил. Артен думал предложить ему свой огонь, но ночной пассажир справился сам.

— Не страшно... Кажется, это вы тот выскочка, что выкупил капитанскую каюту.

— Что, простите?

— Капитанскую каюту, — раздражённо повторил мужчина. — Ту комнату под первым номером на юте.

Номер совпадал. Артен даже удивился такому пересечению. Вот только разве могло бы это быть правдой? Капитанские каюты всегда отданы капитану, на то он и капитан. Это его привилегия.

— Простите, но я думаю, Вы ошиблись. Я купил билет, как и все.

— Действительно? И в очереди стояли? — мужчина рассмеялся.

Артена поведение собеседника начинало выводить из себя.

— Послушай, парень, нельзя заявляться в последний момент и...

— А вот Вы где! И долго, господин, нам ещё придётся ждать своё вино?

Это кричал сморщенный старичок в чёрном фраке и с галстуком-бабочкой на шее. И он бежал в сторону Артена и его собеседника очень бодро для своих лет.

Мужчина в последний раз затянулся дымом. Прошептал себе под нос что-то про ненависть к Шэхирку, к Ерnodску и вообще ко всему миру и ушёл прочь.

— Вот, кажется, мы заплатили достойные деньги, господин, а обслужить нас по-человечески до сих пор не могут. Это же безобразие какое-то, да?

Артен уже перестал понимать, что происходит. То к нему подходит один пожилой мужчина, теперь другой. И всем обязательно надо поговорить. А он просто хотел сейчас насладиться тишиной. И, возможно, что-нибудь выпить. Желательно, чтоб перестать думать.

— Да где этот чёртов гоблин?! — завопил мужчина в матросской рубашке.

— ...так что насчёт моего предложения, господин?

Голова у Артена шла кругом. Кое-как он сфокусировался на личности, стоящей по его левую руку.

— Прошу прощения, я задумался о своём. Что вы сказали?

— Может, Вы, господин, составите нам компанию в галийском десэне?

Артен вновь задумался. Сорус лет пять назад обучил их с Джуером этой азартной игре. Ключевой задачей было сбыть пять карт предателей одному единственному игроку, тогда тур заканчивался. Стартовая ставка проигравшего делилась между остальными участниками за столом. Не самая лёгкая карточная игра на планете, но очень многие, выпив, берутся за неё. Нередко люди прожигают в ней всё своё состояние.

— Если я не ошибаюсь, в галийском десэне пять игроков? — уточнил Артен.

— Всё верно, господин, — сверкая улыбкой, продолжал старичок. — Затем мы и предлагаем Вам присоединиться. Нас сейчас всего четверо, господин.

На палубе опять раздался грохот. Это стриженный гоблин брэнчал ящиком с бутылками вина. Мужчина в матроске подгонял неспешного подчинённого. Перезвон стал глотком облегчения для Артена. Юный князь сглотнул.

— Что ж, я согласен...

— Замечательно, господин!

— ...мне только надо переодеться.

— Мы будем Вас ждать, господин, в каюте с фигурной буквой «К» на входе.

Господин пожал Артену руку и побежал вслед за гоблином. Он был очень подвижным для своего возраста. Юного князя это весьма позабавило.

Вернувшись в свою каюту, Артен в первую очередь решил её пристально рассмотреть. Комната как комната. Кровать, стул, стол, зашторенное окно, выходящее на палубу, книжный шкаф, да его собственные сундуки. Здесь не было ничего такого, что выдавало бы в ней капитанскую каюту, и с чего тот мужик так решил?

Артен сел на мягкую перину и открыл свой кошелек. У него было сто пятьдесят асеров от отца — этого с лихвой хватало на игру, а ещё у него был свой запас монет. Он распахнул сундук и откопал ещё один небольшой мешочек. По его самым скромным подсчётам, там должно было быть около пятисот асеров. Уж этого ему на проживание точно должно хватить. Юноша отсчитал себе ещё пятьдесят монет и положил их в свой кошелек с зачарованным расширением.

Когда он уже закрывал его, из кармашка вылетела небольшая бумажка. На ней было имя Хуол Лиссет и адрес в Ерnodске. Артен поднял её и усмехнулся. За несколько секунд он сложил из неё голубя и запустил в окно. Он не собирался нигде задерживаться. Да и приятно было отказать отцу, пусть и заочно.

Вскоре Артен покинул каюту в тёмно-зелёном костюме. Он носил его, как и всё, с ноткой небрежности, которая должна была подчеркнуть его развязный образ. Как говорил Сорус, игра начинается ещё до партии. Блеф должен распространяться на все твои движения.

Найти каюту с фигурной буквой «К» оказалось не слишком просто. Всё было пронумеровано, везде были числа, и сложно было бы даже предположить, в каком сегменте корабля искать подобную комнату. Выдал игроков лишь звон ящика с бутылками, который гoblin старательно затаскивал вниз по лестнице.

Артен обошёл аккуратно морского слугу и посмотрел на дверь. Буква «К» действительно не выбивалась. Её словно перенесли с древнего манускрипта и отобрали на табличке красным цветом. Она бросалась в глаза и вводила в недоумение.

Гoblin дотащил ящик, посмотрел вверх на юного князя и постучал в дверь. Вскоре им отворил тот самый пожилой господин с палубы. Его взгляд за секунду проскользнул по костюму Артена, и его улыбка засверкала ещё ярче.

— О, господин, проходите, мы Вас ждали!

Мужчина провёл Артена в слабоосвещённую каюту. Юный князь сразу заметил, что размеры здесь чуть скромнее, чем в его комнате, но ничего не сказал. В центре стоял круглый стол, за которым уже сидело трое господ, одним из которых был орк. Остальные в комнате больше напоминали людей, но Артен не рискнул бы это гарантировать. Он не видел детально их ушей или зубов, да и ликмена распознать он не мог.

Пожилый господин отодвинул стул и предложил его юному князю. Раздался грохот. Это гoblin наконец дотащил третий ящик. Худощавый мужчина за столом шикнул на гоблина, и тот принялся извиняться и разливать всем вино.

— Вот, господа, это тот самый господин, которого я упоминал. Он согласился поддержать нашу партию.

Артен быстро осушил налитый бокал. Это был его главный козырь. Надо было скосить под избалованного новичка, а для этого надо было пить... И как же хорошо ему стало после первого бокала! Он даже почувствовал, что его наигранная улыбка уже и не такая наигранная. Вина ему налили тут же ещё. И он уже хотел потянуться за ним, но вовремя сдержал себя.

Ценой за такой блеф для Артена стала его память. Он не запомнил имена своих оппонентов, но детали он подмечал. Так, в его памяти игроки отложились под опознавательными именами. Так, первым стал «Господин». Он так любил это обращение, что это стало его основной чертой. Вторым был орк, но называть его по расе было некрасиво, пусть даже в голове. И

он стал «Етот» за все возможные грамматические ошибки. Был ещё один охочий до выпивки. То и дело кричал «Подлей», Артен даже слегка завидовал такой раскрепощённости. И был ещё тот, что на гоблина шикнул. Очень тихий мужчина. Артен запомнил его как Шептун.

Первым раздавал карты Шептун. Он бережно перемешивал колоду, но не спускал глаз с собравшихся.

— Так, значит, господин, едете в Ерnodск по каким-то серьёзным делам?

— Нет, я на отдыхе, — отвечал Артен, небрежно касаясь ножки бокала.

— О, и отправились в Ерnodск? Станный выбор. Арх! Эй, подлей мне! Лучше уж было отправиться на Тенгаку и другие острова на юге. Там приятно провести время.

— Так было до последнего года. Сейчас всё иначе.

— И что же изменилось?

— Драконы завелись.

Подлей понимающе покачал головой и выпил ещё один бокал.

— Подлей! Ну, их сейчас везде хватает, не стоит тревожиться.

— Вы так думаете? — удивлённо спросил Артен.

— А чего тут думать? С этими рептилиями всегда так. То много, то мало.

Карты были розданы. Первичные ставки сделаны. Бокалы наполнены. У каждого на руках было по тринадцать карт. Они рассматривали свои карты и раскладывали их согласно собственной тактике. В свой ход игрок делал ставку и выбирал противника. Тот мог пасануть и отделаться минимальной установленной ставкой. Либо принять вызов с аналогичной. После этого игроки вскрывались, и тот, у кого карта была большей, забирал и деньги, и карту. Главное, было не собрать пятерых предателей. Ну и желательно не вылететь первым, если не хочешь сидеть без дела.

Артен пытался отследить манеру игры каждого за столом, но после трёх бокалов это становилось проблематично. Он бессознательно всё равно раскладывал карты наилучший для себя образом, но иногда выбирал не того противника.

Намного интересней шли застольные беседы. Артен не знал, кем именно были его соседи, но обсуждали они много финансовые вопросы и то, как некоторые события влияли на торговлю. Етот вещал, как торговля с клонизаторами стоит в шатком положении из-за участвовавшего разбоя драконами. Подлей рассказывал, как трудно работать в большой финансовой корпорации по продаже и переработке металла. Мол, у него нет никакого времени на себя. Господин же просто им поддакивал. Артену казалось, что подобные люди ни разу в жизни не работали, и внутренне смеялся над ним. А вот Шептун молчал и просто смотрел в карты. И казалось, что победитель при такой расстановке сил очевиден. Нельзя же играть и болтать сразу. Ты обязан начать ошибаться! Вот только каждый из них и проигрывал, и побеждал. И Артен не был уверен, был ли хоть у кого-то перевес.

— А я вас заверяю, для свершения перемен... Подлей сюда! Да, для этого Надемах должен умереть.

— Етот дракон — просто дракон. Прядёт, и след будет также.

— Или, господин, будет хуже. Представьте, что у этой гидры больше не будет головы. Драконы разлетятся по миру и сожгут абсолютно всё.

И эта беседа продолжалась долго. Карты метались. Золото звенело. Пробки от бутылок выстреливали. Гоблин юрко подходил к игрокам то с одной стороны стола, то с другой. Он появлялся и исчезал.

Артен заливал в себя бокал за бокалом, пытаясь не отстать от Подлея. Это было неплохим опытом. Он желал проявить себя и заодно заглушить все внутренние мысли. Их так много поселилось в последние дни. И они были такими навязчивыми. Они причиняли боль. Вот только одно чувство никак не хотело уходить. Артен чувствовал на себе чей-то взгляд. Ни Госпо-

дин, ни Подлей, ни Ентот не смотрели на него. Даже гоблин с Шептуном были заняты своими делами, но что-то внутри так и щёлкало. Он чувствовал чей-то взор, хотя и не мог его поймать.

— Господин?

Артен вернулся за стол. Он вскрыл карту, забрал выигрыш, и ставки продолжились.

— Так что Вы думаете о драконах?

— А?

— Да, нам было бы интересно услышать голос будущего поколения. Вот сюда лей.

Артен слегка замешкался.

— Не знаю, что и думать... Они по-своему прекрасны?

Артен даже не понял, откуда взялись эти слова. Они были даже не его. Он ведь сам никогда не любил рептилий.

Подлей махнул рукой.

— Вот и всё, что их сейчас волнует! Красивая картинка. Дайте догадаюсь, Ваше Сиятельство, они — мечта о полёте и свободе. Избалованные дети, считающие, что им всё должны.

Господин хотел что-то добавить, но Шептун аккуратно покачал головой, и тот притих. Алкоголь внутри Артена кричал о необходимости ответа. Пусть и необдуманного, пусть и чужого.

— Да, но разве это проблема?

— Что? Нет, конечно, нет, если вы сторонник драконьего превосходства. — Подлей рассмеялся.

— Я считаю, что каждая жизнь одинаково ценна.

— Ложь.

Ярость внутри Артена закипала. Он глядел в насмешливые глаза Подлея и был готов спустить на него весь свой жар. В нём было столько огня, просившегося наружу.

Вдруг корабельный колокол отбил четыре удара. Сигнал о рассвете. Они пробывали за столом в каюте всю ночь, но последнюю партию так и не доиграли.

— Предлагаю закончить на сегодня, господа, — встав со стула, тихо промолвил Шептун.

Никто не двинулся. Все смотрели на Артена. Юный князь медленно, но затихал, и это лишь сильнее веселило Подлея. Гоблин вновь со стуком пробрался в каюту и подошёл к стулу юного князя.

— Надеюсь, господин, мы ещё свидимся с Вами в Ерnodске.

Артен не обернулся. Он вышел за дверь вслед за гоблином и на прощание громко хлопнул дверью.

Юный князь, спотыкаясь, поднялся на палубу. Его вело, но кое-как он прислонился к мачте и пересчитал деньги. По ощущениям, их не прибавилось. Считать их повторно было сложнее, но меньше их если и стало, то ненамного. Артен потихоньку сполз вниз.

Артен посмотрел на ночное небо, затянутое облаками. Хоть колокол и пробил четыре раза, он не чувствовал, чтобы солнце поднималось из-за горизонта. И воздух. Он был таким горьким и холодным.

Мысли Артена вертелись как на карусели. Всё внутри него перемешалось и скрутилось. Он не понимал, что за вино разливал им гоблин, но оно было точно крепче обычного. Зато больше за ним никто не следил.

Вдруг крепкие руки подхватили Артена и поставили на ноги. Он не понимал, что происходит, но он двигался. Некая сила толкала его вперёд вплоть до каюты, где наконец его спокойно положили.

— Мне и там было хорошо... — тихо произнёс Артен.

— Ага, — ответил хриплый мужской бас.

— Я такой же, как все... Мен'ня напрягают драконы... И жить я готов, ну, как все

— Как скажешь.

— И это... и деньги мне не нужны... ничто мне не нужно...

Артен отвернулся к окну. Его начало мутить ещё сильнее, и он развернулся обратно к полотой кофте, удалявшейся прочь.

— Стой! Стой... Я серьёзно... Я справлюсь сам, я совсем справлюсь...

— Ага.

Артен достал из кармана деньги, оставшиеся с игры, и положил их куда-то, куда дотянулась рука.

— Передай их капитану, за... Ну за... — Артен развёл руками. — Короче, отдай капитану.

Мужик пересчитал предложенные деньги, аккуратно их сложил и оставил на столе. Через пару минут дверь в капитанской каюте захлопнулась, и Артен остался один в забытии с телесной болью и блаженством разума одновременно.

Глава 4

— Земля! Земля!

Морское путешествие заняло не больше трёх дней, но Артен всё равно соскучился по твёрдой земле. Он сам с трудом сознавал течение времени последние месяцы, за исключением пары недель. То дни тянулись словно месяцы, то недели укладывались в секунды. И объяснить этот парадокс князь не мог, разливая по бокалам очередную бутылку вина.

Артен ступал по палубе нетвёрдым шагом. Его качало. Его мутило, но он старался держать себя. Вокруг него сустились люди с сундуками и мешками. Всё мелькало перед его мутным взглядом.

— Надеюсь, мы ещё свидимся, господин.

— Всего доброго!

— Желаю не спечься Вам, хах, Ваше Сиятельство!

Артен кивал головой, пожимал руки, но даже не смотрел, с кем именно он прощается. Кое-как при поддержке матросов он спустил свой груз с пришвартованного корабля на берег, где лёг спиной на сундук и закрыл глаза. Он не хотел наслаждаться видом чистого неба. Ему оно было не нужно. Хотелось просто застыть в тишине и покое. Голова затихла. Он смог вздохнуть без боли.

— Я бы на твоём месте не оставался здесь надолго. Сегодня пойдёт дождь.

— На небе ни облачка.

— Это лишь облегчит им работу.

Артен привстал и посмотрел на обращающегося к нему мужика. Лысая голова, хищная улыбка, и его взгляд обращён на княжеские вещи. Преодолевая боль, юноша повернулся на бок. Артен вскочил, зажёг в руке пламя и начал кричать. В его вещах копались два гнома. Они уже разворошили бельё и что-то разбросали по причалу. Когда они поняли, что их заметили, они помчались наутёк, загребая всё, что могли с собой унести.

Артен был зол. Боль слегка отступила. Он брал вещи и складывал их обратно. Он проверил, деньги были на месте. Не пропало ничего серьёзного. Только рубашки, пошитые на заказ, и его выходные перстни. Он не надевал их с того самого дня, но в дорогу решил взять. Не страшно.

Юный князь обернулся к мужчине, чтобы высказать ему своё недовольство. Можно ведь было сказать всё сразу, можно было быть прямолинейнее, если не самому спугнуть парочку гномов, но мужчины и след простыл. Его словно и не было. Артен пнул ногой свой сундук и продолжил собирать вещи.

Ерnodск — ныне столица королевства ликменов Матесун, в прежние годы портовый город Южных земель Чёрного короля — никогда не вязался с образом рассадника преступности. Город всегда описывался как центр совершенного порядка, где стража следит за улицами, точно орлица за своим гнездом. И это говорилось в Шэхирке уже после проигрыша в Мировой Войне Орков, когда ненависть к Матесуну и ликменам была на пике. Несмотря на это, воровство стало первым, с чем Артен столкнулся в Ерnodске.

Тяжело перебирая ногами, Артен покинул пределы порта. Город сменился, а движения в нём остались прежними. Кареты и люди всё также смешивались на улице в кучу, спеша по своим делам. На дорогах от их следов оставались грязные следы в осенних лужах. Хотя температура здесь была теплее, чем в родном городе Артена, осенняя слякоть не отступала. Борясь с прохладой, юный князь потёр руки и пропустил сквозь себя невидимый луч магии. Энергия стала теплом.

Артен огляделся. Серые каменные дома, толпы людей... Всех вокруг можно было разделить на конкретные группы, но его больной голове было не до этого. Она только и думала,

что о постели и горячем чае. Но такого места в Ерnodске для него ещё не было. И вот Артен зацепился взглядом за группу подтянутых орков, пристающих к проходящим людям. Они что-то кричали, но юный князь даже не пытался разобраться, что же именно они говорили. Он подошёл к ним.

— Мне нужно найти место для ночлега, отвести туда вещи и провести небольшую экскурсию по городу. Плачу вдвойне.

Такие люди попадаются везде. На каждом пристанище находятся мужчины средних лет, а бывает и дети, готовые исполнить каприз путника. Лишь бы у него водились деньги.

Орк пристально рассмотрел Артена и широко улыбнулся.

— Любой каприз, сударь! У нас как раз есть на примете одна замечательная гостиница. Её держит мой двоюродный брат, уверяю, всё будет на высоте.

Орк свистнул, и его подручные окружили Артена. Все они были разных видов, разного роста, но все выглядели почти одинаково бедно. Даже по старшему орку нельзя было сказать, что у него хороший доход и что его брат владеет успешным трактиром.

Уже через несколько минут он сидел в карете, которой управлял карлик, и залихватски нёсся по улицам Ерnodска. Тот орк, к которому Артен обратился за помощью, за тридцать асеров или же девяносто пять закеров при переводе на местный курс, выделил ему карлика Ксаласа на целый день. Тот должен был его возить, таскать грузы и исполнять любую прихоть. И сейчас у Артена она была только одна — поскорее упасть в чистую и застеленную кровать, которую не будет трясти!

Кое-как справившись с укачиванием, юный князь добрался до постоялого двора с большой вывеской «У Лайлы». Не самое оригинальное название. Большинство трактиров получали свои названия по имени владельца, но выбирать сейчас не приходилось. Головная боль лишь усилилась.

Ксалас спрыгнул с поводьев, отворил перед Артемом дверцу кареты и начал сгружать багаж. Юный князь, спотыкаясь, дошёл до двери в трактир и отворил её. К его разочарованию, и внутри всё особо не отличалось от того, как было в родном Шэхирке. Артен прошёл за барную стойку. Трактирщик налил ему в кружку пива и подтолкнул её к гостю.

— Выпей, дружок, полегчает.

Артен на неё даже не посмотрел.

— Мне нужна комната.

— Без проблем организуем. Надолго?

— На месяц.

— О, серьёзный подход, уважаю. У нас сейчас здесь часто останавливаются новоприбывшие. Знаешь, всякие, кто приехал на новую родину, но ещё не обзавёлся домом... Ладно, с тебя, друг, двести пятнадцать закеров.

Артен отсчитал восемьдесят асеров и положил их на прилавок. Трактирщик напрягся.

— Нет, так не пойдёт, эти деньги мы здесь не принимаем, только наши закеры.

Вдруг в трактире раздался грохот. Это ввалился Ксалас, взгромоздив на себя сундуки князя. Он бился ими обо все двери, не обращая ни на что постороннее никакого внимания. Трактирщик осмотрел второго гостя и облизнул губы.

— Что ж, асеры, так асеры, очень крепкая валюта, господин, — трактирщик развернулся и открыл дверь в подсобку и прокричал: — Лайла! Бегом готовить седьмую комнату!

Потом он повернулся обратно к прилавку и протянул Артену тяжёлый ключ.

— Ваша комната седьмая, господин. Вверх по лестнице и направо. Может, согласитесь отведать куриного бульона? За наш счёт, разумеется.

Артен ничего не ответил, лишь неспешно направился к лестнице. Стук и грохот преследовали его. Сундуки бились о стены, о лестницу, обо всё. Ксаласу было неудобно их тащить, но он действовал беспрекословно.

Как Артен оказался в кровати, он точно не помнил, но уснул он в ту же секунду, как его голова коснулась подушки.

Он стоял среди множества клеток. В каждой сидели птицы, ящерицы и звери. Все шумели и громыхали. Он не помнил, как оказался среди них, но он шёл вперёд.

«Вайрону бы здесь понравилось», — промелькнуло у него в голове, хотя сам он не мог объяснить почему.

Попугаи страшно орали. Хорьки пытались прогрызть клетку, а собаки встречали его протяжным лаем. Все клетки были подписаны, на каждой красовалось имя её обитателя. Белая небольшая ласка по кличке Аштан перерывала солому у себя за решёткой и бегала по кругу. Он остановился рядом с её клеткой, но совершенно ненадолго. Ласка ему быстро наскучила.

Потом ему на глаза попала клетка с небольшой ящеркой. Она плевалась огнём, стараясь сжечь свою клетку, домик в ней и солому, но ничего не получалось. Каждый раз её огонь затухал сам собой. Он посмотрел на табличку. Ящерку звали Тэт. Он в секунду почувствовал вспышку необъяснимой ярости такой силы, что хотел спалить запертое животное, но успокоился и пошёл дальше.

Он споткнулся об открытую дверцу. Он присел, чтобы получше всё рассмотреть, но смотреть уже было не на что. В клетке не было никого. Кто-то выпустил рыжую собаку. Он не нашёл на клетке ни имени, ни описания, но он чувствовал, что здесь была рыжая собака.

Он запустил руки в пустую клетку и принялся ворошить солому. Он не знал, что точно искал, но чувствовал, что поступает верно. И чем дольше он перемешивал сухую траву в клетке, тем жарче становилось в комнате. Казалось, что кто-то нагревал коридор снаружи. А затем раздался смех, сверкнуло пламя, и всё прекратилось.

Артен проснулся под вечер. На улице было ещё светло, но облака заполонили небо. Боль ушла, осталось лишь слегка затуманенное сознание. Юный князь ударился головой о спинку кровати и начал собираться.

Особых планов Артен на сегодня не имел. Он не чувствовал, что Арсон в городе. Он не чувствовал, что тот сюда уже вернулся, значит, у него было время. Надо расспросить о нём, узнать его прошлое, заготовить ловушку, в которую наёмник непременно попадётся. В любом городе есть люди, которые всё знают, Ерnodск не может быть исключением. Только действовать надо тихо, почти незаметно.

Нарядившись для осенней прогулки по городу, Артен спустился вниз. Там за стойкой его приветливо встретил трактирщик.

— О, господин, как Вы? Отоспались? Может быть, сейчас соблаговолите выпить?

Артен утвердительно качнул головой, и уже через несколько секунд перед ним стояла кружка хмельного пива. Юный князь сделал несколько глотков.

— Меня зовут Сеин, господин, я хозяин данного заведения. А там в подсобке работает моя дорогая жена — Лайла.

— Так это в её честь назван трактир?

— Всё верно, господин.

Артен уважительно покачал головой и продолжил пить.

— Ксалас ждёт Вас снаружи.

Артен чуть не подавился.

— Как? Он ещё здесь?

— Разумеется! Он сказал, что Вы оплатили его услуги на целый день вперёд, и он никуда не денется в течение этого времени.

Юный князь посмотрел в окно, ведущее на дорогу, и действительно, на улице по-прежнему стояла карета с карликом на вожжах. Артен покивал головой и осмотрел трактир. Кого там только не было: эльфы, люди, гномы, гоблины... И только сейчас в голове юного князя промелькнула череда мыслей. Орк сказал, что трактиром управляет его брат, но перед ним стоит человек. Одежда на трактиршике скрывала грудную клетку, и нельзя было разглядеть бугорка на ней, но ведь у некоторых гостей он замечен, как и у того орка. «Ликмены», — подумал Артен. И хоть это было логично, привыкнуть к мысли, что тебя окружают исключительно превращенцы... вернее, расовые оборотни... ликмены — слишком сложная задача. И хорошо, что пока они все сохраняют лишь одно своё обличье.

Артен допил пиво, оставил на стойке несколько монет и подсел к парочке эльфов. У него родилось это желание, как только он рассмотрел на них форму стражников. И хоть для его основного дела эти ребята в трактире были проблемой, сейчас он им был рад.

— Добрый вечер, господа офицеры.

Стражники чуть не подавились, когда их отвлекли от трапезы.

— Меня зовут Артен Нонморт, я первый день у вас в городе, и меня уже ограбили.

Стражники переглянулись. Один из них достал перо и бумагу и начал записывать весь детальный рассказ Артена, но на своём языке. У юного князя не было возможности точно проверить, насколько точно они передали его рассказ, но раз они записали его показания во время обеда, у него не было никаких причин не доверять их работе. В Шэхирке ни один стражник бы не позволил отвлечь его от еды, а здесь они были куда человечнее. Наверняка и работу свою выполняли гораздо лучше. По крайней мере, свои былые представления о правопорядке в Ерnodске Артен восстановил. Всякое же случается, не везде и не всё можно отследить. А так, раз он рассказал им свою историю, у них будет ещё шанс всё поправить, чтобы другим было легче в будущем. Даже если его вещи так и не найдутся.

Артен вышел из трактира в приподнятом настроении. Он бодро прошагал к Ксаласу и пожал маленькому орку его непропорционально длинную руку.

— Меня зовут Артен, не уверен, представлялся ли я ранее.

— Никак нет, господин.

— Тогда мы это исправили. Не ожидал, что ты меня дождёшься.

— Такая работа.

— Что ж, отлично. Раз так, ты проведёшь меня по вашему прекрасному городу и расскажешь, как у вас здесь.

Ксалас тяжело вздохнул, спрыгнул, чтобы отворить Артену дверь в карету, но юный князь его остановил. Он хотел прогуляться по городу пешком, чтобы прочувствовать город. Никаких повозок и лошадей. Это ещё сильнее озаботило Ксаласа, но желание платящего — закон.

При спокойной прогулке по центру города и набережной Ерnodск наконец открылся Артену с желанной стороны. Вся застройка не отличалась особо от Шэхирка: те же каменные и деревянные дома, даже фасады были схожи, выглядело всё как-то ухоженнее. За двадцать сложных лет королю Сабидору Кератесу удалось превратить портовый форпост в цветущий сад. Конечно, и здесь попадались бедняки на улицах, но их было словно меньше. И даже они казались Артену как-то чище. Может быть, так сказывался климат.

Как спутник для городской прогулки Ксалас оказался не удобен. Карлик еле поспевал за Артемом, хотя юный князь особо никуда и не торопился. Зато рассказывал он исключительно полезные вещи: где и как лучше закупаться, у кого брать выпивку не стоит, сколько и какой валюты монет лучше при себе иметь. Пятьдесят асеров своих Артен взял на всякий случай с

собой, но узнать точное мнение постоянного жителя города хотелось. Это был полезный опыт, от которого глупо было бы отказываться.

— Ксалас, а как у вашего города дела с незаконными происшествиями?

Карлик улыбнулся, словно ему вспомнилась забавная история из прошлого.

— В газетах пишут, что ничего особо не происходит.

— А что насчёт того, что говорят на улице?

Ксалас развёл руками.

— Видите, Ваше Сиятельство, того бродягу на лестнице? Его присутствие в городе незаконно, и его наверняка вышлют из города. А помните тех воришек из порта, про которых Вы рассказывали? Они так и продолжают заниматься своим делом.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что так происходит не первый год. Те, за кого некому заступиться, страдают больше других.

Артен остановился и посмотрел на закат над морем. Он был так красив, так величественен, и город в его свете был так ярок и незабываем, что юный князь отказывался верить словам карлика. Не может быть всё так в настолько чудесном месте. И хоть какой-то огонёк пытался пробиться к его разуму и воплотиться в мысль, он всячески его отгонял.

— И всё же нелегальная деятельность у вас есть?

Ксалас качнул головой.

— И игровой дом?

— И игровой, и публичный. Любой дом есть.

— Отлично.

Всё было просто. Если кто и знал что-то про Арсона, так это владелец игрового дома. У них собирался весь городской свет и вся городская тьма. Они как короли ночного мира, знали и собирали информацию обо всём. В Шэхирке капитан Фирине накрыл их сразу после трагедии, но ничего узнать не удалось. Только в небольшом филиале, специализирующемся на дорогих заказах, Артену удалось отыскать имя, но хозяин той таверны ничего не знал, он был лишь связным. Или тот гном слишком хорош был во вранье перед лицом своей гибели. Здесь же, на родине убийцы, информации должно было быть больше. И уж кто станет её утаивать от князя Нонморта.

К нужному дому Ксалас довёл Артена без особых трудностей. Он будто бы мог простроить дорогу к нему из любой части города с закрытыми глазами. Это был дорогой каменный дом с большими колоннами на речной набережной. Дорога вокруг него была выложена роскошной плиткой, а у каждой двери стояли здоровые минотавры. Вернее, ликмены в обличье минотавров, поправлял себя мысленно Артен.

— Итак, повтори мне ещё раз всё, что ты знаешь про этот дом, — попросил Артен.

— Уффф... Дом на набережной, тут собираются в свободное от работы время все те, кто хотят отдохнуть, если нет никакого более официального приёма. Знаю, что тут играют, пьют, теряют деньги в лучшем случае. Хозяина зовут Большой Хотса. Пожалуй, это всё.

— Пожалуй или точно?

— Из точного — всё. Ещё ходят слухи, что тут пропадают люди, но никто ничего не подтвердил.

Артен выдохнул. Алкоголь, игры и Большой Хотса — это всё, что и требовалось знать. Остальное он узнает сам. В его глазах сверкнул огонёк. Он ждал, когда ночь наконец опустится на город, чтобы вновь засиять.

Имея даже минимальные представления о таких заведениях, человек бы не рискнул идти к центральному входу. К тому же это никогда не имело смысла. Вот и рассудив таким образом,

Артен направился к боковому входу. Справа от парадных дверей, если заглянуть в переулок, можно было найти лестницу, ведущую в подвал, которую охраняли не хуже центральных ворот.

— Не положено, — хором ответили два минотавра на чистом человеческом языке, перегоразивая Артену путь.

— Как же? Ещё не принимаете?

— Это частные владения!

— О, я знаю.

Артен улыбнулся и постучал рукой по своему набитому монетами мешочку, намекая, что собирается потратиться. Минотавры переглянулись.

— Не видели Вас здесь прежде.

— Я первый день.

— Тогда никак не можем Вас пропустить.

Артен начинал закипать. Чего сложного было подпалить эту их бычью шерсть? Потом он мог бы ударить одного под колено и пустить молнию в лоб. Главное было — не схлопотать тут же топором от второго. Вот если бы он увернулся, то первому из минотавров точно бы не поздоровилось.

— Всё хорошо, уважаемые. Я его знаю. Пропустите его, — очень тихо и прерывисто сказал худощавый мужчина, подходя к подвалу с другой стороны переулка.

Минотавры вытянулись, убрали топоры от двери и отворили проход. Это был Шептун. В ту секунду Артен и пожалел, что перепил ночью на борту корабля. Вспомнить имя своего тихого помощника было бы очень славно.

— Вы к Большому Хотса, Ваше Сиятельство? Не стесняйтесь, проходите скорее. Он не любит, когда двери слишком долго открыты.

Глава 5

Первое, о чём всегда думал Артен, слыша слово «подвал», была темнота. Страшные мрачные коридоры, обрамлённые паутиной, горящие факелы, скелеты, разбросанные по углам. Так вот, всего этого не было в подвале Большого Хотса. Его подвал был игровым раем! Центральная зала для гостей была освещена не хуже, чем королевский дворец в вечер бала. Комнаты для курения и десёна разделены в зависимости от световых предпочтений гостей. Ну а музыка... Живое исполнение в гротовом помещении всегда обладало своим шармом. По каждой детали чувствовалось, что хозяин дома не экономил, а подходил к делу с размахом.

Артен ступал вперёд с осторожностью. Его не страшило то, что было впереди. Его напрягала тишина позади него. Шептун шёл за ним, вёл его, направлял. Артен чувствовал, как стены вокруг сужались. Он был благодарен судьбе, что его так легко запустили, но это же его и смущало.

— Почему минотавры Вас послушались?

— Я частый гость.

— Не думал, что вы постоянный житель Ерnodска.

— Отчего же? Это мой родной дом.

Артен оглянулся через левое плечо на своего собеседника. Тот лишь мило улыбнулся.

— Это по Вам, Ваше Сиятельство, сразу понятно, что Вы не ликмен.

— Неужели? И что же меня выдаёт?

— Грубый стиль общения. Нам сейчас направо.

Шептун не стал ничего пояснять. Он продолжал толкать Артена вперёд. Они минули уже несколько проходных комнат, и в каждой сидело от силы три человека. То ли народ ещё не собрался, то ли день был не самым удачным.

Вскоре Артен увидел впереди глухую дверь, обитую зелёной кожей. Около неё стояли три человека. Юный князь разобрал три мужских голоса разного тембра. И чем ближе они подходили, тем знакомее звучал один из них.

— Так вот, господин, если Вы не откажитесь, я бы с удовольствием проводил бы у Вас свои вечерние игры. Так ведь точно не будет никаких проблем со стражей? Да, господин?

Старческие нотки выдали в голосе одного из мужчин ещё одного недавнего знакомого с корабля. Ерnodск был слишком тесен для любителей сыграть и выпить. Они просто не могли разбрестись по разные стороны города.

— Конечно, господин Концерт. Мы всегда рады Вам, вашим друзьям и вашим деньгам. Ха-ха-ха-ха!

Высокий блондин закатился громким и неестественным смехом. Пожилой господин Концерт постарался и захихикал также искусственно. Блондин похлопал гостей по спине и взгляделся в сторону Артена. Юный князь не успел понять, что за жест подал Шептун высокому хохотуну, но он привлёк внимание.

— О, господа, господа, это же мои верные друзья, — прежним бодрым тоном начал господин Концерт, взглядевшись в гостей следом. — Уверен, они тоже будут играть у Вас регулярно. Позвольте, я их представлю.

— Это вовсе ни к чему, — тихо оборвал Шептун. — Мы с Большим Хотсой давно знакомы.

Шептун поклонился и вновь аккуратно подтолкнул Артена вперёд. Юного князя раздражало поведение его спутника, но он держался. С минуту Артен и Большой Хотса разглядывали друг друга.

— Это князь Артен Нонморт, господин, — возобновился шёпот. — Он прибыл к нам лишь сегодня, как и мы все, из земель Чёрного короля.

Большой Хотса пощёлкал языком, что-то взвешивая. Господин Концерт бросал взгляд поочерёдно то на Шептуна, то на Большого Хотса, а потом решил добавить:

— Я рассказывал Вам о нём, господин. Юный господин отлично играет в галийский десэн. Убеждён, что и другие игры ему знакомы.

Большой Хотса продолжал щёлкать языком, словно о чём-то задумался. Артену надоело, и он вытянул вперёд правую руку:

— Приятно познакомиться с Вами... Большой Хотса. Очень хотелось бы с Вами обсудить пару вопросов.

Как только рука Артена пересекла половину пути до Большого Хотса, молчавший до этого мужчина, стоявший по правую руку от хозяина подвала, остановил её. В этом не было особой грубости или силы, лишь быстрая реакция, помешавшая контакту. Мужчина был готов действовать дальше и отгородить своего хозяина, но Большой Хотса дал отрицательный сигнал указательным пальцем:

— Не надо, Росси, перед тобой всё-таки Его Сиятельство. С такими гостями нельзя так обращаться. Верно я говорю?

Господин Концерт тут же утвердительно замотал головой. Суровый телохранитель отступил назад. Большой Хотса вновь посмотрел на гостей. По большей части его внимание было приковано к Шептуну, и это несколько задевало княжеское достоинство Артена.

— Так значит, князь Нонморт?

— Именно так, — улыбочиво ответил Артен, не заметив положительного кивка Шептуна

— Что ж... Тогда, господа, вы можете быть свободны, а мы с Его Сиятельством пройдем в мой кабинет, — Большой Хотса похлопал телохранителя по плечу. — Без тебя, дружище. Побудь снаружи.

Господин Концерт и Шептун поклонились Большому Хотса и направились в табачную комнату. Артен же последовал за хозяином игрового дома.

Юный князь за жизнь при дворе посетил немалое число кабинетов. Большинство из них походили друг на друга. Стол, три-четыре стула, пара шкафов и детали, подходящие для работы или отдыха. Мебель каждый подбирал для себя сам, исходя из собственного удобства. И обычно обстановка соответствовала владельцу кабинета, но у Большого Хотсы всё было не так. Артен заметил торчащие эльфийские уши и потому ожидал скромной утонченности, но вместо этого получил обстановку, сделанную на века. Кажется, такую и сечь не получилось бы. Дубовый стол, недвижимые стулья, медвежья шкура на полу и стена, украшенная рогами. Это походило на пристанище игрового магната, но никак не вязалось с увиденным образом.

— Хотите чаю, Ваше Сиятельство? Или вина? — спросил Большой Хотса, присаживаясь за свой стол.

— Спасибо, не надо. Я уже пил сегодня.

— Что ж, тогда бокал другой точно не повредит.

Большой Хотса дважды прозвонил колокольчиком, и из маленькой коморки показалась жгучая брюнетка в очень скромном наряде и разлила по бокалам вина. Хозяин поблагодарил служанку улыбкой, и она удалилась вновь.

— За новые знакомства, Ваше Сиятельство! Чтоб они всегда приносили пользу!

И они выпили. Артен должен был признать, что вино у Большого Хотса было действительно первоклассным.

— Не буду мучить Вас расспросами, где Вы остановились, как и предлагать остаться у меня. Уверен, Вы и сами уже прекрасно обустроились. Итак, по какому делу князю Нонморту мог понадобиться хозяин игрового дома, а?

— Я разыскиваю информацию об одном человеке, господин Хотса. Можно Вас так называть? Я предполагаю, что прежде он жил в Ерnodске и вскоре ещё сюда вернётся.

— С этим лучше обращаться к церковникам. Убеждён, что в местных храмах можно точно узнать больше, если, конечно...

— Если он не преступник, — закончил за него Артен и сделал новый глоток.

Большой Хотса почесал подбородок и развёл руками. Затем он взял оставленную служанкой бутылку и разлил ещё вина. Его движения были резкими и неаккуратными, словно он не освоился в собственном теле.

— Знаете, Ваше Сиятельство, я веду дело уже больше двадцати лет и за это время повидал множество знатных и влиятельных людей. Мы все привыкаем к родному дому. Никто не покидает его просто так. Да, в Вашем возрасте путешествия с целью повидать мир случаются. Вот только если б меня спросили, почему молодой князь приехал в Ерnodск, я б дал однозначный ответ. Вы ищите... исполнителя. Хотели б учиться — отправились на Галею или к линнским эльфам. Захотели б экстрима — в вампирское царство. Тусовки, красотки и прочее веселье — Тенгаку и прочие острова на юге. К нам же только за лучшими наёмниками света.

— О нет, боюсь, Вы меня не совсем правильно поняли.

— Неужели?

— Конечно.

— Знаете что, Ваше Сиятельство, давайте тогда Вы мне сами расскажете, в чём дело. И уж тогда в зависимости от рассказанной правды мы сойдёмся на цене.

Артен замешкался. Он не думал о таком повороте. Он действовал сам. Он сам должен всё сделать. Однако раз князя уже в подобном заподозрили...

Артен сделал небольшой глоток.

— Что же... Вынужден признать, что меня смутила скорость, с которой Вы меня раскусили... Но я действительно ищу наёмника. Только не абы какого! Я ищу очень конкретного исполнителя для весьма конкретной задачи.

— Так-так...

— Я ищу поджигателя, специализирующегося на зельях. Мне советовали обратиться к мастеру своего дела — Арсону Олематэсу — но найти его оказалось проблематично. По моим сведениям, он должен был или должен будет в ближайшее время вернуться в Ерnodск.

Большой Хотса отодвинул бокал и поставил локти на стол.

— Так вот, значит, какова действительность? Я опять оказался прав... — тихо, почти про себя произнёс хозяин игровой. — Имя, которое Вы назвали... Арсон Олематэс. Я действительно встречал его.

— Давно?

— Лет семь назад он устраивался ко мне. Стал штатным работником, принимал заказы, разъезжал по миру. Естественно, я получал процент с его заказов. Вот только потом он как-то не вернулся в Ерnodск. А потом всплыла его связь с алхимиками с Хаферского переулка! Этот мерзавец успевал сливать им все наши данные! Так что, если б этот гоблинский выродок решил вернуться в мой город — я б об этом сразу узнал!

Большой Хотса стукнул кулаком по столу, но вино в бокалах едва ли вздрогнуло. Артен взял бокал и сделал большой глоток.

— То есть его давно не было в городе? — слегка неуверенно уточнил Артен.

Большой Хотса достал из ящика стола зеркальце, посмотрел в него и уложил растрёпавшиеся локоны.

— Не знаю, Ваше Сиятельство. Уверен, Вы и сами понимаете, что мы не можем уследить за всем городом. Но раз Вы были со мной честны, то я могу Вам подкинуть адрес тех мерзавцев, на которых он работал прежде. Уверен, если б он вернулся в город, он обязательно к ним заглянул.

Он взял и вырвал из своего ежедневника лист и написал на нём адрес: «Переулок Хафера, дом 17, вход от угла». Артен аккуратно сложил предложенный листок.

— Благодарю, господин Хотса! Как я могу Вам возместить потраченное время?

— Что Вы, пустяки! Дар от одного властителя другому. Лучше просто сдайте мне этого поддонка, если встретитесь и не договоритесь об оплате.

Артен немного неуверенно качнул головой в знак согласия и встал из-за стола. Что-то в улыбке и манерах Большого Хотса настораживало юного князя, но он никак не мог понять что. Он пил вино, получил желанное, но чувство сжатого коридора не исчезало.

Большой Хотса не стал провожать Артена даже до выхода из кабинета. Они попрощались у стола, и юный князь вышел за дверь. Там, как прежде, стоял телохранитель с суровым видом, а чуть на расстоянии держались прежние корабельные игроки в десэн. Господин Концерт бодро замахал рукой.

— Господин Артен!.. Господин Артен, позвольте, неужели Вы нас уже покидаете?

— Да, к сожалению, меня ждут дела.

— Но Вы же загляните к нам как-нибудь вечер для повторения чудесной игры?

— Непременно. Не уверен, когда точно, но ещё загляну сюда.

Артен слегка поклонился на прощание и хотел уже уйти, как его остановил Шептун:

— Подождите минутку. Мне нужно перекинуться парой фраз с Большим Хотса, и я сам выведу Вас обратно на набережную.

Артен чувствовал, что стены стали ещё ближе. Он был почти зажат ими. Дышать становилось всё труднее. Он сомневался, что воздуха в подвале хватит на всех ещё хотя бы на пять минут, но согласился подождать. Шептун улыбнулся и прошёл в кабинет Большого Хотса. Те мгновения казались Артену вечностью. Он молча стоял с господином Концертом, слушая поток мысли пожилого мужчины. Ему было стыдно и неловко, но он не смел сказать и слова.

И вот дверь скрипнула, и Шептун вышел обратно в коридор. Ничто не выдавало на его лице, о чём они говорили с Большим Хотса, но Артена это и не волновало. Он просто хотел поскорее убраться из подземелья. Шептун подошёл к ним, пожал господину Концерту руку и двинулся вперёд.

Дорога до дверей промчалась незаметно. Артен уже не думал об устройстве подвалов и всей роскоши, его волновал лишь свежий воздух на берегу реки. И когда они пересекли двух минотавров, Артен действительно вздохнул полной грудью. Шептун слегка похлопал юного князя по спине.

— К подвальным помещениям нужно привыкнуть, Ваше Сиятельство. Со всеми такое случается в первый раз.

Шептун пристально посмотрел в сторону набережной и внезапно громко цокнул языком. Словно привычка Большого Хотса перешла и к его постоянному посетителю. Тут же рядом с ними появился Ксалас. Артену показалось, что карлик был слегка на взводе. Он вечно поглядывал то на Шептуна, то на юного князя и почёсывал левую руку.

— Всё хорошо прошло? — уточнил карлик, не зная, какая точно помощь от него требуется.

— Конечно, но Его Сиятельству необходима прогулка после столь длительного пребывания в подвале.

— Пешая или конная? — уточнил Ксалас.

— Пешая.

— А то ведь лошадь у меня недалеко, можем и конную.

— Нет, нужна пешая.

— Как будет угодно.

Артен не понимал, что только что произошло между Ксаласом и Шептуном, но он наконец отдышался и смог нормально выпрямиться. Шептун улыбнулся и пожал князю руку:

— До скорых встреч, Ваше Сиятельство.

— Всего, кхм, доброго, — покашливая, ответил Артен.

Шептун ушёл в обратную от реки сторону, оставив Артена с его карликом у входа в подвал. Юный князь отдышался и пошёл на набережную. Ночь только начиналась. Благодаря дневной прогулке с Ксаласом, ему удалось запомнить местоположение трактира, королевского дворца, главного управления стражей и теперь игрового дома, но этого было мало. В Шэхирке он выучил каждую мелочь, каждый заворот. В Ерnodске же он не отличил бы переулок Хафера от Фаринского тупика.

Артен присел на каменную плиту у реки и развернул лист с адресом. Что-то продолжало его тревожить.

— Куда пройдем дальше, Ваше Сиятельство? В ночи мало интересного можно посмотреть в городе, но мне знаком отличный трактир в паре кварталов отсюда.

Артен протянул карлику вырванный лист. Ксалас прочитал адрес и тяжело сглотнул:

— Что же, как Вам будет угодно. Моё дело нехитрое.

Они смотрели на реку ещё несколько минут, прежде чем двинуться в путь. Всю дорогу Ксалас молчал, и это более чем устраивало Артена. Он был занят, запоминая дорогу и планировку города. Один раз их остановили стражники для проверки документов, но даже тогда ни князь, ни его наёмный помощник не проронили и слова.

Ерnodск застраивали кварталами, отходя вглубь материка от морской крепости. Каждый новый район был сам себе надёжной защитой. Каменные дома по краям, деревянные внутри. В центре, правда, деревья почти не осталось, богатые ликмены всё заменили на камень. А в остальном он не успел сменить планировку за двадцать пять лет самостоятельной жизни. Он как был удобен для людей, так и остался.

Чем ближе они подходили к указанному Большим Хотса адресу, тем сбивчивей была походка Ксаласа. Поначалу Артен не придавал этому значения, но потом игнорировать это стало невозможно. Казалось, что само пребывание карлика в этой части города подвергало его жизнь опасности. И когда они дошли до входа в нужный переулок, Ксалас просто остановился:

— Дальше идите сами. Я могу подождать Вас здесь...

— Не стоит, я думаю, я запомнил маршрут.

Ксалас усмехнулся, словно не верил словам Артена:

— Отморозки Хаферского переулочка проживают вон в том доме.

Ксалас указал рукой на скрытый ночным мраком дом в пяти зданиях от входа в переулок. Артен попытался углядеть в нём что-то примечательное, но это был лишь очередной ночной дом, в котором не горели окна.

— Прости, мне казалось, там должны жить алхимики?..

— Одно и то же.

Артен покачал головой, делая вид, что всё правильно понял. Затем юный князь потянулся в карман и достал пятнадцать асеров и протянул их Ксаласу. Тот, не задумываясь, принял плату:

— Спасибо за помощь.

— То есть не ждать?

— Не ждать.

Ксалас аккуратно сложил деньги пополам, убрал их с глаз и удалился в ночь.

Артен стоял у переулочка, пытаясь понять, насколько было бы правильно заявиться без приглашения к алхимикам в ночи. Его могли бы неправильно понять. Но было ли у него ещё время? Что если Арсон всё же вернулся, хоть Большой Хотса и не знал об этом? Что если счёт идёт на минуты? Ему нужно было поговорить с алхимиками.

Переулок Хафера не отличался на первый взгляд от большинства городских переулочков. Грязь, слякоть, голодные птицы и собаки, которых в городах тысячи, если не больше. Ещё была парочка приветливых девиц, но они и в Шэхирке его не интересовали.

Вблизи дом алхимиков приобрёл уникальные черты. Он был весь чёрный. Кирпичная кладка была старой, Артен даже не мог примерно определить её возраст. А ещё на здании были символы. Множество разных, побольше и поменьше, из глины и нарисованные от руки.

Артен подошёл ко входу, как значилось на записке, и постучал. За дверью раздался шум и голоса на ликменском. Что-то звякнуло, а потом засов отворился. Из-за двери на Артена смотрела бледная клыкастая морда.

— У нас уже есть своя вера. До свидания

Юный князь остановил ногой закрывающуюся дверь.

— Я здесь по иному вопросу.

Вампир недоверчиво всмотрелся в лицо юноши. Артен вручил сторожу вырванный лист.

— Я от Большого Хотса, он направил меня сюда, сказав, что здесь я могу найти алхимиков.

Вампир внимательно рассмотрел лист и захлопнул дверь. Артен простоял в ожидании несколько минут. Ничего не последовало. Он постучал снова. Тишина. Начал капать дождь. Артен забарабанил в дверь. Она распахнулась, и из неё показался тот же вампир, но с арбалетом в руках.

— Ты что, не понял?! Вали отсюда! — закричал охранник. — Мы не имеем никаких дел с Большим Хотсом!

— Я хочу всего лишь поговорить...

— Я считаю до трёх! Один!

Постоянные ожидания. Холодный дождь. Вампир с арбалетом. Этого было достаточно, чтобы рассердить Поджигателя. Он ждал уже не первый день, когда кто-нибудь перейдёт черту. Не будь те воры в порту детьми, огонь пожрал бы их.

— Два!

Молния сверкнула в ночи и поразила вампира. Он отлетел со своим арбалетом в стену. Поджигатель подошёл к нему, подобрал стрелу, сломал её и поджёг, после чего бросил на побеждённого противника. Он ухмыльнулся и достал из-за пазухи свою головную повязку.

Не говоря ни слова, Поджигатель прошёл в дом. Он чувствовал запах зелий. Огонь сверкал в этом доме. Он двигался к нему. Он прошёл прихожую и нашёл люк, ведущий в подвал.

Вдруг боль охватила спину Поджигателя. Орк ударил по его спине дубиной, пытаясь повалить, но не вышло. Руки поджигателя схватили дубину при втором замахе и подожгли её. Огонь перекинулся на орка. Три струи огня очерёдными залпами ударили по противнику. Орк вскрикнул.

Он хотел решить всё мирно, но они сами спровоцировали его. Теперь решить всё мог только Поджигатель. Он спустился вниз по лестнице и оказался в лаборатории. Три гоблина собирали ингредиенты в панике, кружась вокруг столов, а в углу комнаты у камина спокойно в кресле сидел седовласый старик и шевелил раскалённые угли кочергой. Из соседних комнат раздался шум. Это было подкрепление. Поджигатель слышал топот девятнадцати ног, и это могло быть только началом. Сколько людей может проживать в таком доме? Пятьдесят? А если брать ещё и подвал?

Поджигатель в прыжке добрался до деда и положил ладонь ему на голову.

— Не шевелись. Если ваши отморозки не совершат очередную глупость, ты выживешь.

— О, я уверен, они не совершат.

Через минуту в комнате стоял десяток отборных бойцов в обличье эльфов и вампиров. Их ловкость в замкнутом пространстве была явным преимуществом перед орками и минотаврами. Поджигатель их не боялся.

— Сделаете шаг, я его убью. Попытайтесь навредить мне, я его убью.

— Мы расквитаемся за это с Большим Хотсом! — с гневом в голосе сказал ближайший из эльфов.

— О, пожалуйста, но я не от него.

— Нет? А как же этот лист? — спросил дед, помахав листом в руке.

— Он дал мне ваш адрес, но я здесь по своим причинам. Я ищу кое-кого, и я думаю, у вас я найду ответы.

Поджигатель глубоко вдохнул. Запахи трав, они смешивались, они говорили с ним. Он чувствовал, как формулы для зелий оживали в этой комнате. Сонное зелье, морозное, дымное... все они были слабыми, но рабочими. И они совершенствовались, как и...

— Зелье льеке. Вы варите зелье пламени!

— И что? — спросил эльф.

Тетива натянулась.

— Вы в него что-то добавили... Что вы в него добавили?!

Крохотное лезвие сверкнуло в свете огня и поразило кресло. Поджигатель вовремя отпрыгнул прочь, почуяв неладное, но сохранял деда в радиусе атаки. Лезвие сверкнуло снова и снова. От третьего Поджигатель не увернулся.

Дротик поразил Поджигателя в шею. Он почувствовал слабость. Он терял над телом контроль. Он становился мягким и податливым. Он свалился на пол.

Дед встал со своего кресла и подошёл к своему пленителю. Он дважды пнул его ногой.

— Усадите его на стул, и мы поговорим.

Через пять минут Поджигатель сидел на деревянном стуле, удерживаемый двумя вампирами со спины. Он не мог пошевелиться, но ярость в нём по-прежнему бурлила. Он бы спалил целое здание, если бы был на это ещё способен.

Перед ним в кресле сидел тот дед, нарезал себе яблоко на дольки и ел. Его взгляд не сходил с Поджигателя.

— Итак, ты хаосник, разбираешься в зельях, и наш адрес тебе дал Большой Хотса, но ты тооочно не от него. Я ничего не упустил, Дюк?

Эльф подтвердил всё сказанное кивком головы.

— Снимите с него эти глупые тряпки!

Вампиры обнажили лицо Поджигателя. Дед рассмеялся.

— Да ты ещё дитя! Безумно глупое дитя! Тебе повезло, пару лет назад комбинация этих зелий расплавила бы тебе печень, а сейчас лишь разжижает на время твоё тело и дух. Я дам тебе противоядие, если пообещаешь вести себя спокойно. Будешь вести себя спокойно?

Поджигатель пытался дать глазами положительный ответ, но этого казалось недостаточно. Дед закусил очередной долькой, оголив татуировку солнца на своём запястье, и дал сигнал Дюку. Эльф влил в Поджигателя небольшой пузырёк. Через минуту голос вернулся.

— Итак, что тебе надо?

— Арсона Олематэса, — только и смог произнести оттаивающий Поджигатель.

— Этого беспризорника, стащившего наши секреты? Он бы к нам точно не появился...

— Но Большой Хотса сказал...

— Мне плевать, что сказал Хотса. Арсон бесспорно талантлив, но связываться с ним дорого обходится.

Поджигатель затих. Он думал. Всё было не так. Он чувствовал ложь. Кто-то врал, но кто именно, он распознать не мог. Оставался только один выход для него самого.

— Послушай, мальчик, тебе не надо искать Арсона. Он тебе не по зубам.

— Ошибаетесь.

Поджигатель чувствовал, как оттаивало его тело. Он отклонился назад и ударил по вампирам огненными кулаками. Он не мог нанести им пока ощутимой боли ударом, но огонь справился бы за него. Он должен был найти ответ.

Дед закатился смехом и указал Дюку на ближайшую серебряную кочергу. Эльф покорно склонил голову, а дед направился прочь.

Поджигатель решил, что зря осталось в лаборатории лишь трое вооружённых солдат. Это была их ошибка. Он создал огненный круг, отгородившись от вампиров. Это должно было дать ему немного времени, но обжигающий металл кольнул его в плечо, прожигая вечерний наряд. Дюк вытащил его за пределы круга, где поджигатель тут же отхватил удар кулаком в челюсть. Вампиры были проворны.

Юноша постарался поджечь здание, запустив в стену огненный шар, но пламя растеклось по комнате и затухло. В этот момент ему со спины прилетел удар в печень. За ним удары по коленям. Поджигатель упал на пол, но от него не отставали. Трое противников поднимали его и били, пока он снова не падал. Слабость от зелья сменялась острой болью.

Поджигатель терпел удары и ничего не мог с этим сделать. Дом отказывался гореть. Он попытался поджечь обувь одного из нападавших, но всё было безуспешно. Они словно всегда были готовы к борьбе с огнём.

Когда сил у Поджигателя совсем не осталось, Дюк остановил вампиров.

— Положите его на стол и подайте мне серебряную кочергу.

— Серебряную?

— Да, так сказал Везер.

Поджигатель пытался сжаться на столе, чтобы теплом прорезать хоть стол, но ему не давали пошевелиться. Дюк порвал слои одежды на пленном хаоснике, оголив его бок, а затем прижал к его коже раскалённый металл. Поджигатель кричал от боли, пока не потерял сознание.

Артен очнулся, прислонённый к какой-то стене. Его спина ныла, бок пылал, а ноги болели. Он чувствовал, как истекает кровью. Каждое малейшее движение, даже вздох, ломали его тело. Холодный дождь омывал его, заполняя водой уши. Он был промок и изранен.

Юный князь пытался понять, где он находится, но закоулки города были для него по-прежнему чужими. Были лишь грязь и холодные стены. Он не узнавал место.

«Почему я ещё жив?» — промелькнуло в голове у Артена. Он не оставил бы в живых человека, вломившегося к нему. Он бы убил себя, оказавшись на их месте. А они выбросили его на улицу, будто драную кошку.

Его левое веко отекло, но он постарался себя осмотреть. Первым делом он проверил зубы. Все были на месте. Он проверил уши, нос, пальцы — всё было на своих местах. Пусть окровавленное, но было. Тогда он взглянул на свои раны. Синяки, ушибы, следы крови и горящий шрам на левом боку. Клеймо в виде буквы «К» жгло его сильнее любых ран. Он не понимал значения этой фигурной буквы, но и знать этого сейчас не хотел.

У него не осталось ни денег, ни чего другого, что он мог бы на них обменять. Всё, что ему оставили, — это рваные тряпки и жизнь.

Артен сплюнул кровь на мостовую и попытался встать. После нескольких неудачных попыток, опираясь на стену дома, ему удалось подняться. С большим трудом, находя силы лишь в чувстве собственной боли, юный князь смог двинуться вперёд, надеясь, что ему получится найти нужную дорогу.

Ещё до рассвета Артен смог выйти на набережную, где определил свою дорогу. Он двигался к трактиру, своему единственному пристанищу в безумном городе. Рядом с ним ковыляли собаки, словно ожидая, когда он свалится замертво. Но он продолжал идти. Та ночь казалась ему вечностью. Боль тянула мгновения, превращая их в минуты. Иногда ему становилось так неумоги, что он выл от слабости и бессилия. Ему было больно даже думать, и он не думал.

Когда он добрёл до трактира, дождь усилился. С трудом навалившись на дверь, он распахнул её и упал на порог трактира. Поздние гости, как и сам трактирщик, смотрели на него безумными глазами. Им виделся кровавый монстр, пытавшийся пройти внутрь.

— Уважаемый! — раздался голос Сеина. — Так-то у нас для ночлега все комнаты заняты.

— О, я днём ещё... снял у Вас комнату... на месяц...

Сеин удивлённо взглянул в лицо ночного гостя и развёл руками. Затем хозяин трактира развернулся и подозвал ужинающих стражей. Те тут же встали и направились в сторону Артена.

— Если так, у Вас должен быть ключ.

Артен похлопал себя по рваным карманам и взвыл от боли. Ключа не было.

— Меня ограбили... Ключ, видимо, тоже забрали... Но ведь я остановился в седьмой комнате...

Сеин почесал свой подбородок и обратился взглядом к двум стражникам за помощью.

— Я действительно сдал сегодня седьмую комнату на несколько недель, но точно не Вам. Там ночует молодая девушка, и она ушла спать ещё после ужина, — он посмотрел на часы. — Это было семь часов назад.

Стражники взяли Артена под руки.

— Парень, тебе нечего здесь делать.

— Вы не понимаете, я остановился здесь.

— Мы всё понимаем, всем хочется иметь крышу над головой в такую погоду, но ты ведь грязный бродяжка.

— Я князь...

— А я король Сабидор. Документы, пожалуйста.

Артен опять потянулся к карманам, но вспомнил, что там пусто. Он осмотрел двух недовольных стражников с ног до головы своим мутным взглядом. Как они были ему противны. Они вели себя так, будто точно знали его историю.

— Я вам повторяю, меня ограбили, у меня нет документов...

— Тогда иди прочь, пока мы за тебя не взяли всерьёз.

У Артена больше не было сил сопротивляться и что-то доказывать. Он просто сел у лестницы, словно готовился ко сну. Он никуда не хотел идти.

— Ах так?! Тетлен, поднимай его, поволочём его в камеру, а после пусть суд сам решает

— в Загорье его или на плаху за неуважение к закону.

Второй стражник грубо обхватил Артена за плечи и начал поднимать. Юный князь не сопротивлялся. Его раздражали эти стражники и наигранное недовольство Сеина, но он был бессилен.

— Спасибо, Хайли! — крикнул Сеин им вдогонку, когда стражники выволокли Артена под дождь.

Они отволокли его к небольшому мосту через приток реки и бросили на землю. Они обшаривали его, словно делали это каждый день. Вот только найти им ничего не удалось, и со злости они стали пинать его по окровавленной спине.

— Ты сорвал нам прекрасный предрассветный ужин!

— Да, всю смену запарол!

Тетлан присел над избитым им юношей и плюнул ему в лицо.

— Что? У тебя действительно ничего нет? А ещё князь!

— Дорога в Загорье ему обеспечена.

Оба стражника рассмеялись. Тетлан ещё раз осмотрел рваные одежды Артена.

— Хайли?

— Да.

— А он это... меченый.

Хайли наклонился и рассмотрел метку на теле юноши. Он провёл по ней пальцем.

— Алхимики с Хафера.

— Ты уверен?

— Ещё бы.

— И что мы с ним будем делать?

Хайли встал и развёл руками.

— Ничего, пусть остаётся здесь. Это их добыча, пусть разбираются. Подними-ка его.

Второй стражник поднял Артена и прижал к мосту. Первый подошёл и постарался привести юного князя в чувство пощёчинами. Вот только тот и не терял сознания. Он устал от боли, почти потерял связь с реальностью, но продолжал всё чувствовать и слышать.

— Мы тебя, парень, не видели. Ты нас тоже. И не смей соваться к Сеину больше! А не то повторим. С алхимиками разбирайся сам, но я тебе скажу, что ты уже труп. Всё понял?

Чтобы подкрепить в памяти Артена этот момент, Хайли ударил парня под рёбра и повалил на землю. Затем они его бросили и ушли в рассвет.

Артен остался под мостом совсем один. Весь в грязи и крови, он сидел, прижимая колени руками. Слезы текли по его лицу. Боль смешалась с ненавистью и жалостью. Он не понимал, что чувствует сам. В голове застряло лишь чувство бесконечного одиночества и собственной слабости. Он уже давно ощущал это, словно в его разуме поселилась змея. Раньше она кусала и толкала его вперёд, но теперь она выбралась и оплела его. И она шептала, шептала на ухо ему одни и те же слова:

«Это всё ты виноват! Ты подвёл всех! Ты подвёл Вайрона, Айху! Ты виноват в её гибели! Это ты её погубил!»

И больше Артен уже не мог сопротивляться этому голосу.

Глава 6

Заметка в «Шэхиркской записи» от 17-го дюгена 1943 года:

Градоначальник Шэхирка почтил память сгоревших.

Сегодня на площади Революта господин Загрот Батерт принял участие в открытии доски памяти, посвящённой жертвам огненных нападений. Три месяца назад неизвестный начал поджигать людей в переулках и безлюдных местах. Итоговое количество погибших составило семнадцать человек.

«Это были ужасные дни для нашего города, бросившие тень на всех жителей Шэхирка! Погибшие были нашими гостями, друзьями, соседями, независимо от своей расовой принадлежности. Мы все будем скорбеть о потере со всем Матесуном.

Спасибо нашей доблестной страже и господину Фирине за столь блестящее расследование и устранение городской угрозы. Если бы не они, город всё ещё жил бы в страхе перед поджигателем».

Капитан Ярхон Фирине, занимавшийся делом поджигателя, на открытии не присутствовал. Спустя несколько дней после семнадцатого убийства следствие было прекращено, а правительство города заявило о поимке преступника. Его личность так и не была раскрыта общественности. Сам капитан Фирине никаких заявлений по делу до сих пор не дал.

На доске памяти выбиты семнадцать имён жертв в порядке смерти, начиная с Елет Тамадэса и заканчивая Эргидом Архапэсом. Судьба поджигателя до сих пор неизвестна.

— Гав! — громко раздалось над городом.

Уже две недели Ерnodск просыпался рано утром от одновременного лая тысяч собак по всему городу. Ни один учёный не смог найти ответа, почему вдруг собаки решили стать городскими петухами и поднимать людей ни свет ни заря. До этого столица сама прекрасно справлялась со своим пробуждением, и хоть по утрам жители ворчали, жаловались они больше на обстоятельства, что толкали их подниматься с кровати. Теперь же они все ненавидели собак. Даже владельцы собак иногда пинали собственных питомцев от обиды, что уж говорить о прочих. Свободные горожане уже во всю прыть мастерили пикеты с требованием начать борьбу с городскими псами и обещали выйти на протест, как только погода станет лучше.

Недовольны были все слои населения, но в особенности бездомные нищие. Казалось, что им должно было быть всё равно, в какое время просыпаться под мостом. Впрочем, так оно и было. Их тревожило не смещение в распорядке дня, а обилие новых ртов, что покушались на их обед. Часть из хозяев собак не выдерживала и выгоняла домашних будильников из дома, заставляя псов искать новые способы пропитания. Они объединялись в небольшие стаи и начинали охоту за источниками пропитания. Жители подворотен утверждали, что ещё немного и в городе не останется съедобных птиц. Правда, кричать об этом во всю глотку они не могли, тогда бы их уже точно отправили в ссылку за тридевять земель, где ещё неизвестно, будут ли лучше обстоять дела с пропитанием.

Были ли собаки довольны таким положением дел? Перебравший однажды в баре друид утверждал, что нет. Мол, никто из них не просил такой участи, но не ответить родственной душе лаем они не могли. Это желание пряталось у них глубоко внутри, и оно часто толкало их на необдуманные поступки. И вот теперь оно лишило их всего.

В городе была лишь одна живая душа, которая искренне радовалась городским нововведениям. Это была Налли. Именно ей принадлежал тот первый возглас, что подхватили другие собаки. Ей потребовалось всего раз десять пролаять о начале нового дня, и бестолковые псины уверовали в своём сознании, что так должно происходить постоянно. И теперь уже сами вопили без её участия. Она была очень горда собой.

Налли и сама была собакой, собакой-путешественницей, как она любила себя называть. За свою жизнь она успела повидать полсвета, была у вампиров, людей, эльфов, кентавров и даже минотавров. Она плавала на кораблях и прибывалась к караванам. И всегда точно знала, что ей делать и куда ей двигаться. А главное, исходя из собственного опыта, она была уверена, что без хозяев собаке будет лучше. Ей нравилось дарить свободу, о которой никто не просил. И это делалось с искренней заботой, так как весь псиный род, по её мнению, не обладал достаточной сознательностью, чтобы разобрать, что для них лучше. Поэтому она почти в каждом городе, в котором останавливалась, проворачивала похожую схему.

В Ерnodск Налли привезла шхуна, чьё название рыжая дворняга даже не удосужилась запомнить. И ей нравился город, тут было интересно. Обычно ликмены, которых она встречала, либо зарабатывали огромные деньги, либо убивали, чтобы их дети в будущем зарабатывали огромные деньги. На мелочи этот народ не разменивался. И в итоге все ликмены, прятавшиеся в других городах у всех на виду, пахли для неё ложью и предательством. Это человек своим слабым носом не способен учуять натуру собеседника, а собака очень даже преуспевала в этом. И потому город, где большая часть населения уже состояла из превращенцев, работавших и в порту, и в булочной, стал открытием для Налли. Оказавшись среди таких же людей, они начали формировать общество, существующее по правилам остального мира. Конечно, обман и хитрость никуда не ушли, но многие решили жить обычной жизнью, посчитав честный труд и спокойствие достойной заменой. Возможно, за это стоило благодарить строгое правительство, которое боролось с самыми отъявленными преступниками, но политика собаку точно не интересовала.

Налли ежедневно бегала по городу и рассматривала людей. Она выучила, что ровно в восемь утра её и прочих собак будет ждать добрый мясник с Моховой улицы, угощая мясными обрезками. Она знала, что днём стража особенно жёстко гоняется за нищими, сгоняя их с многолюдных улиц, а иногда и уводя их с собой. Зато с портовой шайкой воров они чаще всего здоровались, хотя знали о многих их деяниях. Она знала и что вечером, если заглянуть в парке за громоздкие деревья или спуститься в нишу под мостом, можно встретить свободных бродяг. Что в зависимости от дня они могли как приласкать промокшую собаку, так и начать гоняться за ней с заточенной палкой. Они были ей забавны. Они, как собаки, обрели свободу, но всё равно сбивались в стаю и пленяли себя. Они ненавидели собачьи стаи, живущие на улицах города, но сами образовали такую. Они могли принять одинокую Налли, но не принимали одинокого человека. Среди них были ликмены, люди и гномы, но всё равно они образовали общность, в которую кто-то не смог вписаться. И ведь это была даже не собака...

Ужиная ещё в первые дни среди бродяг, Налли увидела, как трое из них отгоняли от костра молодого парня в обносках. Он был весь в рваной и грязной одежде, его чёрные волосы были слипшимися и промокшими. Казалось, он не ел уже несколько дней, но никому не было до этого и дела. Его обкидывали камнями, били палками и всячески старались прогнать, не прикасаясь к нему. А он молчал. Он просто терпел их поведение, и лишь когда их агрессия приближалась к точке кипения, уходил прочь.

Налли часто следила за ним и видела, как он ночует в самых холодных местах, не прячась от дождя. Днём он ходил по городу, позволял бить себя страже, а детям смеяться над ним. Он не принимал подачки и не выпрашивал их. Ел он мало и только то, что находил самостоятельно. Она пыталась подсунуть ему мясные обрезки, но он их даже не заметил. Он проходил мимо городских ворот, он мог покинуть город чуть ли не каждый день, но он продолжал вести бедственную городскую жизнь, словно он сам наказывал себя. Ей не было его жалко, он был ей противен, но всё равно она продолжала присматривать за ним изо дня в день.

Как-то раз, примерно на девятый день её пребывания в Ерnodске, ей показалось, что бродяга может сорваться. Она спокойно прогуливалась по набережной, аккуратно перемещаясь между ног прохожих, лаяла уже знакомым собакам и выискивала что-нибудь интересное, что

лежало бы без присмотра. И вот, завернув в один переулок, она увидела, как три здоровых ликмена прижимали бродягу к стенке и били в живот. Они били и били, били и били. Требовали отдать какие-то деньги. Потом к ним подошёл четвёртый, невысокого роста мужчина, заглянул в глаза избитого парня. Даже Налли, находясь на расстоянии, чувствовала огонь, который возгорался внутри бродяги, но он усмирил его. И тогда мужчина отвесил ему пощёчину, ударил в живот и с тихой злобой ушёл из переулочка, уводя с собой трёх верзил. А бродяга остался валяться в грязи.

После того случая невысокий мужчина ей попался только один раз. Она видела, как он гулял по городу, покупал дорогую одежду, входил в богатые дома города и тихо-тихо беседовал с разными людьми, а затем на набережной спускался в какой-то подвал. Она хотела прошмыгнуть за ним и туда, но ликмен в облике минотавра преградил ей дорогу. Ей уже доводилось встречать места, куда люди спускаются тратить свои деньги на развлечения, алкоголь и глупых девушек, где-то их называли игральными домами, где-то особняками для званых вечеров, но сути это не меняло. Хозяева там были рады только богатым и разумным, по крайней мере предположительно разумным, а её гнали прочь. Поэтому она ждала, когда мужчина поднимется обратно, но он так и не появился, вплоть до будящего собачьего лая, и Налли перестала следить.

И хоть Ерnodск Налли нравился, иногда она впадала в отчаяние. Очень грустно осознавать, что ты понимаешь намного больше, чем все те, кто мнят себя королями мира, а сделать всё равно ничего не можешь. Ты можешь помнить наизусть легенды о сотворении мира и знать причины, почему планета вращается вокруг солнца, а не наоборот, но тебя всё равно никто не воспримет всерьёз, ведь ты всего лишь собака. А собака не может быть умнее хозяина! И так было везде и всегда. Иногда, конечно, ей попадались друиды и прочие кудесники, с которыми было интересно поговорить о высоком, но часто они, как и все учёные, ставили на ней крест с надписью: «невозможное». И тогда она вновь оставалась сама по себе. По крайней мере, такое происходило чаще всего, когда она удалялась от родного дома. И эти мысли о собственной роли и смысле её бытия тревожили Налли, но ровно до того момента, пока не представлялся случай для нового развлечения.

На двадцать первый день своего пребывания в Ерnodске Налли решила, что что-то пора менять. Ей показалось, что она насобираала достаточно знаний о городе, на запах она может опознать практически любого жителя, а дела сами себя не сделают. Значит, пришло её время.

Первым делом поутру она напомнила всем собакам, как громко надо пробуждать людей ото сна. Для этого Налли пробралась мимо дремлющего сторожа городской оповещательной башни. Обычно ей пользовались во время пожаров и других существенных городских происшествий, но Налли решила, что это лучшая площадка для выступлений. И, разумеется, она была права. Если уж башня годится для информирования о чём-то чрезвычайном, то она также подойдёт для утреннего бодрящего лая.

— Гав! Гав-гав! Гав! — проревела рыжая собака на самой верхушке башни.

Акустика сделала своё дело. Уже очень скоро остальные собаки ответили ей волной громогласного лая, охватывая весь едва ли ещё освещённый солнцем город. Налли была довольна поднявшимся шумом. Жизнь вновь окрасилась яркими цветами. Но наслаждаться ей было некогда, на лестнице уже раздались шаги.

Это был Лийша, тот самый страж башни, что уже три недели просыпал её появление и пропускал тем самым наверх. От него всегда пахло табаком и маслом. Странное сочетание, по мнению Налли, но очень запоминающееся. Они несколько раз сталкивались на лестнице, и он даже пытался её поймать, но природная ловкость и цепкие зубы давали ей явное преимущество. Хотя его напор её изрядно забавлял.

Сегодня Налли дала сторожу подняться достаточно высоко по лестнице, так чтобы его макушка уже показалась наверху, и тогда она прыгнула прямо через него, открывая дорогу к свободе. Лийша с большим трудом смог сохранить равновесие, чтобы не навернуться на крутой лестнице, когда задние собачьи лапы, пролетая мимо, коснулись его плеч. И ещё сложнее ему было совладать с собой и броситься в погоню.

— Опять эта рыжая шавка! Да что же с тобой не так?! Когда уже тебя загрызут крысы?! — прокричал Лийша, впопыхах спускаясь по винтовой лестнице.

На улице Лийша обратился к главному оружию всех сторожей в любых городах — к свистку. Он засвистел так, чтобы все услышали, как он старался совладать с ситуацией, и чтобы ни у кого не возникло сомнений в его серьёзном подходе к работе.

Налли мчалась от башни со всех ног. Было в погонях что-то такое, что всегда её манило. И неважно, гонятся за ней или это она преследует. Сам бег доставлял ей удовольствие. Она не знала, как это объяснить, возможно, это что-то древнее, природное говорило в ней. А может, и что-то другое. Одно она знала точно: настроение у неё от этого поднимается.

На такой скорости она пробежала несколько улиц, умело уворачиваясь от пинков недавно проснувшихся горожан. Люди всегда были грубы, невыспавшимися они были и вовсе опасны, но Налли это только нравилось. Конечно, если бы её попытались бесцеремонно разбудить, то она бы задала славную трёпку этому смельчаку, независимо от того, был он зверем или существом разумным. Досталось бы обязательно, хотя бы психологически. И на счастье всех вокруг, такое происходило редко.

Остановилась Налли только у лавки «Тысяча мелочей Найва Уолеса». Это был небольшой магазинчик, расположенный на Кирпичной улице. Район этот был далеко не богатый, но весьма ухоженный, и лавка Найва прекрасно вписывалась в его образ.

Налли нередко слышала, что здесь можно было найти чуть ли не всё что угодно, но всё равно здесь никогда не стояли очереди со всего города. В конце концов, это Ерnodск, город ликменов, а здесь каждый был бы не прочь открыть свою лавку, поэтому конкуренты возникали регулярно. И тем не менее у Найва не хватало работника и была свободна комната, а это то, что Налли и требовалось.

Налли остановилась прочитать листовку, вывешенную на витрине лавки. Да, комната по-прежнему была свободна, а значит, можно уже вальяжно шагать дальше, активно махая хвостом. Она не особо задумывалась, одобрит ли Найв, чтобы в комнате проживала ещё и собака. Да, он мужчина добрый, угощал иногда бродячих собак и кошек, но это не то же самое, что пустить одну из них к себе домой, где живут ещё и дети. Конечно, она бы не стала кусать его ребятишек просто так, но попробуй объяснить это человеку. Тот либо окончательно разуверится в её безобидности, либо с яростью безумца выставит её за дверь. А ей уж очень хотелось наконец помыться и поспать подальше от уличных приставал. Так что придётся по старинке сделать красивую моську и надеяться на лучшее.

На завтрак Налли опоздала. Всё более-менее съедобное из мясных обрезков умяли прочие уличные жители. А драться за худшие объедки ей, как почётной дворняге, никак не пристало. Поэтому из мясницкого закоулка она направилась гулять по солнечному городу. Погода, на удивление, была благоприятной. Обычно в это время года шли проливные дожди, которые нередко смывали обозы с торговых площадей, унося их товары с собой для морских обитателей. Сегодня же даже облачка на небе попадались нечасто. Всё так и напоминало о недавно закончившемся лете. Люди на улице даже путались, как именно стоит одеваться, выходя из дома. Только холодный ветер и пожухлые листья напоминали о приближающейся зиме.

В порту всё как всегда шло кувырком. Лошади с телегами шныряли туда-сюда, люди бежали меж них, словно не боялись быть задавленными, а разнорабочие стояли и высматривали интересные случаи в толпе, то есть бездельничали. В такой обстановке никто и не замечал

рыжую собаку, шнырявшую вместе со всеми и отбиравшую у людей их пайки. Налли давно наловчилась таскать у людей пироги и лепёшки с мясом. Это лишь начинающие уличные псы вырывают еду из рук после нескольких голодных дней, а профессионалы добиваются того, чтобы человек сам потерял еду. Можно заставить её выронить или незаметно стащить, пока человек не смотрит. Вот Налли и наедалась доступными для неё способами. Вскоре она наелась так, что её хвост чуть не переехала телега. И ей очень повезло, что она успела удрать прочь.

До обеда она провалялась на набережной, посматривая на прохожих. Все бежали по своим делам, за исключением бродячих собак. Эти старались вообще не появляться на многолюдных улицах до самой ночи, но иногда один или два пса пристраивались за Налли и крутились около неё. Они её не напрягали, пока не начинали слишком активно приставать. Одно дело, когда все кобели радостно машут хвостами при встрече, и совсем другое, когда они переходят разумную грань. Налли иногда считала, что её околочеловеческое сознание мешало ей построить хорошую собачью жизнь, но потом смотрела на поведение этих самых псов и понимала, что лучше уж так. Поэтому, когда наглые морды преследователей пересекали её личные границы, она не гнушалась драться и гонять уличных приставал. И сегодня был как раз тот случай, когда ей пришлось пробежаться снова по городу, чтобы покусать в наказание пару блохастых хвостов.

И вот на улице показался нужный ей человек. Одиноким бродяга совсем зарос бородой и покрылся грязевым слоем. Кто-то мог бы подумать, что его довёл до этого алкоголь, но Налли точно знала, что этот человек не пил ничего спиртного уже несколько недель, но вид его лучше не становился. Его бессознательный и пустой взгляд, который он старался держать, был проявлением собственного желания. Защитный механизм в условиях, где тебя презирают все окружающие. Налли не знала, почему его гнали окружающие, но надеялась, что так будут вести себя не все жители города, иначе вся задумка отправилась бы коту под хвост.

Бродяга плёлся по городу словно тень. Его старались не замечать окружающие. Каждый, у кого взгляд падал на него, тут же отводил глаза. Все делали вид, что его не существует. Так оно обычно и случается с людьми, оказавшимися на дне. Кому-то больно видеть, как человек катится вниз, кому-то брезгливо, а кто-то просто не хочет замечать проблемы. И в результате человек существует словно призрак. Даже хуже, ведь призраков общество признаёт за почти равных, а тех, кто докатился, бывает, ставят хуже животного. Вот он и двигался среди людей незамеченным.

Налли пристроилась за ним хвостом. Ей надо было огорошить бродягу, застать его врасплох. Только совершенно внезапное происшествие способно отвлечь человека от собственного транса. И как удачно, что бродяга был именно человек, с ними куда проще иметь дело, чем с гномами или эльфами. Этих проще убедить, что они сошли с ума.

Бродяга даже не замечал собаку, что двигалась за ним. Ему было всё равно. Он ходил по городу, по его самым значным местам, словно напрашиваясь на неприятности, но сегодня он их не находил. Словно само провидение оберегало его от всяческих происшествий. Так и прослонулся бродяга весь день, не останавливаясь ни для того, чтобы поесть, ни для того, чтобы отдохнуть.

К ночи он остановился в парке, в небольшом гроте под разрушенной беседкой. Он набрал в ладошку росы и дождевой влаги и выпил. На большее сегодня он и не претендовал. Налли внимательно следила за каждым его действием. Она остановилась на входе в грот и выжидающе села. Она знала, что бродяга и сейчас не прогонит её, поэтому оставалось только дожидаться, пока он заснёт. Вот только он никак этого не делал. Он ворочался, пытаясь заснуть, но каждый раз его глаза открывались и впивались в Налли. Иногда в них читалась злость и нетерпение, иногда смирение, но чаще всего они источали его привычную пустоту. Налли даже задалась вопросом: «Почему именно он?» — но смогла совладать с собой и продолжила тихо лежать при входе, маскируясь под спящую.

Кто знает, сколько времени они провели в том гроте, обманывая друг друга. Но в конце концов один из них не выдержал и заснул, и тогда второй, убедившись в своей победе, подошёл к спящему, склонился над его ухом и произнёс:

— Так сказать, гав!

Глава 7

Артен моментально открыл глаза от ужаса. Последние несколько недель его сон нельзя было назвать слишком крепким. В первые дни уличной жизни он едва ли мог заснуть из-за ночного холода. Позже к этому прибавились дождь, завывающий ветер и собаки. Последних становилось так много, что они уже отбирали место для его собственной жизни. Как-то раз он проснулся спозаранку от того, что одна собака, изголодавшись, решила попробовать княжеской плоти, но как только он взвыл, та убежала прочь. «Видимо, приняла за покойника», — решил для себя Артен. Та ситуация в его собственном представлении была естественным следствием затухающей бродяжной жизни. А вот то, что происходило сейчас, никак не укладывалось в голове.

Перед лежащим в гроте Артемом стояла рыжая дворняга и смотрела на него наглыми глазами. Она не была крупной, в её родословной вряд ли были охотничьи псы, но она держалась с гордостью, без лишнего лая и никуда не хотела убегать. Он видел её в городе, вечно слоняющуюся по улицам и докапывающуюся до мелких лавочников. Она то еду выпрашивала, то просто цеплялась для увеселения. И вчера она прошла с ним до самого грота. Но зачем? Ему же явно почудилось, не могла же она...

— Ну, чего ты разлёгся? У нас много дел!.. Гав? — ещё раз, уже совсем чётко раздалось слова со стороны собаки.

Хоть Артен и был далеко не лучшим учеником в школе магии на последних курсах, но даже он знал, что животные разговаривать не умеют. Друиды любят уверять всех в своих особых магических способностях, знаниях языков животных и прочих уловках фокусников с городского базара, но это лишь фикция. Животные устроены иначе. То, что люди по ошибке называют звериным языком, — комплекс из сигналов, передающих базовые смыслы. Да, кто-то может назвать это общением, но это будет ошибка. У них у всех лишь зачаточная форма разума. А значит, это просто невозможно.

Земля в парке в это время года уже была промёрзлой, что сильно отвлекало Артена от размышлений. Он долго пытался сосредоточиться и понять, как может говорить собака. Выводов напрашивалось несколько. Согласно первому, голос исходил не от собаки, а от кого-то, находящегося за ней. Но зачем человеку говорить «гав»? Да и что за безумец решится заговорить с ним? Второй вариант казался Артену самым вероятным: он просто сошёл с ума. Такое со всеми случается, говорят, даже гении склонны к сумасшествию, чего уж говорить о человеке, оказавшемся на самом дне. Эта собака, может быть, последняя надежда его подсознания, созданная для борьбы с разумом, что стремится к саморазрушению. И, судя по тому, как чётко он формулирует подобные мысли, это очень похоже на истину. А значит, можно её игнорировать как что-то несуществующее.

Тут собака не вытерпела и вцепилась зубами в его грязный и рваный костюм, стараясь вытянуть из грота, при этом завывая почти по-детски. Хватка у дворняги была крепкой, отдавалась острой болью в ноге, которую Артен решил продолжить игнорировать. «Такое иногда случается, — говорил он себе, — фантомные боли. Всё из-за голодовки».

И хоть Артен и решил не поддаваться силе своего подсознания, ведущего его не по нужной ему дороге, он решил, что надо пройти. Может быть, и боли уймутся. На внезапное удивление самого юноши, это действительно сработало. Как только он выбрался из грота и пошёл по ночному парку, собака быстро отпустила его ногу, и боль вскоре прекратилась.

«Я читал что-то подобное в трактате мага шестнадцатого столетия Дурмига Фрейза. Он пытался разобраться в работе человеческого сознания и я точно помню, что он отстаивал важность сигналов подсознания. По его мнению, когда разум человека начинает излишне брать контроль над телом, его глубинные мысли начинают подкидывать различные подсказки, чтобы

человек не загубил самого себя. Обычно эти послания принимают вид знакомых образов, которые несут конкретные смыслы. Вот, например, собака — животное верное, охраняющее своего хозяина. Вот мне и явилась она. Хотя почему именно эта рыжая дворняга? Всё же разум человека непостижим», — размышлял Артен, бредя по парковым тропам.

И всё же, несмотря на столь точные размышления, собака не пропадала. Она не была похожей на сон или видение, она была материальна. И она точно продолжала что-то говорить. Как бы Артен ни старался её не слушать, её голос урывками долетал до него. Она говорила что-то про воду, дом, работу — перечисляла всякие вещи, ценные для обычных людей. Неужели его подсознание так и не удосужилось понять, что ему на это всё равно? Для него была важна Айха, была важна месть, а теперь неважно ничего. Он отказался от всего. Теперь ничего неважно, а значит, ему полагается жить именно так. Он месяц живёт, отринув мирские потребности. Он отказался от еды, кроме тех случаев, когда это действительно необходимо. Он также отказался от воды. Даже магию он перестал принимать для собственного обогрева. Конечно, это заставило его очень быстро заболеть, но он смог перенести её на ногах. Так что его подсознанию придётся смириться.

С такими размышлениями Артен дошёл до паркового пруда. Он подсознательно всегда приходил сюда. Он даже не думал о направлении, ноги сами несли его. Так было дома в Шэхирке, так было и здесь. Вода, всегда вода. Он сел на берегу и посмотрел на ночное звёздное небо, оно было прекрасно. И рядом с ним присела рыжая собака и замолчала.

Несколько минут в ночном воздухе не было ни одного постороннего звука. Природа наполнилась собственной осенней тишиной. То самое время, когда всё живое замедляется и потихоньку переходит в состояние сна. Даже ветер затих. Все боялись наступающего холода, и только сам Артен жаждал его прихода.

— Да ты просто эгоист! — вдруг без всяких собачьих повадок произнесла дворняга и почесала за ухом.

Вдруг мир резко перевернулся. Артен вскочил и бросился на собаку. Налли ещё никогда не приходилось видеть столь молниеносной ярости. Она инстинктивно попыталась метнуться прочь в кусты, но её собственный хвост помешал ей. Бродяга схватил дворнягу за хвост, прижал к земле и зажёл в руке огонь. Человек смотрел на неё горящими от ярости глазами, как дикий зверь, поймавший неугомонную добычу. Только ему не требовалось пропитание, он хотел убить ради убийства, и это было самое страшное для Налли в человеке. Она знала, что они способны на такое, но никогда не сталкивалась с такой бурей в одной личности сама. И никогда бы не хотела увидеть это вновь.

Налли смотрела на бродягу глазами, полными страха и ужаса. Она жалобно скулила, завывала и пыталась выбраться из мёртвой хватки, но ничего не помогало. В конце концов она сдалась и расслабилась в его руках, а он вдруг швырнул огненный шар и метнул его в дерево. Ствол опалился, почернел, но устоял. И Артен отпустил собаку. Дворняга бросилась к кустам, но дальше не убежала.

— Как смеешь ты обвинять меня в эгоизме? — громко произнёс Артен. — Ты моё подсознание, кто, если не ты, должно знать, что я всё делал для других, для мира, для справедливости! Я жертвую своей жизнью ради этого!

— И как, гав, справедливости помогает то, что ты живёшь на улице, не питаешься и обрастая слоями грязи? Гав! — произнесла Налли, аккуратно укрываясь в кустах, переживая, что огонь может вспыхнуть снова.

— Я демонстрация того, что происходит с человеком, который недостаточно хорош для победы. Всем надо стремиться вверх, чтобы не допустить невинных смертей! — продолжал князь, не сводя глаз с пруда. — А я показываю, что положено тем, кто не смог, кто проиграл.

— То есть ты просто сам себя наказал. И это, по-твоему, справедливость?

— О, подсознание, ведь я же это заслужил. Я допустил смерть Айхи, я не догнал её убийцы. Теперь уж поздно, вот мой финал, — сказал Артен и указал на воду.

Налли выползла из-под кустов и подошла поближе.

— Так я и говорю, всё это эгоизм, — произнесла собака, чувствуя перемены в ситуации. — Ты тратишь жизнь по собственному желанию на муки и страдания, ты этого и хочешь. Ты жаждешь, чтобы кто-то заметил это и сказал, что нет, ты невиновен. Но это будет ложь. Ты сам себя загнал и продолжаешь истязать. Ты любишь наказания и этим желанием ведёшь. Не надо прикрываться красивыми словами, от справедливости здесь нету ни гроша. Ты виноват, а это, — Налли указала лапой на пруд, — лишь способ убежать от собственной вины. Ты мог бы искупить вину: помочь живому и встать на защиту слабого. Ты встретился бы с последствиями собственных ошибок и поменял бы всё, вот это было справедливо. А то, что выбрал ты, лишь путь побега, эгоизм, на который ты не решишься сам, ведь это не привлечёт ничьё внимание. Никто и не оценит подобного решения.

Налли была очень довольна собой. Ей редко удавалось показать кому-нибудь свой театральный талант. По правде, до этого ей и не попадались столь «поэтичные герои». Обычно её подопечные были внезапно огорошены, что с ними хоть кто-то заговорил. Они были не от мира сего, они были настоящими аскетами. Этот же бродяга был явно из другого теста слеплен, но заставить его обеспечить её кровом и едой будет также просто. Надо было лишь правильно подобрать слова. И, кажется, ключи были уже у неё.

Артен, в свою очередь, был немного в шоке от настолько прямолинейного ответа собственного подсознания. Ему даже начало думаться, что он не сходит с ума, а на самом деле беседует с разумным существом, которое старательно подначивает проявить себя. Но ведь собаки не разговаривают, а значит, что она на самом деле может знать.

И Артен сделал шаг в воду.

Очень скоро юноша шагал в холодной воде, погружённый уже по горло. Ему оставалось всего ничего, чтобы оказаться погружённым по самую макушку. Всего один-два шага, и всё будет кончено. Он смотрел на берег, на улыбающуюся собаку, которая лишь махала мордой, предлагая сделать последний шаг. Артен глубоко вдохнул и ушёл на дно.

Вода в пруду и без того была мутная, а сейчас, когда в неё погрузилось бродяжное тело, она стала совсем грязной. Так что Артену совершенно не хотелось открывать глаза, даже чтобы узнать обстановку, которая могла бы стать последней в его жизни. Зато он старательно выдыхал воздух, чтобы быстрее задохнуться. Ему казалось, что подобная смерть куда предпочтительнее, чем неуклюжее захлёбывание осенней водой городского пруда. Кто вообще знает, что тут может плавать в воде, помимо глупого князя.

И вот иногда так случается, что одна минута, несколько крохотных мгновений способны разделить судьбу человека на две части, отделить прошлое от будущего. И иногда, крайне редко, но такое случается, чтобы подняться, надо опуститься на самое дно. И вот от того, как ты поступишь, оказавшись внизу, зависит всё твоё будущее. Артен решил, что это ещё не конец.

Скоро юноша снова сидел на берегу под светом двух лун и звёзд рядом с собакой и очень старался перестать дрожать.

— Т-т-ты говорила ш-ш-што-то про жи-жильё? — уточнил Артен, серьёзно посмотрев на дворнягу.

Нагреть к утру целый пруд, чтобы принять хоть какую-то ванну и привести себя немного в порядок, не было проблемой для Артена. Он же отказывался пользоваться магией исходя из собственных воззрений, а не потерял свои силы. Никто на следующий день в Ерnodске, конечно, не был рад городской парилке, духота от которой заполнила весь город, но и предъявить обвинение было не кому. Никто же не видел, что разогрело городской пруд. Стражники так точно решили не соваться туда первыми, пока не появятся жалобы от пострадавших.

И пока Артен нагревал воду, у него было время, чтобы серьёзно поразмыслить. Значит, Налли была не плодом его воображения. Она была столь же реальна, как опадающая листва деревьев, городские дома и он сам. По крайней мере, вела она себя соответствующе, да и пробегающие мимо неё собаки часто обращали на неё внимание. Но как она могла быть? Она разумна, но она ведь простая дворняжка? Ладно, сейчас это было не так важно. Для него было намного важнее то, что даже собака поймала его на эгоистичном честолюбии. Неужели это была правда? То, что он столько презирал в других и пытался искоренить в себе, побороло его разум. Конечно, это была правда, которую Артен понимал, но не хотел принимать. Ему становилось так мерзко, когда он задумывался об этом, что хотелось свернуться и не показываться миру ещё очень много дней.

Артену вспомнился эпизод из собственного детства. Как-то раз родители повели его в парк «Диковинных зверей», собранных с разных окраин планеты. Там были грызбыки и сарафийские пантеры, птенцы громоптицы и остских саламандр, бехолдеров, игорных скорпионов. Ко многим приближаться было строжайше запрещено, их огораживали специальными клетками, добавляли магическую защиту, чтобы ничего чрезвычайного не произошло. Нет, различные неприятности всё ещё случались, но уже не по вине самих экспонатов. Артену тогда было всего лет шесть, и, как и многие в том возрасте, особенно из богатых семей, он не знал меры. Ему нравилось бегать по этому парку от одного зверя к другому и добиваться их реакции. Он пытался сквозь решётку попасть в тигра камушком, он строил рожицы гордым восточным птицам и пытался разозлить единорога, чтобы рог у того застрял в металлической сетке. Княгиня Рамина со служанкой бегали за Артемом и просили его успокоиться. Мать даже кричала на юного князя, но тот воспринимал всё это за одну большую игру. Он убегает, его догоняют. И это было весело. Князь Сект в этой игре не принимал никакого участия. Он ещё на входе в парк прямо сказал сыну, что надо вести себя спокойно, и больше повторять этого был не намерен. В какой-то момент прогулки сотрудники предложили зарисовать портрет молодого князя вместе с птицей фениксом, словленным у берегов Третьего континента. Княгиня очень беспокоилась, насколько ручной является птица, не причинит ли она вреда её мальчику, но все уверяли, что это очень спокойная птица. Князь Сект дал своё согласие, и уже очень скоро Артен стоял с птицей на плече и ждал, когда его зарисуют. Он не в первый раз позировал для портрета, поэтому знал, как стоять неподвижно, чтобы всё получилось, но его прежняя активность требовала новых шалостей. Артен не мог вспомнить, чего именно он тогда добивался, но он резко выдернул три пера у огненной птицы, и та разразилась пламенем и впилась когтями в плоть мальчика. Без ожогов тогда никто не ушёл с портретной площадки. Артен рыдал, что птица поранила его, даже не замечая, что по его вине больно было и всем остальным. Мать тогда как следует его приложила, и он обиделся на неё.

«Как так, — думал маленький Артен, — у меня течёт кровь из плеча, а мне ещё и достаётся так больно... Я ведь ничего не сделал!»

Уже дома старый князь увёл плачущего Артема от разгневанной матери в свой кабинет и повесил опалённый плащ на спинку кресла и пристально посмотрел на сына.

— А ну не плачь! — произнёс князь своим привычным холодным тоном. — Не тебе положено плакать в эту минуту. Ты причинил боль птице, она принесла боль тебе. Ты же этого и добивался.

— Я не этого хотел, — хлюпая носом, произнёс маленький Артен.

— Не уж то? А что же ты думал, сделает дикая птица? Сбросит тебе ещё пару перьев? Нет, это полностью твоя вина и ответственность. Весь день ты нарывался на хорошую взбучку, а как её получил — обиделся на всех и начал жалеть себя. Бедный маленький Артен, все против него. И птица, и художник, и родители! А ведь он ничего такого не сделал! Твою маму из-за тебя опалило огнём феникса. Да не серьёзно, но, поверь, приятного в этом не было. Огнём окатило и художника, и работников парка, и нашу служанку Тэффи, а ведь они все точно ничего такого

не сделали, чтобы уйти с ожогами на руках, ногах или лице. И кто же должен жалеть себя в эту минуту? Ты ведь даже не извинился, сразу выставил себя жертвой и ждал, когда все будут вертеться около тебя. Ты князь, тебе не престало жалеть себя. Ты защита и опора для окружающих, а не наоборот. Или когда у тебя появится младший брат, ты будешь и тогда вести себя также? Я сказал, не реви! Хватит жалеть себя. Я не буду тебя наказывать, но я очень недоволен тобой. А теперь ступай.

Артен тут же в слезах выбежал из кабинета отца. Они никогда со старым князем не были близки, отчего каждый их приватный диалог сохранялся в памяти Артена надолго. И всегда они очень сильно влияли на мальчика. До самого вечера он просидел у себя в комнате, пытаясь успокоиться, но слёзы продолжали течь рекой. Он злился на отца и отрицал всё то, что он говорил. Он убеждал себя, что отец ошибается, а он прав, но, выйдя к ужину, первым делом он бросился к матери и стал просить прощения, а та расплылась в улыбке и стала извиняться перед ним за то, что сорвалась. Даже служанка прослезилась в тот момент. Единственный, кто оставался непогрешим в тот вечер, был князь Сект.

И вот сейчас, отмываясь в городском пруду, молодой князь Артен Нонморт думал и пытался понять, неужели он так и не изменился. С возрастом он начал понимать, когда именно вёл себя неправильно, и изменился. По крайней мере, он искренне считал, что ему удалось перебороть свои прежние ошибки, но всё, что происходило последние месяцы, упорно доказывало обратное.

Из парка Артен утром вышел уже чистым. Конечно, его одежда всё ещё была рваной и потёртой и совершенно не соответствовала времени года, а лицо — сильно обросшее за месяц бородой, но на человека он начал походить куда лучше. Теперь проходим было бы не так страшно не отводить глаз при его появлении. Налли даже была довольна обновлённой версией прежнего бродяги.

— Что теперь? — спросил Артен, всё ещё смущавшийся необходимостью разговаривать с собакой.

— О, да ничего сложного, надо лишь произвести впечатление на одного лавочника, — почёсывая за ухом, ответила Налли. — Слушай, а ты уверен, что у тебя нет денег на более достойную одежду?

Скоро они уже шагали по городу, стараясь не сильно привлекать внимание. Окружающим сложно было поверить, что это идёт хозяин и его верная собака. Нет, конечно, они оба были весьма потрёпаны жизнью, но как-то в голове они всё равно не клеились. Будто бы кто-то привязал феникса к водному элементалю. Благо в непривычно тёплом тумане эта парочка была последним, на что обратили бы внимание горожане. Даже при условии, что хозяин и собака разговаривали.

Как оказалось, Налли уже придумала достаточно подробную историю о том, как юнга, потерпевший крушение на необитаемом острове, вместе со своей любимой собакой был подобран проходившим мимо судном и доставлен в Ерnodск, где захотел обосноваться хотя бы на время, чтобы прийти в себя. Сразу в море после такого неудачного плавания он возвращаться не хотел, так что надо было искать жильё и новую работу. И так удачно, что у господина Уолеса можно было найти и то, и другое.

Артену не очень нравилась идея начинать добропорядочную жизнь со лжи, но он знал, что и правда о его собственной личности не принесёт никакой пользы. Да, он мог бы уже найти это проклятое посольство и доказать своё княжеское происхождение, но он не чувствовал себя достойным этого. Уж точно не теперь. Придумал ли он так себе очередное наказание, чтобы жалеть себя? Наверное, это беспокоило его в своём нынешнем решении больше всего, но он будет работать, становиться лучше и когда-нибудь ещё вспомнит о своём настоящем положе-

нии в обществе. Так что он надеялся, что наказывает себя в этот раз не из жалости к себе или внимания, а для собственной пользы. И ему очень хотелось в это верить.

В дверь лавки Найва Уолеса аккуратно постучали. Так поступали очень редко, обычно во все торговые заведения заходили быстро и уверенно, как к себе домой, поэтому стук быстро привлёк внимание хозяина. Чуть позже дверь отворилась, и за ней показался Артен. Он шёл неуверенно, словно чего-то стеснялся, но продолжал двигаться к прилавку, за которым стоял хозяин. От господина Уолеса не укрылась походка и лёгкая неуклюжесть движений его гостя, как и то, что за ним плелась потрёпанная рыжая собака.

— Здравствуйте, Вам что-нибудь подсказать? — несколько недоверчиво произнёс хозяин лавки.

— Я ищу Найва Уолеса, — слегка запинаясь, ответил Артен.

— Вы его нашли, — спокойным и размеренным голосом продолжал мужчина за прилавком. — Чем обязан?

— Дело в том, — Артен сглотнул, — что я увидел ваше объявление о поиске сотрудника в лавку, и я хотел бы предложить на роль помощника, эмм, себя.

Господин Уолес вновь окинул Артена взглядом. Перед ним стоял тощий юный мальчишка, что годился ему в сыновья. Его одежда едва сходилась за таковую, давая возможность оценить контуры чуть ли не всего его тела. Он был худ, не особо физически развит и вряд ли бы смог оказать сопротивление при ограблении, но главное то, что выступающего бугорка на груди, который есть у абсолютно любого ликмена независимо от его обличья в данный момент, не было.

Вскоре у Артена была собственная комната на втором этаже лавки. Ему также позволили заселиться вместе с собакой при условии, что она не будет шуметь по ночам и утрам, как прочие городские псы. Господин Уолес не особо вслушивался в историю, которую придумала Налли, а Артен, спотыкаясь, рассказывал, перевирая определённые куски. Найву было важно, чтобы его работник был сосредоточен на работе, чтобы знал, как расставлять товары, чтобы не грубил посетителям и выглядел достойно. И хоть князь честно признавался, что до этого ему не приходилось работать в сфере торговли, господин Уолес взял его к себе и выделил средства на покупку нормальной одежды. Естественно, вычтя эту сумму из будущего жалования.

Налли была без ума от радости, когда позднее вечером этого дня ей удалось принять ванну в чистой горячей воде, а потом не требовалось никуда бежать. Наконец она снова имела крышу над головой. Артен не разделял её радости. Впервые в своей жизни ему предстояло пройти по пути, который он себе не выбирал. Носить ту одежду, которую может позволить, а не ту, что хочет. Жить, исходя из обстоятельств, а не по собственному или чужому разумению. Даже на улице его не угнетало его положение так, как сейчас. Это было что-то новое, непонятное, но и возвращаться к прежней жизни сейчас он не хотел. Он боялся, но этот страх оставалось только сжать в кулаке и сделать столь необходимый шаг.

Глава 8

День начался с криков собак за окном. Впервые за несколько недель Артен проснулся отчего-то настолько естественного. Он уже привык открывать глаза и видеть, как природа выливает на него все накопившиеся помои. И вот он снова проснулся в кровати, как настоящий человек. Да, это была далеко не та мягкая и тёплая постель, к которой он привык, пока рос в княжеских покоях, но ведь это и не сырая земля. В общем, это была лучшая ночь для Артена за долгое время.

Налли вела себя смирно, как и просил господин Уолес. Она лежала рядом с кроватью и грызла вчера ухваченную кость. И если бы Артен спросил, зачем она это делает, она бы очень рассердилась, но дать толкового ответа не смогла.

Комната, которую господин Уолес предоставил своему новому работнику, была слегка тесновата, но обладала одним серьёзным достоинством: собственная умывальная комната с зеркалом. И сейчас это позволило Артену привести себя в порядок, не согласовывая время своего пребывания в помещениях общего пользования, к которым, например, относилась уборная. Так что первым делом с утра юный кудесник занялся собой.

Господин Уолес сразу дал понять, что его работник должен выглядеть достойно, и потому никакой неуклюжей юношеской растительности у него на лице быть не должно. Артену никогда и не нравилась сама идея бороды, особенно с тех пор как он начал много проводить времени с Айхой. Она всегда отмечала, что у него слишком красивое лицо для того, чтобы он прятал его даже за аккуратненькой бородкой. Да и к тому же она временами жутко чесалась, чего Артен уже никак терпеть не мог. Потому вчера, как только господин Уолес его заселил и предоставил первичный денежный аванс, он купил не только одежду, но и простейшую бритву.

Через каких-то двадцать минут Артен стоял в дешёвой, но крепко пошитой рабоче-крестьянской одежде, висящей на нём мешком, внизу в лавке Уолеса. На его чистом и местами порезанном лице читалось стремление начать работать, хотя и несколько неуверенное. Найв сверил его с довольной ухмылкой.

— Значится так, — не спеша говорил господин Уолес. — В этой лавке действует для тебя только три правила. Первое, ты исполняешь всё, что я тебе прикажу. Скажу, стоять за прилавком, ты стоишь и хорошенько отсчитываешь все те монеты, которые попадают тебе в руки. Скажу, разгрузить телегу, ты разгружаешь, и неважно мешки с мукой там или металлический хлам, который морячки утопили в реке. Второе правило, никогда не груби клиенту! Это Ерnodск, тут каждый твой чих может быть воспринят как оскорбление всего ликменского народу. Для тебя же будет лучше, чтобы все посетители уходили довольными. А третье правило написано на вывеске над прилавком.

Артен посмотрел наверх. Под потолком действительно на двух цепочках висела доска с весьма доходчивым содержанием: «Не знаешь цену — спроси». А чуть ниже красовалось дополнительно послание: «а не пытайся утащить к себе, считая безделушку полезной, малышка Кноль». Это могло бы показаться весьма забавным, но по резкому почерку Артен понял, что проблема была явно раздражающей хозяина лавки.

— В твоём случае это касается любого действия, — продолжал Найв. — Не знаешь, куда поставить — спроси. Не знаешь, что ответить покупателю — спроси! Лучше показаться дураком, нежели портить дело всей моей жизни. От количества твоих проступков будет зависеть и твоё жалование. Много косячишь — мало получаешь. Всё понял?

Артен кивнул. Особо говорить он и не хотел, слишком уж непривычная для него обстановка. Ещё никогда ему не приходилось заниматься чем-то подобным. Быть обслугой, а не заказчиком. Он догадывался, что это работа трудная, но никогда долго об этом не думал.

Теперь же он думал об этом уже несколько часов и страшился того, сколько всего может скрываться от княжеских глаз в этой обыденной для большинства жизни. Но показывать свои переживания господину Уолесу он не собирался, а оттого лишь ещё больше молчал. И их обоих такой расклад устраивал.

Первое, чему учит тебя общение с ликменами, так это тому, что слова могут оказаться гораздо опаснее меча. Да, сами слова тебя не убьют, но за них можно отхватить очень и очень сильно. Например, неуместно брошенное тобой слово способно подтолкнуть кого-то другого к воровству твоего имущества. Или имя, произнесённое не в том контексте, может выжечь букву у тебя на боку. Артен хорошо это усвоил в первый же день пребывания в Ерnodске. Да, возможно, тогда он это и не осознал на логическом уровне, но на подкорке в его голове это точно осталось. Здесь надо быть хитрее и изворотливее, так что оставалось только наблюдать и подмечать детали.

Правда, в тот день Артену толком и не перепало времени, чтобы что-то заприметить. Когда господин Уолес говорил про разгрузку телег, он явно не шутил. Кто бы мог подумать, что у лавки мелочей может быть столь громадный товарооборот. За один только день к ним приехало несколько телег, которые надо было разгрузить, а содержимое проскладевать в один из подвалов. Артен взваливал тяжелейшие мешки себе на плечи и таскал их вниз по лестнице, а затем поднимался, чтобы получить новые. Уже к середине дня тело Артена отказывалось работать, но он продолжал выполнять поручения. А ведь иногда требовалось и загрузить пустые телеги другим товаром. И всё это время он ощущал на себе взгляды то из окна лавки, то со второго этажа, и всегда от кучеров, что ждали, как он выполнит свою работу. Времени же на то, чтобы хоть что-то понять, у него совершенно не было.

Господин Уолес всё это время провёл за прилавком, обслуживая посетителей. Он и на минуту не отлучился со своего места, чтобы проконтролировать Артена или отдать новое поручение. Вместо него этим занималась его десятилетняя дочь Майла, она только и делала, что бегала с поручениями отца и поглядывала за его работой, а потом всё подробно рассказывала папе. Ей явно нравилось это дело.

Единственный раз, когда у Артена за день было время передохнуть, это был перерыв на обед. Госпожа Уолес вынесла ему небольшой перекус с напитком и, не обронив ни слова, ушла обратно на второй этаж. Артен сел на ступеньки у чёрного входа в лавку и закрыл глаза.

— Ты неплохо справляешься, ряв! — раздался тихий голос Налли.

— Думаешь? Я лично чувствую себя выжатым.

— Неудивительно после стольких-то мешков, ряв. Зато ты явно пока нравишься господину Уолесу, — делая особый упор на лае, продолжала собака.

Артен устало вздохнул.

— Для такого труда нужна команда работников или маг, освоивший левитацию, — продолжал тяжело говорить Артен. — Я так долго не выдержу...

— И что, ряв, тогда? Вновь окажешься на улице и будешь обрастать грязью, ав?

— Может быть... А может, найду посла и покончу со всем этим безобразием. Я же князь, а не грузчик! — немного рассерженно произнёс Артен.

Тут Артен выдохнул и посмотрел на ворота, ведущие во двор лавки, через которые заезжали нагруженные телеги. Лавка Найва Уолеса была крупной для этого города, он будто бы устроил у себя перевалочную остановку для грузов. Или совместил торговлю для крупных заказчиков и простых горожан. И кто вообще знает, сколько эта лавка в Ерnodске существует. Открыл ли господин Уолес её, как только город перешёл во владение королевской династии ликменов? Или она была здесь и тридцать лет назад? Может, она ему досталась от отца или деда? Одно было точно: она была ему дорога. Но как немного грузный мужчина, которому на вид слегка за сорок, мог следить за лавкой, двором, вторым этажом и подвалом в одиночку?

Всё это было слишком большим для города, тем более для столицы. А уж для одного человека тем паче. Это не давало Артену покоя.

Артен взял свой обед и разделил его на две части. Одну он протянул Налли.

— Я не буду, — ответила дворняжка и даже отвернулась от угощения.

Князь положил половину на землю, а сам принялся за свою часть. Через минутку и Налли приступила к трапезе.

В чём Налли точно не ошиблась, так это в отношении господина Уолеса к Артену. Многие подмечали, что Найв очень быстро оценивал людей и практически всегда без огрехов. Это делало его в глазах большинства соседей нелюдимым, но он лишь не подпускал к себе тех, кому не мог доверять. Так вот, соседи в его жизненном мировоззрении были на одной из последних позиций в вопросах, кому стоит доверять. Чуть выше располагались практически все сотрудники любой компании, но вызвано это было спецификой самого Ерnodска. Оттого он никогда и не брал сотрудников на долгий срок.

Лет шесть-семь назад Найв пытался нанять к себе пару сотрудников, но ни один из них не продержался дольше недели. В то время господин Уолес пытался проводить больше времени с семьёй, отгораживая их от работ внутри лавки, чтобы вся жизнь не сводилась к работе. Вот только каждого из них он ловил на воровстве, и не всегда на выносе товара, иногда страдала и выручка за день. Потому Найв очень быстро охладел к этой идее.

В итоге лавкой ему помогали заведовать и любимая жена Аби, а позднее и старшая дочь Майла. Он брал на себя всю грубую физическую работу, а девчонок оставлял приглядывать за лавкой. И они хорошо справлялись, если только не сталкивались с ограблениями. Многие из тех детей, что застали образование страны в юном возрасте, пошли по кривой дорожке. Ещё тогда они безнаказанно бедокурили, но это было лишь детское хулиганство. Теперь они выросли, но часть не изменила привычек. Они искали лёгкой выгоды, а что может быть проще, чем отобрать деньги у матери и дочери. Стража пыталась бороться с такими прецедентами, а король ужесточал законы, но Найв чувствовал, что это не даёт полной безопасности для его семьи.

И хоть экономически его дела продолжали идти вверх, полгода назад всё стало слишком тяжело. У него родилась вторая дочка — Сейла, и ему пришлось пахать в два раза больше. От постоянного напряжения у него появились первые проплешины на голове, хотя до этого не было никаких предпосылок. И тогда он решил попытать удачу с работниками снова. Ему нужен был кто-то работающий, кто-то надёжный, даже при условии, что он будет иногда таскать товар. Но только товар и только иногда. Вот только такие не находились.

Артен был первым за долгое время, кто подарил ему надежду, хоть и небольшую. К тому же перед днём поставок выбирать не приходилось, кто-то должен был разгрузить весь этот груз. Если бы он не нанял работника, ему бы пришлось закрыть на день лавку, а этого он тоже делать не хотел. Пришлось рискнуть. Артен говорил, что работал юнгой, но его худощавое телосложение заставляло Найва сомневаться. Он не был уверен, что такой юноша может справиться со всей предстоящей тяжестью и не сломаться, но считал риск оправданным. Но было в глазах Артена что-то ещё, что серьёзно смущало господина Уолеса, вот только он никак не мог понять, что именно скрывалось в них. Это было что-то знакомое и немного пугающее, но совершенно неуловимое.

Тем временем, пока Артен осваивал первую в своей жизни работу, Налли изучала всё вокруг. Вчера она прошла наконец через столь ожидаемые ею водные процедуры и избавилась от всей накопившейся грязи. Теперь она могла спокойно разгуливать по двухэтажному дому

или даже по городским улицам, чувствуя себя благородных кровей. И пускай все её видели лишь рыжей дворняжкой, но в глубине души она была не так проста.

Дети господина Уолеса были первыми, кого она встретила в своей новой чистой жизни. И пусть их мать сперва была не очень рада такому соседству, но Налли вела себя очень мило с подросшей Майлой. А потом, когда госпожа Уолес позволила, то и с малюткой Сейлой. Даже когда малышка случайно дёргала её за уши или шёрстку, она сохраняла полное спокойствие. И даже ни разу не выругалась на человеческом, хотя желание было.

Очаровав детей своим собачьим обаянием, Налли двинулась вниз по лестнице. Она внимательно наблюдала, что и как делал в своей лавке Найв. Она следила за каждым его движением, за каждым сказанным словом. Ей было важно запомнить максимальное количество подробностей его работы. Она только-только обзавелась новым домом и не хотела его терять. Артен должен был сохранить эту работу, и она поможет ему по мере возможностей. Она будет тихонько подсказывать, давать советы и делать прочие мелочи, чтобы тот смог очаровать Найва. Одно дело, когда ты бегаешь по улицам города потому, что тебе это нравится, и другое, когда тебе это делать приходится.

Преимущество Налли по сравнению с людьми заключалось в том, что она могла не думать о логике своих действий. Её заботила их природа, ей нравилось чувствовать себя лучше других представителей её вида, и ей нравилось думать о людях, но она никогда не пыталась проанализировать собственные поступки. Она их делала потому, что делала. И больше ничего. Поэтому ей было безразлично, сколько из тех собак, что оказались на улице, хотели вернуться под хоть какую-то крышу. Налли была вольной, и она делала их вольными, а то, что они при этом лишались дома, пока она добывала себе новый, это уже незначительно. «Будь они чуточку разумны, они бы могли делать то же самое», — говорила себе Налли.

И всё же весь день пролежать на одном месте она не смогла. На обед она сходила к Артену, а потом лениво поплелась на улицу. Это был не самый лучший день для прогулки. Ночью ливень залил город так сильно, что часть луж даже перепрыгнуть не могла. Но ведь на то она и собака, чтобы блуждать по миру, не задумываясь о всякой грязи. Если что, отмыться всегда успеет. И с этими мыслями Налли побежала по городу.

Вечером в свою кровать Артен вернулся изнеможённым и разбитым. Всё его тело ныло и болело. Единственное, на что ему хватило сил, это ополоснуться в дворовой бочке, чтобы смыть пот и осеннюю грязь. Даже ужинать в тот день Артен не стал. Он просто лёг на свою кровать и отключился. В его голове не было ни мыслей, ни идей. Сон пеленал его сознание. И уже через пять минут его не добудился бы и горнист, исполняющий арию на расстроенном инструменте.

Господин Уолес следил за ним украдкой. Да, этот парень был способен работать. Возможно, он не был идеальным работником. Ему явно не хватало сил и знаний о ведении своего дела, но эти вещи были наживными. И если он не сбежит на следующий день, они могут поладить. Правда, в его глазах по-прежнему блестело что-то необъяснимое. Найв задумался. Ответ был на поверхности, но ему слишком мало было известно.

Аби тоже понравился этот юноша. Он был усерден, а значит, небезнадёжен. Она говорила о нём только хорошее и явно жалела его. Его жена, как и всегда, рассуждала, исходя из собственных чувств, которые были абсолютно верными по её разумению. И хоть для Найва это было удивительно, они почти всегда были правы. Аби хотела видеть во всех хорошее, но знала, что мир слишком чёрное место, и потому полностью доверяла собственным чувствам, а не мечтам и порождённым ими выдумкам.

— Откуда он? — наконец, укладываясь в кровать, спросила госпожа Уолес.

Найву было нечего ответить. В этом и была загвоздка. Он не верил словам, люди врут постоянно ради собственной выгоды. Они способны придумать что угодно, чтобы кто-то вроде

него взял их на работу. Нет, Артен точно соврал о морском прошлом, как, вернее всего, и обо всех остальных деталях, которые господин Уолес спокойно проигнорировал. Вопрос был лишь в том, что на самом деле толкнуло подобного юношу к столь неприглядной жизни?

Налли тем вечером не вернулась в лавку. Она знала, что теперь у неё есть крыша, а потому она не волновалась о будущем. По крайней мере, до того дня, пока Артена не переведут на работу внутри лавки. Да, такое могло бы случиться и завтра, но к тому времени она должна будет вернуться. Сейчас же у неё были дела интереснее.

Она никогда не знала, почему ей доставались именно эти люди. Она просто появлялась и брала их в оборот. Они были странные, будто не от мира сего, но всегда должны были дойти до нужной точки. И у неё это всегда получалось. Почему хозяин просил заниматься ими конкретно её, она тоже не знала. Но ведь это хозяин! Значит, так надо. Однако, возможно, поэтому ей и была противна идея хозяев. Они всегда всё решали за тебя, а тебе остаётся только следовать за ними. Хозяин всегда прав.

Артен не был лучше тех, с кем ей приходилось работать, он был другим, и теперь она это ясно понимала. У неё было время тщательно обнюхать те тряпки, что носил бродяга, пока он их не начал отмывать от месячной грязи. Они пропахли городом, но это был лишь верхний слой. Под ним скрывалось море, другие люди и другой город, и все эти запахи несла одежда в себе, но они так легко ускользали, будто были призрачны. Но один самый глубокий запах был словно вшит в эту оборванную одежду. Дым, гарь, огонь... Все тряпки Артена излучали этот аромат, и Налли не могла от этого отмахнуться. Конечно, он был хаосником, огонь — его суть, но за этим было что-то куда серьезнее. Налли это понимала, но не знала, что с этим делать.

Как часто повторял Хозяин, не ведая причин, никогда не решишь последствий. А Налли их надо было разгребать. И тогда она решила воспользоваться единственным знанием про Артена, которое у неё было. Он явно не угодил шепчущему мужчине. И она взяла след.

Очень скоро она прошлась по всем местам, где он бывал последние два дня. Она вышла на набережную к дому, где потеряла его в прошлый раз. Она нашла и довольно скромный каменный домик на Лошадином Холме, там он бывал особенно часто. Всё здание пропахло им. И забрела она в мрачный переулок, где всё пахло какими-то ядовитыми смесями. Это было очень гнилое место. Даже собаки, что попадались ей на пути, отговаривали её и предлагали развернуться назад, но она прошла и туда.

Шепчущий стоял там у крыльца одного дома и тихо беседовал. Он был аккуратен, как и его собеседник. Налли не смогла расслышать ничего из того, о чём они говорили, но внешность второго она запомнила чётко. Сложно забыть мужчину с короткими серебряными волосами и волчьими злыми глазами, особенно когда от него пахнет смертью.

Утром Артена снова разбудили собаки. Его тело всё так же болело, но он знал, что лежать в кровати просто так он не может. Он глубоко вздохнул, опустил руку вниз и погладил Налли. Это был новый день. День, когда бояться ему уже было нечего.

Глава 9

Следующие дни Артен проводил исключительно погружённым в работу. Вплоть до первых снегопадов он трудился, не покладая рук. Обычно работы было меньше, чем в первый день, но иногда так хотелось, чтобы приехала новая, до краёв загруженная телега. Физически внутри лавки работа была легче, и при точных подсказках Налли ему удавалось с ней справиться без особых проблем, но морально совладать с собой юному князю было тяжело. Он не знал, везде ли такие проблемы с покупателями, но в Ерnodске местные его очень сильно бесили. Их вечно тянуло задавать лишние вопросы, они любили торговаться, а если ты с ними в чём-то соглашался, они пытались добиться всех возможных привилегий. А если им ещё в этот день и заняться было нечем, можно было ждать беды. Они издевались над парнем, приходя с одними и теми же вопросами, меняя обличья настолько, насколько позволяла их память. Так один старик заявлялся к Артену с вопросами про серебряную статуэтку в образе человека, гнома, орка и даже вампира. В такие дни Артен особенно хотел разгружать телеги.

Удивительно для Артена было и то, что ни одна штучка ликменов никогда не срабатывала на Найве. Не сказать, что посетители совсем не пытались, но большинство, видимо, знало господина Уолеса достаточно долго, чтобы прекрасно знать его реакции. Он не позволял своим работникам грубить гостям, но сам мог всем видом показывать, насколько он рад их поведению. Его холодность и спокойствие губили веселье посетителей на корню. Возможно, это был наживной навык, который бы у Артена ещё получится освоить, либо же в этом господину Уолесу помогало природное происхождение. Артен не знал точно, являлся ли его работодатель человеком. Найв с лёгкостью мог оказаться и ликменом, только очень необщительным. Юный князь никогда не заставлял господина Уолеса за трансформацией, но, с другой стороны, он бы и в жизни не угадал, если бы тот подошёл к нему в образе лесного эльфа. Оставалось только гадать.

Пользоваться правилом «не знаешь — спроси» Артен не любил. Всегда сложно продемонстрировать собственное незнание, отчего помощь Налли была неоценима. И именно она, когда у неё не было желания посмотреть, как князь страдает, помогала выявить одних и тех же посетителей. Облик сменить можно, запах — нет. Так, сторонясь задавать прямые вопросы, Артен предпочёл держаться от хозяина на отдалении. Между ними сохранялась стена, которую ни один из них не спешил разрушить. Господина Уолеса устраивала работоспособность Артена, тот не крал, вёл себя прилично, и у Найва появилось больше времени на семью и себя. Вот только первые смутные предчувствия никуда уходить не хотели. Господин Уолес знал, что с Артемом что-то не так, но никак не мог найти подтверждения своим мыслям. И это лишь укрепляло стену между ними.

Налли тем временем стала отличным другом семьи Уолесов. Ей доставляло особое удовольствие играть с детьми, ласкаться с ними и кувыркаться, не причиняя никакого вреда. И госпожа Аби Уолес была рада такому соседству. Она решила, что такой милой собачке не пристало питаться чем попало, и начала при каждом приёме пищи выделять порцию и на милую рыжую дворняжку. Это несильно повлияло на повадки Налли бегать по всему городу в поисках стоящего куска мяса, но она это ценила и не пропускала ни одной трапезы в доме семьи Уолесов.

Временами в свой выходной или вечером после закрытия лавки Артен и Налли вместе гуляли по городу. Налли всегда выбирала маршрут, по которому они шли. Иногда Артен хотел свернуть с намеченного ею курса, но тогда она убегала напропалую вперёд, и князю приходилось её нагонять. Иногда людям требуется, чтобы кто-то принимал за них даже самые малые решения, потому что в них самих энергии уже не осталось.

Во время одной из таких прогулок Налли завела Артена в тот парк, где они познакомились. Для неё в этом месте не было чего-то особенного, так как она обратила на него впервые внимание ещё под мостом, где бедняки тыкали в него палками, но для Артена всё было иначе. Он ещё не отошёл слишком далеко от того времени, когда жил на улице и не мог полноценно осознать, что это был за месяц, но на раздумья такие места всегда влияли.

— Я надеялся, что ты пришла загрызть меня в ту ночь, — тихо произнёс Артен

— Странно, ряв, мне казалось, ты считал меня своим подсознанием, — не поднимая глаз на него, отвечала Налли.

— Да, но это немного разные моменты... Я так думал перед сном, когда тебя заметил. Мне думалось, что это какой-нибудь бог решил прекратить мои страдания и послал тебя как избавителя...

Артен присел на лавку и посмотрел в тёмную небесную даль.

— Гав, — обиженно раздалось из-под скамьи. — Вообще-то после этого у тебя появились дом, работа и еда! Можно сказать, я и стала твоим избавителем!

— Да, но я про другое... А впрочем, ладно, ты не поймёшь.

Налли действительно не могла понять разницу. Для неё она сделала всё возможное, чтобы Артен перестал катиться в пучину, где выжить он бы точно не смог. И она не понимала, чего он ждёт ещё, ведь убивать человека никак не входило в её планы. Возможно, её послал к нему и не бог, но ведь то, что следовало из её действий, было хорошо. Может быть, и хорошо, что не боги послали её.

Артен же не задумывался о том, как чувствует себя Налли. Он был ей благодарен, но оценить до конца её поступка он ещё не мог. Слишком живы были чувства последних месяцев. Для него смерть всё ещё оставалась вероятным выходом, на который он не мог решиться. И он знал, что говорить об этом было неправильно, но хоть одна душа должна была знать о его чувствах. А рядом была только Налли...

Артен опустил руку под лавку и почесал верную собаку за ухом.

— Я не хотел тебя обидеть.

Собака только рявкнула в ответ. И тогда Артен встал и двинулся дальше в ночную тишь, а Налли побежала за ним.

— Слушай, всё хотел спросить, зачем ты в речь добавляешь лай? Ты же спокойно обходишься без него.

— Людям так привычнее.

Во всех странах мира были свои представления о ликменах, но большинство из них сводилось к тому, что выходцы из этого народа готовы и родную мать продать, если предложить им достойную сумму. Люди не любили их из-за их хитрого нрава, но признавали в них хороших воинов. Драконов беспокоило то, что «превращенцы», если научатся грамотному управлению при полёте, смогут сражаться с ними на равных. А линнские эльфы с севера просто в душе называли их мерзостью, с которой лучше не вести никаких дел.

Возможно, именно это презрение заставило ликменов жить запертыми в своих общинах. Им просто было комфортнее в среде таких же ликменов, с которыми у них был общий опыт предков. По крайней мере, так было, пока общины насчитывали всего несколько семей. Когда же им дали возможность основать собственное государство, они быстро поняли, что находиться среди множества таких же хитрецов не очень удобно. В результате, как заметил Артен, даже здесь, в главном городе для ликменов, они стали формировать свои микросообщества. И они никогда не были основаны на дружеских или коммерческих связях, только общая память о некоем событии.

Артен пытался изучить этот вопрос в библиотеке, но там все книги указывали лишь на события прошлого. Эти общности мистифицировались, даже если на них присутствовал сто-

ронный зритель. Так, в семнадцатом столетии ликмены Магградского уезда допустили к себе писаря из числа кудесников. И они просто готовили и ели еду по рецептам, что передавались из поколения в поколение, обсуждали события недели да вспоминали своих предков. Что же потом вышло из-под руки писаря? Он назвал всё это культом некоего древнего духа и обвинил общину в том, что они призывали дьявольских существ в мир. Конечно, такие перегибы случались на протяжении всей истории, но и снимать все подозрения с ликменов Артен не спешил. Нет дыма без огня, а превращенцы уж точно могли составить организацию, что пустила бы корни во все общественные структуры. И всё же большинство из них невинны, а потому и общества их образуются по иным причинам.

Не найдя ответов в библиотеке, удовлетворяющих его любопытству, князь принялся искать их самостоятельно. Он вместе с Налли высматривал и изучал повадки посетителей и людей на улице. Он пытался найти закономерность, что именно формирует общность ликменов. Где та грань, что разделяет окружающих на друзей и своих? И почему она вообще существует? И можно ли перейти из одной общности в другую?

В целом информация о любой общности не была секретной. Об этом нигде не кричали, не зазывали, но все всё и так прекрасно знали. И такая доступность была самой сложной преградой для любопытства. Вроде не тайна, а спрашивать неудобно.

Как-то раз Артен так сильно задумался над вопросами общности ликменов, что чуть не пропустил ограбление лавки. В тот день он расставлял товары по полкам и потому даже не обратил внимания на только что вошедших покупателей. Как оказалось, через пару минут ничего покупать они не планировали. Они подняли шум, стали кричать и пытаться запугивать. Маленькая Майла завопила, и вот её детский плач вывел Артена из оцепенения.

Артен выглянул из-за стеллажа и увидел трёх существ. Среди них были гном, орк и человек, и у всех троих лицо было перекрашено белой краской. В них угадывалось что-то смутно знакомое, но у Артена не было времени на очередную задачку для своего разума. Ясно было одно — это ликмены, и они вооружены. Гном направлял меч в сторону Майлы, а человек кричал на Найва, чтобы тот пошевеливался и быстрее собирал деньги. Орк возвышался над ними и следил, чтобы господин Уолес не выкинул ничего.

— Эй, а ну иди сюда! — крикнул орк, заметивший Артена. — Иди, помогай своему хозяину.

После этих слов на Артена уже обратили взор все, кто находился в лавке. Что было дальше, князь смог бы вспомнить лишь с трудом. Всё завертелось очень быстро. Гном узнал Артена и задрожал. Двое других радовались новому заложнику, но это чувство продлилось у них недолго. Артен, подчиняясь внутренним инстинктам, прервал своё движение к кассе, пригнулся и тонкой струёй огня обжёг руку гнома. Тот закричал и выронил меч. Пока два других вора стояли ошеломлённые, Найв достал из-под прилавка небольшую битую и ударил ею по голове орка. Артен бросился оттягивать раненого гнома от Майлы, прикрикивая ей бежать. Не так важно, во двор или наверх, лишь бы она не была здесь. Третий вор с клинком кинулся на Артена сзади, но князь уклонился и ударил противника молнией, из-за чего тот начал биться в конвульсиях, лёжа на полу. Тогда разгорячённый Артен склонился над упавшим противником, схватил его за волосы и начал бить ею об половицы. Видя, что его противник теряет сознание, он, повинаясь захватившим его эмоциям, зажёл в своей руке пламя, и тут ему в голову прилетел удар биты.

Трио воров, побитые и напуганные, покинули лавку врассыпную. Кого-то из них очень скоро поймала стража у перевязочного центра, а кто-то сбежал туда, где скрывался от закона и прежде. Артену повезло меньше, ему предстояло вернуться к работе с ушибленной головой. Остаток рабочего дня они провели в тишине.

Артен не мог понять, за что именно ему досталось от Найва. Он спас Майлу, помог отстоять лавку, но господин Уолес явно был недоволен. А ведь он и сам наступал по голове одному

из воров, и ему их деятельность точно нравилась меньше, чем-то, чем занимался Артен. И всё же вместо благодарности он получил удар битой и приказ продолжить работу. Что творилось в голове у его хозяина, Артену никак не удавалось постичь. Зато Налли очень высоко оценила княжескую подготовку Нонмортвов. Была, по её мнению, какая-то грация в том, чтобы совмещать приёмы благородных боевых искусств с грубыми уличными ударами.

И всё же Артен не находил себе места. Он словно вернулся в школу, где им недовольны не за то, что он сделал, а за то, как он это сделал, но объяснять никто ничего не хочет. Артен недолюбливал школу и потому это было ещё более отвратительным состоянием. У него даже было желание уволиться и уйти на все четыре стороны, но к вечеру удалось всё переиграть.

В конце смены, закрывая лавку, господин Уолес подошёл к Артену со спины и похлопал того по плечу.

— Пойдём, после такого дня необходимо освежиться, — серьёзно, но с неким подобием улыбки обратился к нему Найв.

Через каких-то десять минут господин Уолес и Артен сидели в таверне «Четыре хруста» на соседней улице и заказывали себе ужин. Найв вызвался оплатить угощения и попросил поставить им на стол две пинты пенного. Князь попытался возразить и отказаться от своего напитка, предчувствуя что-то нехорошее, но господин Уолес настаивал.

Позволив Артену сделать первый глоток и немного успокоиться, Найв начал разговор.

— Так, значит, ты кудесник. Хаосник. Волхв, пиромант, поджигатель... — принялся перечислять он все ранги, что, согласно его памяти, были связаны с молниями и огнём.

— Я лич, если быть точным, именно таков мой признанный статус по окончании школы, — немного смущённо ответил Артен. — Только не подумайте ничего такого, основной моей специализацией были зелья и боевые заклинания, но в ранговых характеристиках это меня оставляет именно в данном статусе.

— А мне казалось, ты матрос, — продолжал с непроницаемым лицом господин Уолес.

— Так одно другому не мешает, — совершенно серьёзно ответил молодой князь. — Вы сами говорили, что вас не интересует моя история.

Найв сделал ещё несколько крупных глотков пива и заел его горечь румяно поджаренной картошкой, что им только поставили на стол.

— Не интересует. В этом городе сейчас вообще никого не интересует твоя история, кроме тебя самого, и тебе стоит это усвоить. Если же кому-то вдруг она становится интересна, значит, либо тебя пытаются надуть, либо ты перешёл дорогу Его Величеству. Третьего не дано, — грубо ответил господин Уолес. — И всё же такие, как вы, редко выбирают подобный путь обычных смертных, и это мне в тебе очень не нравится.

Найв прервался, чтобы сделать ещё пару глотков. Артен последовал его примеру. Между ними чувствовалась дистанция, и потому не следовало усугублять. Князю уже пришлось сегодня видеть господина Уолеса в бою. Его движения были быстры и отточены. Он великолепно управлялся с битой, и глупо было бы предполагать, что с вилкой у него выйдет хуже. Тем более ни один мускул не дрогнул у него на лице на протяжении всего боя.

— Нам стоит пересмотреть наш договор о твоей работе, — тихо продолжил господин Уолес. — Ты не должен использовать никакой магии в лавке. Никакого огня, даже в случае чрезвычайной опасности! Огонь больше тебе не друг, уж точно не на работе.

— Но...

— Никаких «но». Ты чуть его не убил. Этого повториться не должно, — резко ответил господин Уолес. — Абсолютно всё можно решить иначе, грубо, но без смертей. Оборона обороне рознь. И закончим на этом.

Артен больше не пытался возражать, да ему нечего было ответить. Он не был уверен, что убил бы вора, но не сомневался, что мог бы это сделать. И он знал, что в тот момент он плохо понимал, что именно он делает. Это были его руки, его тело и его заклинания. Он делал

всё осознанно, но не задумываясь. Всё было настолько инстинктивно, что он и сам не знал своих целей.

— И всё же я благодарен тебе, — смягчившись, произнёс Найв. — Спасибо, что защитил мою дочь.

Артен не знал, что можно на такое ответить, и потому лишь кивнул, слегка улыбнувшись.

Дальнейшую часть ужина они потратили на то, чтобы обсудить рядовые темы: немного работы, немного погоды — всё, как у всех. Лишь расплатившись с заведением и покинув таверну, слегка захмелев, их разговор перестал быть шаблонным.

— О чём ты так много думаешь, Артен? — спросил Найв. — Ты постоянно и очень пристально разглядываешь людей, не уж то они отличаются от тех, к кому ты привык?

— Я видел ликменов, если вы об этом, — ответил молодой князь, — но я не могу их понять. Они другие. И их здесь так много, что игнорировать отличия у меня не выходит. Вот, например, общины? Почему их так много? Зачем они?

Ночная прохлада ударила им в голову в тот самый миг, когда они вышли за порог таверны. Так всегда бывает, когда из душного, пропитанного алкогольным духом помещения оказываешься вдруг на улице. И это дарует восхитительный миг спокойствия даже самой смелой душе. Найв глубоко вздохнул и расслабился.

— О, это всего лишь способ понять, кто ты есть в этом безумном мире, — без особых раздумий начал отвечать господин Уолес. — Мы привыкли, что нас определяют наши дела и воспитание. Ну, то есть выбранная работа и родительское воспитание. Поэтому для нас, как для людей, важны семья и коллектив. С течением времени они могут меняться, но наше «я» от этого непоколебимо! Мы строим мир зачастую вокруг своей персоны, не задумываясь о прошлом. Для ликменов же важной частью определения себя являются драматичные события из прошлого. Это глобальные трагедии народа, личностные травмы. Они живут с ними, культивируют и делают фундаментом собственной жизни. Конечно, бывают исключения, выросшие в иной культуре, но таких единицы, и даже их постараются затянуть в этот омут.

Пока Найв пытался донести свою мысль, его язык несколько раз заплетался. Он не то чтобы путался в собственной речи, сколько терялся в смысле, который пытался донести. Всё же в «Четыре хруста» подавали лучшее пиво, по мнению Найва, оно очень легко снимало груз всяческих переживаний, особенно если ты этого хочешь.

— Но зачем им сейчас, когда они живут тут все вместе одной страной, нужно продолжать такое деление...

Чем дольше Артен говорил, тем быстрее он всё понимал. Иногда, чтобы всё встало на свои места, нужно это всего-навсего кому-нибудь сказать. Господин Уолес улыбнулся и постукал пальцем себе по носу.

— Ты и сам всё понял. Никто не хочет быть частью огромной массы. Одно дело, когда вас всего ничего и вас объединяет общая история. Тогда можно строить свою личность, исключительно основываясь на общей памяти. Но тут у всех одна память. И уже их особенности, что выделяли их в других городах, становятся общей серостью. Большая часть ликменов не просила их селить в местах, где они толком и не жили, но это случилось, и Его Величество очень старается завлечь сюда весь свой народ. Теперь они пытаются выделить новые травмы прошлого для построения новых ориентиров. Кто знает, к чему их всё это приведёт.

Найв не жалел ликменов, о которых рассказывал. Для него это была данность, только и всего. Закончив говорить, он плюнул на мостовую и двинулся дальше.

Вскоре за несколько домов от лавки к ним прибилась рыжая собака и гордо зашагала следом. Она вела себя так, словно давно была с ними и знает всё, что они говорили, то есть толком и не реагировала на тех, кто давал ей кров. Она не лаяла радостно, не прыгала от счастья, просто шла рядом.

— У тебя очень хорошая собака. Не забывай о ней никогда, — сказал господин Уолес, открывая дверь родного дома.

Такая вечерняя беседа стала для Артена настоящим облегчением. Хоть он и не хотел пить, но расслабиться ему удалось. Ему даже стало казаться, что они с господином Уолесом сблизились и теперь всё пойдёт иначе. Он был очень воодушевлён и готов встречать новый день и потому заснул, как только лёг в кровать.

Что же до самого господина Уолеса, то он старался выглядеть для Артена приветливым и улыбочным. В душе же он знал, что наконец ему удалось найти подтверждение своим подозрениям. Он не имел ничего против кудесников, ликмены нравились ему гораздо меньше, но в Артене крылось безумие, которое ему приходилось уже видеть двадцать лет назад. Это огонь, что горит в его душе и толкает вперёд. Такие люди либо воодушевляют массы на подвиги, либо срываются и сжигают всё, что окружает их. И грань между двумя состояниями слишком тонкая. Любая пылинка способна навредить равновесию. Особенно если такой человек уже преступал через грань.

Глава 10

Он двигался по мрачному коридору, освещённому тусклым фиолетовым огнём. Он плыл от стены к стене, с трудом продвигаясь вперёд. Каждый шаг отдавался болью. Вдруг впереди раздался детский вопль. Это был крик ужаса и боли. Он постарался ускориться, но стены и пол начали его затягивать. Это уже был не коридор, а сиреневые топи, утягивающие его куда-то далеко.

И всё же он преодолел коридор. Он не знал как, но он стоял в просторном театральном зале. Он знал, что крик шёл отсюда. Вон стоит мальчик, и вот теперь его нет. Теперь на его месте рыжая обезьяна, которую некая фигура в плаще начинает избивать. Он пытается пробиться к ним, чтобы остановить фигуру, но толпа людей его не замечает.

Он опоздал. На месте он находит лишь бездыханное опалённое огнём тело маленького Вайрона. Он не может сдержать своих слёз. Он обхватывает его тело и рыдает. Больше сил у него нет.

Неожиданно раздаётся женский крик. Он знает, кому крик принадлежит, и что он там найдёт. И всё же, оставляя тело мальчика позади, он двигается дальше.

И вот он стоит уже в красной комнате. Стены вокруг черны и бесформенны, но он знает, что это именно красная комната. Та же фигура обливает чем-то зелёным женщину в середине комнаты, и та возгорается. Он пытается вмешаться, но не может сделать и шагу. Ему приходится только смотреть, как сгорает она, та, кто подарила ему жизнь. Он опять бессилен.

Он знает, что не выдержит, если остановится, и он пробегает мимо пылающего тела вслед за фигурой. Но он опять опоздал.

На крыше бьются две мужские фигуры, но одной суждено проиграть. И как только клинок пронзает тело, мужчина в чёрном безмолвно катится вниз, полыхая, словно летний закат. И сделать он уже ничего не может, князь Сект мёртв.

Он знает, что остался только один, один-единственный не пострадавший человек. Он бежит на крутую каменную лестницу и видит её живой. Она мило улыбается, как и всегда. Он подбегает к ней и обнимает, замуривая глаза. Хотя бы она всё ещё рядом... Он смотрит на неё вновь, но теперь это лишь горящий скелет в белом платье, пытающийся закружить его в ужасающем танце.

А вокруг все смеются и аплодируют им, будто это спектакль, отлично разыгранный по ролям. И лишь фигура в плаще возвышается над людьми и безмолвствует. Она добила своего, но лишь на время. Он знает, что стоит только перестать танцевать, как весь этот дом запылает в страшном пожаре.

Артен в ужасе проснулся на кровати в своей комнате. Его дыхание сбилось, а по щеке катилась слеза, которую он никому не должен был показать. Он опустил руку и нащупал мягкую шёрстку Налли. «Это был лишь сон», — говорил он себе, но чувство бесконечной тревоги никуда не девалось.

Юный князь встал и медленно подошёл к небольшому оконцу и посмотрел на улицу. Город ещё спал и потому безмолвствовал. И было в его тишине что-то такое, что заставляло сердце Артена биться тише. Ночной вид всегда успокаивает.

Прошло уже две недели с того момента, как он помог Найву отбить лавку от незатейливых воришек. И вроде бы с тех пор всё наладилось, он мог наконец спокойно жить в Ерnodске. Да, он путался в образах ликменов, и потому кучера, привозившие товары в лавку, нередко подшучивали над ним, но он уже не воспринимал их подколки серьёзно. Впервые за полгода ему было спокойно. Он вставал, работал, уставал. Он жил обычной жизнью, и ему было хорошо. Он перестал вспоминать о прошедших ужасах, о них было некогда думать. И вот теперь они

сами нагнали его, и бежать от них не получится. Артен мог бы усерднее уйти в работу, стараясь забыться, но только не сегодня. Сегодня выходной, и лавка будет закрыта. Да и получилось ли уgomонить эти мысли так просто, или они пробились бы через выстраиваемый им барьер? Нет, это были страхи, и Артен это знал, а они так легко не отступают.

Артен уже чувствовал этот ужас полгода назад, когда Айха сгорела, а он ничего не смог сделать. Это разрушило его представления о будущем. Всё рухнуло сразу и быстро. Он не знал, что его ждёт. Только страх, что это может повториться, что это может навредить ещё кому-то, так же, как навредило Айхе, и понимание, что зло уходит безнаказанным. Артен убегал от этих мыслей в алкоголь, но тот был лишь временным успокоением, подсказавшим настоящий путь. Именно тогда, пропивая остатки надежд, он полноценно ощутил необходимость расплаты. Только так он мог успокоить собственную душу.

Сегодняшний сон пробудил все эти чувства вновь, будто подбросив новое сухое поленьё в затухающий костёр. И мрачный голос в голове Артена произнёс: «Не думал же ты, что отпустишь меня так быстро».

Артен ещё раз посмотрел на спящую Налли. Собачка лежала на боку и слегка подёргивала во сне лапой. Сейчас она была такой же спокойной, как весь город, хотя в другое время была бодрой, весёлой и активной. И ей были недоступны все те переживания, что мучили его. Артен даже ей немного завидовал и потому решил не впутывать её в свои дела. Она и так слишком много для него сделала.

Очень тихо Артен переоделся в свою рваную и изношенную одежду и вышел из своей комнаты.

Тем утром Ерnodск впервые за двадцать с лишним лет запылал. Город нередко подвергался штормовым атакам, но пожары стали для него редкостью. И всё же утром запылал трактир «У Лайлы». Спросонья горожане тушили его всем, что попадало под руку. Кто-то выливал воду из тазов вместе с замоченной в них одеждой. Кто-то пытался погасить пламя накопившимся во дворе мусором. А кто-то смирно ждал прибытия пожарной бригады и наблюдал за тем, как полыхает трактир. Обычно последние затем и кричат всяким писарям, что именно они трудились и волновались больше всех.

Когда же огонь удалось потушить, пожарные выявили, что пострадавших среди постояльцев не выявлено, все были спасены. На вопрос, куда же смотрели в момент начала возгорания хозяева заведения, никто дать ответ не смог. Сеин пропал. И даже его жена не могла понять, куда испарился её муж.

Если бы кто-нибудь однажды спросил Сеина, как не должен начинаться день, он бы точно описал сегодняшнее утро. После очередной бессонной ночи он хотел простого отдыха со стаканом виски в руках и пересчётом заработанных средств. Деньги, их звон, их блеск всегда доставляли ему удовольствие, а вот стук в дверь, отвлекающий от приятного занятия, выводил его из себя.

В первый раз он стук проигнорировал. Он закрыл кухню, закрыл входную дверь, объявлял постояльцам, что со всеми вопросами можно обращаться не раньше девяти утра. Сейчас же за окном было темно, и это было его время. Поэтому он послал в уме просившегося гостя и продолжил заниматься своими делами.

Стук повторился. Сеин уже вслух выругался, но к двери так и не подошёл. «В конце концов, люди всегда сдаются, — рассуждал про себя трактирщик. — Им откажешь раз. Откажешь два. И в итоге они пойдут мучить кого-то другого. Главное — продержаться нужное время».

Сеин сделал ещё пару глотков виски и, чтобы его больше ничего не отвлекало от пересчёта, обмотал себе уши платком и сел за прежнее занятие. Так он и пропустил момент возгорания его собственного трактира, начиная с двери, которую он так не хотел открывать. А

вот чего он упустить не смог, так это мужскую фигуру, схватившую его за шею обжигающе горячей рукой и прижимающую его лицо к полу.

— На твоём месте я был бы всегда на стороже, Сеин. Никогда не знаешь, когда твои прошлые поступки нагонят тебя, — произнёс Поджигатель.

Проснувшись утром в пустой комнате, Налли удивилась. Она, как любая собака, привыкла вставать раньше людей. У неё вообще порядок сна и бодрствования отличался от человеческого, и потому она привыкла просыпаться и видеть дремлющего Артена. Сейчас же не то что его не было в кровати, судя по запаху, он просто отсутствовал во всей лавке. А ещё в воздухе витал непонятный аромат гари.

Налли точно помнила, что сегодня Артен планировал поиграть с Майлой, сводить её куда-нибудь, купить ей мороженого. Она не знала, почему ему доставляло удовольствие заниматься этой девочкой. Та не чесала его за ухом, как её, не пыталась накормить, но ему это было не надо. Это были странные повадки людей, которые были недоступны собачьим чувствам. Майла — не хозяйка, не семья, не возлюбленная, и зачем тогда ему уделять ей время? Они даже едва знакомы, но Артену всё равно было приятно общаться с маленькой девочкой, и Налли это вполне устраивало. А вот теперь его нет на месте, хотя променивать этот день на что-то другое он не стал бы.

Она встала на свои четыре лапы и прошлась по комнате. Она могла с лёгкостью восстановить порядок его действий, как и тот факт, что он ушёл несколько часов назад, но этот запах горящего дерева очень сильно её отвлекал. Было в его сути что-то такое, что не давало Налли покоя. Она бегала по комнате и что-то искала в течение нескольких минут, пока её взгляд не упал на открытый сундук.

Это был непримечательный сундук, что был в комнате на момент въезда Артена, там он хранил свою одежду... И она вся была там. Все те новые тряпки, что он купил в первые дни работы у господина Уолеса, лежали в сундуке. А вот того жуткого рваного образа нигде не было.

Налли незаметно для себя самой легла рядом с сундуком и заскулила.

Сеин выдал всё, чего хотел знать поджигатель. Под страхом собственной смерти трактирщик сдал всю операцию Большого Хотса. Он не стал отпираться от того, что ему разрешили забрать половину от имущества, что князь Нонморт оставил в его номере. Он даже предлагал вернуть всё до копейки. Он рассказал, что Ксалас и прочие, работающие в порту ликмены, являются связными, подручными Хотса. Низшее звено в раскинутой им сети. Они часто не наносили никакого вреда, кроме краж на въезде в город. Обычно они помогали завлечь новоприбывших в нужный отель и связать их с должными людьми, за что получали свой навар. Вот только иногда от них требовалось нечто большее, например, завлечь человека в ловушку. Никто не знает, как Хотса определяет, кого ловить надо, а кого нет. Что сделали все эти люди ему? Вот только такие долго не жили. Обычно Большой Хотса сам убивал таких или перекидывал это дело на отморозков из переулка Хафера. Вот только с Артемом всё вышло как-то не так. Он выжил, и Сеин не знал причины. Ему платили лишь за ширму для тёмных дел.

К сожалению для Сеина, его раскаяние не защитило его. Через пару дней его обугленное тело нашли под мостом уже после того, как собаки потрудились над ним. Зато поджигателя такой расклад более чем устроил. Это было лишь первым шагом в его обновлённом деле.

Ксалас очень спешил на заброшенный морской склад. Он только-только видел, как полыхал трактир «У Лайлы», это было завораживающее действо. Люди носились туда-сюда в панике, не замечая ничего. Лучшее время для незаметных воришек. Они могли бы ограбить множество людей, что столпились вокруг. Или даже проникнуть в дома по соседству, пока

хозяева бьются с огненной стихией, чтобы и их дома не погорели. Он бы не стал рассказывать, сколько он уже набрал, только посулил бы большой навар остальным членам банды, а после умчался обратно. Да, это был точно хороший план.

Он перебирал своими короткими ногами, как только мог. Он петлял между людей и телег и вскоре уже был в порту. Шансы на хорошую добычу снижались с каждой минутой, и потому он старался изо всех сил. И вот он был уже внутри.

Как только он открыл двери в логово собственной банды, он почувствовал запах дыма. Его не было ещё пока так много, чтобы он начал щипать глаза, но игнорировать его запах было уже невозможно. Ксалас захотел убежать прочь, но куда? Это его дом. Привести сюда кого-то значило сдать банду. Уйти — лишиться всего. А вдруг это лишь случайность Глата? Или неосторожность Племака? Нельзя было исключать, что иногда предчувствия играют с разумом злые шутки и слепо верить им нельзя.

— Глат? Ты здесь? Как-то дымно тут у вас! — крикнул Ксалас и сделал несколько шагов вперёд.

Вдруг впереди послышался звук падающего тела. Кто-то крикнул. У Ксаласа всё замерло внутри. Это был Племак, старший в их банде. Каждому из них он был как старший брат. И он с кем-то дрался. Желание Ксаласа удрать усиливалось с каждой секундой, но он сделал ещё несколько шагов вперёд. И вот он уже видел, как Племак в своём любимом воплощении огромного орка сражался с худой фигурой, укрытой с ног до головы в чёрные ткани. И, на удивление, неизвестный выходил победителем. Он уходил от ударов ликмена, уклонялся и вертелся, словно в танце. А ещё он швырялся огнём так, будто тот не мог причинить ему самому вреда.

Вдруг в помещении сверкнула молния. Это была яркая вспышка, и она окончательно парализовала волю Ксаласа. Он зажмурился и съёжился, приняв родную для него форму гоблина. Он боялся открывать глаза, и всё же приоткрыл. Перед ним валялось тело Племака. Его глаза были белы, а тело бездыханно. Он поднял взгляд и увидел, как замотанная фигура возвышалась над ним. Теперь он узнавал те рваные тряпки, что носил неизвестный убийца, и это вселяло ещё больше страха. Ксалас дрожал. Он знал, что бежать бесполезно, и всё-таки, совершив усилия над собственной волей, рванул прочь.

В тот день морской порт Ерnodска лишился своей главной преступной группировки вместе с целым забытым и брошенным складом, о котором позднее скорбел каждый чиновник.

Налли бежала через весь город за Артемом, как настоящая преданная собака. Это было немыслимо. Одно дело, когда твой хозяин — городской бродяга и сумасшедший, и совсем другое — когда он психопат, сжигающий людей дотла. У собаки такого человека может быть на уме что угодно. Ей ещё не приходилось иметь дело с подобными людьми. Она не знала, что делать, хозяин её об этом не предупреждал. Как вообще можно следить за таким человеком?

Она следовала по запаху, вертясь между людьми и горками выпавшего снега. Ей не нравилась эта погода, но если выпавшие снежные гроздья растают, станет только хуже. А ведь они растают, раз город продолжает полыхать. Она чувствовала своим носом, что теперь ещё и от моря несло дымом. Она не успевала за его буйством.

И вот когда она слишком сильно задумалась, ей на ногу наступил один из прохожих, а потом он её ещё и пнул в кучку снега. Она была словно обёртка, валяющаяся на улице, такая же мешающая и незаметная. А, возможно, конкретно один человек счёл её неважной. Но ведь и никто другой этого не заметил. Никто не остановился, чтобы посмотреть на лежавшую собаку. Город сошёл с ума, и она была в его сердце такой же безумной. Артен словно заразил их всех. Он мчался и сгорал, поджигая всё, что было рядом. За таким угнаться невозможно, если просто бежишь по следам.

Штаб стражи Ерnodска был перевёрнут с ног на голову. Все мчались и не знали, что делать. Это была визуализация города в миниатюре, о которой никто не просил. Город давно не подвергался подобным разрушениям, отчего все терялись. Казалось, следовало просто взять себя в руки и следовать инструкции, но это проще было сказать в собственной голове, нежели воплотить в жизни.

Капитан Кьют сидел у себя в кабинете, закрывшись на ключ, и читал королевский указ. В его понимании личность Сабидора Кератэса была крайне далёкой и, наверняка, значимой, но в его жизни. За последние пятнадцать лет службы единственное важное, что, по его мнению, делал Его Величество, — это выплачивал жалование в срок. Конечно, именно король издавал все те законы, за соблюдением которых капитан должен был следить, но он мог смело трактовать их в свою пользу. В конце концов, королей у ликменов никогда не было, а городская стража имеет глубокие исторические корни и традиции. Именно на этом и держится из века в век их народ во всех уголках планеты. Или держался.

Этот указ был издан сегодня утром, слишком поспешно, на взгляд капитана Кьюта. На тот момент в городе случился лишь один пожар, рано было бить тревогу. И всё же Его Величество приказал провести тщательную ревизию всех значных мест, всех складов и трактиров. Судя по всему, те, кто были наверху, были очень взволнованы. Они явно считали, что в городе укрепилась организованная преступность, нацеленная на реформацию новообразованного государства или даже убийство правящих особ.

И в чём-то они были правы, преступность в городе была организована, и Кьют её боялся больше, чем собственного руководства. В его системе жизненных ценностей желание жить было сильно выше желания сохранить за собой звание капитана. Потому он умело закрывал глаза на все преступления, которые он не должен был видеть. И даже соблюдал уличные правила, чему обучал и своих подчинённых. Например, выжженные метки. Никто не станет выжигать на человеке символ просто так. И если ты хочешь жить, ты не будешь пытаться установить, за что конкретно он его получил. Лучше просто понимать такие сигналы и следовать им. За эти пятнадцать лет он подписал множество приказов о выселении людей в Загорье просто за наличие метки «Д», и уж он точно не помогал никому с клеймом «К», как и надлежит делать.

А теперь он будет вынужден объявить войну Большому Хотса и отморожкам из перелука Хафера. Это всё равно что добровольно сунуться в гнездо разъярённых шершней с одной пустой верой в божью помощь. Пусть ищут других дураков.

Капитан Кьют достал чистый лист и большими буквами написал: «Ухожу в отставку по собственному желанию». А затем, никому не сказав, снял с себя все опознавательные знаки и вышел за дверь, оставив город на произвол судьбы.

«Уж лучше пять сгоревших домов, чем смерть на войне, в которой ты не способен победить», — подумал про себя бывший капитан Кьют.

Животные всегда чувствовали опасность лучше людей. Крысы бегут с корабля, птицы затихают перед бурей, а собаки мчались из Ерnodска волной. Если бы все люди обладали подобной интуицией, то у северных ворот было бы не протолкнуться. Люди давили бы псов, а те кусались бы в ответ. Путь к спасению превратился бы в месиво. А так пострадало только парочка стражников, что стояли неудачно на пути испуганной стаи. Вслед за ними прибились бродяги, что не пали жертвами жажды наживы. Они стремились сохранить то единственное, что у них осталось — жизнь.

Был в Ерnodске и ещё один ликмен, что в то время проходил мимо северных ворот. Господин Лим Ксендес или же, как его прозвал Артен, Шептун, всегда знал, куда дует ветер, и очень этим гордился. Сейчас интуиция гнала его прочь из собственного дома: на улицу, в

случайный паб или к знакомым, которых давно не видел. Лишь бы не сидеть дома. И для него не было неожиданностью, когда народ побежал на третий пожар.

Горел его дом. Тот дом, в который он вложил много денежных усилий. Последние двадцать пять лет он служил перебежчиком, кидая одного влиятельного человека ради другого. Он умел внимательно слушать и подмечать детали и потому был бесценным информатором. Естественно, самые лакомые секреты он держал при себе до тех пор, пока их ценность не достигала максимальной стоимости. И всё он вкладывал в дом для продолжателей рода Ксендес, которых пока не было и в ближайших планах. И этот поджог его устраивал, он ждал его уже пару месяцев. Теперь он сможет, как пострадавший, выбить у королевской семьи для себя что-то получше. А может, и не только у королевской. Для него это была очередная победа. Надо было лишь переждать, пока буря уляжется.

Сразу после «инцидента» со сгоревшей графиней в Шэхирке Арсон выслал письмо Большому Хотса с просьбой о предоставлении крыши. Наёмнику требовалось залечь на дно, и где это можно было устроить, как не в родном городе. Хотса тогда хотел отречься от Арсона, не желая впутываться сразу в грязь политических свор. Он жаждал признания на мировой арене, но не как пособник политических убийств. И вот тогда Лим лично вступил в игру. Он убедил, что личное пленение Арсона и сдача князю будет хорошим отыгрышем, но только при условии, что Его Сиятельство окажется достойным человеком. Большому Хотса нужно было оценить Артена с высоты своего опыта и уже тогда действовать наверняка. Договориться с ним или избавиться от него чужими руками. Большой Хотса любил хитрые планы и потому согласился. И когда Артен приехал и отвернул неискренностью от себя Хотса, тот сбегил его безумцам, своим вечным преступным конкурентам. Теперь Лим Ксендес был на пике удовольствия, ведь князь Нонморт отыгрывал всё по его собственным нотам.

Единственное, чего Шептун ещё опасался, так это того, что он бы ни за что не отвертелся бы от Артена после своих деяний. Он мог бы продать Хотса и Арсона с потрохами, но простит ли Таинственный Поджигатель избиение в переулке? Да, это был тот редкий случай, когда Хотса заставил его делать грязную работу для подтверждения верности, но он, кажется, переборщил. Возможно, один плевок загубил его наверняка. А может, сгоревший дом был достаточной платой. Надо было лишь переждать несколько дней.

Зная все эти подробности, Лиму нравилось слушать то, что говорят о поджогах люди. Одни кричали, что это диверсия Чёрного Короля Магии, который решил отыгаться спустя двадцать лет за проигранную землю. Другие в панике прятались, шепча про себя, что это драконы. И возгласы газетчиков об обилии горящих домов лишь подтверждали вторую версию. Ксендеса забавляла антидраконья истерия последних лет, особенно в городе ликменов, где каждый при наличии должных знакомых мог и сам принять обличье дракона. Почему же никто не кричит, что это подросток-ликмен, что вышел из-под контроля? Нет, во всём виноваты драконы.

С улыбкой наблюдая за суетливым городом, Лим прошёл на балконную веранду случайного ресторана. Ему нравились крики и паника, что сохранялись даже у сотрудников заведения. Но они сами решили продолжать работать, так что пусть продолжают. Он занял место на кресле и достал курительную трубку. Господин Ксендес был слишком доволен собой, чтобы понять, кто дал ему прикурить и почему очень скоро кресло под ним начало нагреваться.

Поджигатель смотрел на горящий город с абсолютным равнодушием. Этот день дал ему рассчитаться со многими, а им подарил надежду на искупление в глазах богов. О, это было прекрасно и очень увлекательно. Сеин умирал жалко, вымаливая собственную жизнь. Он просил и умолял, готов был на любые унижения, но что это для огня — пустые звуки. Банда боролась яростно, но тщетно. Хотя бы они его размяли. Шептун, негодник, прятался от него. Это было обидно. Но от магии уйти очень сложно. Нужно запомнить лишь пару фраз и ауру чело-

века, чтобы выйти на его след. Благо у поджигателя был целый дом, хранивший отпечатки шепчущей души.

Теперь они все были мертвы. Они все так или иначе покрывали убийцу, а значит, были виновны в глазах пламенного правосудия. Он был собой доволен. Он узнал приблизительный план, как и кто разрушал его жизнь по приезду, а главное — зачем. Вот только про Арсона никто ничего так конкретного и не рассказал. Сеин даже имя это слышал впервые. Ксалас с друзьями видели его и даже пару раз разговаривали. Говорили, что он может прикинуться гоблином, орком или даже вампиром. Но это не давало никакой конкретики. Шептун знал больше всех. Теперь не было никаких сомнений, что Арсон — тот убийца, который ему нужен, как и в том, что он ещё в городе. Вопрос лишь в том, насколько глубоко он запрятался. Со слов того же Шептуна Арсон был обеспечен на всю оставшуюся жизнь, а значит, прятаться при желании он может долго.

На пути поджигателя оставалось только два места, где бы он мог получить ответ. Верхушка преступного мира Ерnodска — только они могли бы теперь дать ему ответ. Поджигатель очень надеялся, что сломать их будет так же легко, как и их подручных. Сейчас ведь он был готов, он знал, с кем ему предстоит столкнуться и чего ожидать. Больше ни отморозки из забытого богом переулка, ни малыш Хотса не станут для него проблемой.

Он уверенно шагнул по мостовой к дому на набережной. Он помнил, как спускаться в подвал и по каким коридорам следует идти. И пусть на входе в тот день стояло два минотавра, но у них не было и шанса против молнии в живот и вспышек искр в глаза. Он оставил их валяться в лужах подтаявшего снега.

Внизу в темноте его будто бы никто и не ждал. Жизнь богатых людей шла своим чередом, даже при общегородской панике. Лавки грабились и закрывались, но игровые комнаты оставались нетронутыми. Их давно уже обезопасили от внешнего воздействия, всё для безопасности богатых клиентов.

Такое спокойствие окружающих могло бы подорвать уверенность Артена, но поджигатель это игнорировал. Он знал свою цель и двигался к ней. И когда трое орков попытались его остановить, им досталось ещё больше, чем первой линии обороны Хотса. И теперь у поджигателя был открыт путь в кабинет, где пару месяцев назад решалась судьба князя Нонморта в Ерnodске.

В кабинете за столом сидел большой серый орк. Он полностью выбивался из эльфийского стиля, коим полнилась комната, зато он точно походил на самого себя. Движения его рук по листам бумаги, его мимика, стук ногой о скрипучие половицы — это был Большой Хотса, без сомнений, в своём истинном облике.

— Ты, ты-то мне и нужен, — раздался ледяной и зловещий голос Поджигателя.

— О, милый князь, Ваше Благородие решилось возратить мне долг? Прошу, не стесняйтесь, вываливайте его сюда, — язвительно ответил орк и расчистил одним движением стол для пригоршни золотых монет.

Поджигатель усмехнулся, но, не заметив улыбки на лице оппонента, вдруг резко стал серьёзен.

— Я Вам ничего не должен.

— Напротив. Помните один осенний вечер? Вы слонялись у моего дома, а я впустил бродягу, обогрел и накормил. Я предоставил ужин, как и обещал, а вы не расплатились.

Поджигатель подошёл к столу и прикоснулся руками к бумагам Большого Хотса, и очень скоро они обратились золой.

— Вы ограбили меня! Вы выкинули меня на улицу! Лишили денег и имущества! А главное, до сих пор покрываете Арсона Олематэса!

Большой Хотса не повёл и взглядом. Всё это он видел сотни раз, а бывало, что случалось и что-то похуже. Поджигатель придвинулся вплотную к орку и ухватил его за галстук.

— Говорите правду! — прошептал поджигатель.

Звон разбитого стекла прогремел в комнате. Будто кто-то разбил бокал с вином, которого не было. И в считанные секунды комнату заволокло дымом. Поджигателю в живот прилетел один удар, затем ещё один — в ногу и третий — в голову. Он всё ещё держал в своей руке галстук Большого Хотса, вот только самого Хотса по ту сторону галстука уже не было.

Артен лежал на полу в луже собственной крови. Его нос был разбит, а во рту было что-то вязкое и солёное. Он пытался подняться, но каждый раз по его туловищу прилетали всё новые удары, но он не бросал попытки. Он не видел, кто наносил по нему удары, дым скрывал их лица, но очертания четырёх пар обуви ему разглядеть удалось.

— Зря я послушал этих недоумков Лима и Арсона, — раздался сверху голос Большого Хотса. — Не стоило вообще вмешиваться в это дело. Пусть ты хоть трижды князь, но ты такая заноза, от которой бед больше, чем возможной пользы.

Артену прилетел ещё один пинок под рёбра.

— И ведь упёртый, никак не можешь остановиться. Даже когда уже проиграл. Ну потерял ты какую-то девчонку, чего ж с ума-то сходить. Да с такими связями, как у тебя, я бы завёл пару сотен таких же, делов-то, тьфу! А он попёрся. Да кончай шевелиться, я тебе говорю.

В столь явных пренебрежительных словах об Айхе поджигатель нашёл силы, чтобы оттолкнуть Большого Хотса и встать на ноги, но тут же схлопотал чем-то деревянным и крупным по спине. И Артен снова упал на пол.

— Он мне надоел, — признался Большой Хотса. — Больше от него проку не будет. Избавьтесь от него.

— Но, господин Хотса, он же меченый, — раздался голос одного из охранников, скрывавшихся в дыму.

— Так выставьте за случайность. Мы же не в Сарафии, в конце концов, чтобы соблюдать столь строгую сегрегацию. Но только не здесь, увальни, на улице. Не хватало ещё, чтобы потом смерть князя связывали с моим домом. Отнесите его к городской стене и прибейте, чтобы больше он мне в городе не попадался.

Трое верзил подчинились требованию начальства и потащили обессиленного Артена наверх. Его тело размякло в их руках, глаза оплыли, а сознание помутнело. Он надышался дымом, и не тем, что обычно вдыхаешь у костра, а волшебным, что чародеи изготавливают для военных и художественных нужд. Да, это был однозначно именно такой дым. Он отравлял сознание, но тело орка было лучше адаптировано к нему, чем человеческое, и потому у ликменов всегда было преимущество.

Пока Артена несли по игровому подземелью, ему запомнилось, как все снова отворачивались от него, как в те дни, что он шёл бродягой. Его снова отказывались видеть люди, хотя знали, что он есть. Даже господин Концерт, которого он про себя прозвал «Господином», что любил выслуживаться перед более статусными особами, смущённо воротил голову. Всем было бы легче, если его в этот день никто у Большого Хотса не видел.

И Артен закрыл глаза.

Найв Уолес, к собственному удивлению, ближе к ночи был просто раздражён, а не в ярости зол на все неожиданные происшествия того дня. Возможно, потому, что всё это было и не так уж неожиданно. Да, его изначально огорошило сообщение об исчезновении Артена, как-никак это он хотел отправиться с его старшей дочерью на прогулку. Он видел, как они, бывало, на закате сидели и игрались. Артен всегда её внимательно слушал и был ласков. Может быть, она ему кого-то напоминала, а потому Найв и не был против. Он знал, что его подручный не

причинит ей вреда. И всё же могло случиться что угодно. Кто знает, какие внезапные дела могли возникнуть у девятнадцатилетнего парня в свой единственный выходной?

Господин Уолес постарался успокоить Майлу и пообещал, что сам сходит с ней на прогулку. В конце концов, отец и дочь тоже должны проводить время вместе. Майла ещё немного поплакалась, но согласилась на предложение отца, пообещав, что на Артена она будет ещё долго дуться, независимо от того, на что он её променял. Найв подтвердил, что это очень верная мысль.

Чуть позже господин Уолес уже стоял на пороге своего дома и слушал выкрики уличных газетчиков. Ему не потребовалось много времени, чтобы сложить два и два. Пропажка кудесника-хаосника и внезапные пожары — маловероятно, что эти два события оказались бы никак не связаны между собой. Но этими подозрениями он ни с кем не поделился, даже с собственной женой.

Уже днём, в разгар паники, он отменил свою прогулку по улице с дочерью и запретил супруге выходить на прогулку. В толпе зрели разрушительные порывы. Один человек может быть далёк от зверя, но когда он становится частью общественной волны, он становится маленькой деталью огромного и безумного хищника. И кто знает, побежит ли он прочь, как крыса, или будет биться, как собака. К сожалению, для деловых людей общность ликменов образовала большого шакала. Они бросились хватать всё, что лежало неудачно. И таким, по их мнению, был весь город.

Найву с трудом удавалось отбивать набегі новообразованных воровских шаяк. Он был один, а они могли прийти и всемером. По ним прилетало битой, он избирал самые подлые уличные приёмы, пару раз даже кусал противников, лишь бы защитить товар. Большинство из забежавших поживиться в лавку «Тысяча мелочей Найва Уолеса» в итоге покидали её, свернувшись в три погибели, но некоторым везло меньше, и они вылетали оттуда, как детский игровой мячик. Конечно, и сам Найв пропускал удары, и потому под вечер у него гудело всё тело от ушибов. Его даже смогли заставить хромать, но большую часть своего товара он отбил. Вот в тот момент ему бы очень кстати пришлась помощь от какого-нибудь кудесника.

Когда солнце уже село, Найв присел на ступени у лавки и посмотрел в дымное небо. Наверху готовила ужин Аби, что-то явно мясное. Рядом с ней сутились и кричали дети, которым не хватало уличных прогулок, и оттого они бесились. Найв достал курительную трубку, набил её порохом и задымил. Он давно уже бросил эту вредную привычку, но после такого тяжёлого дня ему захотелось вновь почувствовать горьковатый запах табака. Потом Найв зацепил горсть подтаявшего снега и приложил её к особо болезненному ушибу, после чего сделал новую затяжку.

Вдруг перед ним села рыжая дворняжка и посмотрела на него невероятно грустными глазами.

— Что, Налли? Где твой хозяин? Что это на него нашло?

Налли в ответ лишь печально завывала и помотала головой в сторону западной стены.

— Нет, я его выпутывать из неприятностей не буду. Я по его милости и сам сегодня далеко не в лучшей форме.

Дворняжка в ответ лишь удручённо завывала и указала мордочкой вновь в сторону стены. Она очень хотела, чтобы Найв пошёл за ней, и явно не собиралась отступать от своего.

Найв сделал ещё одну затяжку, затем вывалил табачную золу из трубки на талый снег и тяжело поднялся с крыльца.

— Ладно, води меня.

Налли подскочила следом и побежала вперёд, указывая дорогу. Вскоре она завернула в какой-то переулочек, а Найв последовал за ней. Он твёрдо для себя решил, что спасти Артена он не будет. Этот парнишка сам вырыл себе яму, но если там что-то несложное, он сделает собачке одолжение. Каким же было его удивление, когда из переулка на него посмотрели дружно три

десятка собачьих глаз. Он взглянул на знакомую рыжую дворняжку и понял, что драться ему ночью уж точно не придётся.

Глава 11

После того как Налли хорошенько припечатали в снег на улицах Ерnodска, она поняла, что действовать надо на опережение. Нельзя разговаривать с человеком, который без особого раздумья поджигает город, что бы ты ему ни сказал, он тебя не услышит. Остаётся ждать, когда он придёт в норму. Вот только когда такое может произойти? Когда он достигнет цели? Когда спалит весь город? Нет, рано или поздно он столкнётся с теми, кто смогут дать ему отпор. Налли нравился Артен, нравился и его стиль боя, но признать его мастером она не могла. Возможно, огненные вспышки могут помочь в соединении с отточенными в детстве приёмами уличной и спортивной борьбы, это может огорошить и напугать соперника. В условиях неожиданности даже опытные противники могли бы проиграть, но что будет, если он столкнётся с теми, кто знает, на что он способен? Надолго ли тогда хватит Артена?

Бегая по улицам города больше месяца, Налли приходилось слышать имена тех, кто мог вселять в душу страх одним своим упоминанием. И в списке таковых Большой Хотса был не на последнем месте. Такие, как он, редко делают всё самостоятельно, но и не имея никаких навыков, они же долго не живут. Сможет ли Артен заставить врасплох его после череды случайных поджогов? «Маловероятно», — решила про себя Налли. А смогут ли пожары напугать такого человека, как Большой Хотса? Шансы ещё меньше. А вот то, что Артен навестит влиятельного ликмена, она не сомневалась. Парень никогда не рассказывал особо о своём прошлом, даже если она спрашивала, но он явно кого-то выслеживал, а значит, не выйти к Большому Хотса никак не мог. Он держал этот город почти полностью, и если кто-то знал ответы на вопросы, то именно он.

Оставалось только понять, а как одинокой собаке удастся вытащить кудесника из неприятностей, в которые он сам себя загнал. Что одна собака могла бы сделать против ликмена, который может принять обличье орка или даже циклопа? Ну, допустим, на одного, при условии, что соперником является именно мужчина, у неё был приёмчик. Один грамотный укус — и что орк, что ликмен наверняка отпустил бы Артена. Но если их двое, то второй бы спокойно в этот момент её бы забил до смерти. Да и правильно укусить надо ещё суметь. В общем, Налли поняла, что в одиночку ей провернуть ничего не удастся. Ей нужна была армия! Или хотя бы боевой отряд.

По милости Налли в Ерnodске в ту зиму орудовало несколько стай бродячих собак. Вот только именно в этот день, когда они были ей так нужны, собаки побежали прочь из города. Налли их не винила, она и сама чувствовала на уровне инстинктов, что надо бежать, но она ведь не могла так поступить. Она разумная собака, и это надо было отрабатывать. Она не могла поддаться собственным желаниям, даже если больной от ушиба бок просил её об этом. И потому она двинулась к северным воротам, куда вёл её нюх, но не для бегства, а из чувства верности долгу.

За пределами города долго искать собак не пришлось. Может быть, они и были напуганными животными, но они всю жизнь провели в стенах города, они не видели другой жизни. Для них лес был чужим, и потому они не решались уходить далеко. В конце концов, все надеются, что рано или поздно обстановка дома наладится и можно будет вернуться в родные места.

И вот бездомная стая собак аккуратно бродила между деревьев, пытаясь загнать одинокую лису. Действовали они неуверенно, каждым своим шагом проверяя свои силы и возможности противника. Лисица понимала, что находится в меньшинстве и что отбиться от пятнадцати голодных псов будет непросто. Она уже порвала одному из них ухо, а другому разодрала морду своими острыми когтями, но такое проявление силы было успешным ровно до того момента, пока стая не осознает свой численный перевес. Рыжей плутовке оставалось только принимать попытки к отступлению.

Именно за этой погоней Налли стаю и застала. Несколько минут она наблюдала за неуклюжими попытками городских собак разобраться с диким лесным хищником и даже успела усомниться в правильности своего выбора. Если уж эти псы не могут совладать с единственной лисицей, то что они могут против ликменов? А потом она вспомнила, что её противники такие же горожане, как и эти бесталанные охотники, и успокоилась.

Когда лисицу всё же смогли зажать в кольцо, прижав её к старому крепкому дубу, Налли решила вмешаться. Она выпрыгнула вперёд перед стаей и преградила лисе путь. Она рычала и отбивала лесную плутовку лапами. Лиса, как и собаки, не ожидала такой помощи, но она быстро среагировала на изменившуюся обстановку и ускользнула мимо огорошенных собак, оставив свою рыжую спасительницу разбираться со всем самостоятельно. Большая часть стаи сталкивалась с Налли на улицах Ерnodска, некоторые даже пытались гулять рядом с ней, и потому они знали, как хорошо она умеет давать отпор. Но большой чёрный пёс, принявший на себя роль лидера за пределами городских стен, столкнулся с ней впервые. Он двинулся вперёд, чтобы наказать зазнавшуюся собаку, и мигом получил по морде. Тогда они с Налли схлестнулись уже в настоящем поединке, в который другие псы решили не вступать. Так всегда было, когда кто-то решался бросить вызов лидеру, и теперь стая просто ожидала результата. Конечно, они подсознательно желали, чтобы их вожак доказал своё первенство и утомил нахалку, но позволять себе показать это действием было неприемлемо.

Для обеих собак этот бой был не первым. Чёрный пёс на улицах города получил репутацию одного из сильнейших представителей своего вида. Один его взгляд заставлял собак повиноваться. Ещё в самое первое время, как он оказался на улице, он провоцировал других псов, чтобы доказать своё превосходство. Больше с ним никто не спорил. Но то было в городе. Легко быть сильнейшим в своём пруду, но ты попробуй доказать это же, выйдя за рамки собственного комфорта. Налли дралась с собаками в городах, в пустыне, на морском корабле, в горах... Скорее всего, равной ей по знанию особенностей местности не было ещё среди собак. И потому, хоть она и уступала Чёрному псу в силе и в размерах, она его не боялась.

Это был долгий бой. Противники кусали друг друга, царапали когтистыми лапами, толкали и всячески старались навредить. Налли не сдавалась, даже когда её зажимали в угол. Она находила способ высвободиться и нанести ответный удар. В конце концов именно её манёвренность помогла ей наброситься на Чёрного пса со спины, прикусить за холку и прижать к земле так, что тот не смог пошевелиться. Это была её победа, и только ей было суждено решать, будет жить проигравший или нет. Она обвела взглядом стаю, победно пролаяла и отпустила уличного пса. Теперь все эти пятнадцать собак были у неё в подчинении. И как разумное создание она очень гордилась своей победой, но показать это стоящим перед ней собакам она не имела права, иначе эффект от столь внушительного достижения вмиг растворится, а ей эти псы ещё были нужны.

Сопротивляться решению вожака стая не имела никакого права и потому беспрекословно вернулась в город. Налли чувствовала, что собаки ещё боятся. Огонь и человеческая паника ещё не успели утихнуть, а она ведёт их обратно к тому, отчего они убежали, вот только выбора у неё не было. Она должна была выполнить задачу, и она её выполнит. Оставалось лишь найти Артена, отбить его в случае его поражения и привести кого-нибудь, кто сможет о нём позаботиться. На роль последнего в Ерnodске подходило не так уж и много людей.

Ночная зимняя свежесть не помогла Артену вернуть рассудок после отравления волшебным дымом. По большей части из-за того, что самой свежести толком и не было. Весь город был пропитан гарью, которую он сам развёл за последние сутки. В меньшей степени из-за того, насколько качественный зельевой продукт кто-то гнал в этом городе. Кто-то явно знал толк в своей работе, и Артен мог это оценить. В школе его мало что интересовало. Ему нравилось смеяться с друзьями, отвязно гулять и отрабатывать боевые заклинания. Вот только помимо

магии хаоса его обязывали изучить ещё одну ветвь, и как настоящий Нонморт он выбрал магию смерти. Сама некромантия, на его вкус, была слишком мудрёной, как и курсы монстрологии и вирусоведения, но вот сами зелья... Комбинация ядов, удержание энергии в стеклянном сосуде — всё в зельях было возможно. Ты мог немного напортачить и получить совершенно новый результат, такой, который прежде не получал. Было в этом что-то граничащее с его хаотичной натурой. И вот он погрузился с головой в эту сферу. Он безошибочно мог перечислить все ингредиенты, что использовал тот или иной кудесник при сотворении зелья. Иногда он мог даже угадать приблизительную дозировку всех компонентов, но не сегодня. Этой ночью он только знал, что это было чертовски хорошее дымовое зелье, в котором содержался какой-то знакомый аромат, который обычно в дымовых соединениях не используется. Но он ему точно был знаком! А вот где именно он с ним сталкивался, Артен ответить не мог.

Иногда, пока Артена тащили, он пытался собраться с мыслями, чтобы понять, куда его уносят, но все попытки были тщетны. Каждый раз он отвлекался на женское лицо в ночной тьме. Это было прекрасное личико юной девушки с белой косой. Она была одета в маленькое чёрное платье. И она всегда смотрела на него. Было в её взгляде что-то устрашающее, но Артен всё равно был очарован ею. Нет, ей было далеко до Айхи, но её взор манил его, и только сильные руки орков останавливали его, чтобы он не направился к ней.

Вскоре Артена бросили на землю. Кажется, это была финальная точка их пути. Сил у молодого князя никаких не было. Он лежал и смотрел куда-то вперёд. Он слышал, как охранники Большого Хотса обсуждали лучший способ избавления от тела, но это его не интересовало. Он даже не отреагировал, когда расслышал звук натягивающейся тетивы арбалетов.

«Вот и всё», — подумал про себя Артен и глубоко вздохнул. Он ещё раз взгляделся в зимнюю улицу своим затуманенным взором, чтобы найти в ночи лицо той красавицы, но её уже не было. И тогда он закрыл глаза.

Вдруг где-то над ним раздался лай, а затем и громкие крики орков. Он не осознавал, что именно происходило вокруг, но это было очень громко. Вопли были такими, что горожане точно должны были бы выглянуть на улицу, но случилось ли это, Артен так и не узнал. Он увидел, как один из орков упал на землю, корчась от боли, а на нём прыгало около трёх собак. Они так громко лаяли, что у молодого князя заболела голова. Ему захотелось закрыться от мира и выключить весь этот гул. Он сжал свои веки, чтобы отгородиться от всего, но кое-что ещё тронуло его сознание.

— А ну вставай, Артен, разлётся он здесь!

Раздался над ним голос господина Уолеса, и это было последнее, что он услышал, прежде чем потерять сознание.

Очнулся Артен, лежащим на каких-то ящиках. Это было слабоосвещённое помещение, особо не отапливаемое, но тут было точно теплее, чем на улице. Артен протёр глаза и запустил в работу свой внутренний обогрев, направив на это всю накопленную магическую энергию. И только после этого он получше взгляделся в помещение. Это был один из подвалов господина Уолеса, в которых он хранил особо крупные поставки, ожидающие своих покупателей. Артен всего несколько дней назад вытащил отсюда партию ткани, которую увозили то ли на восток в вампирское царство, то ли на северо-восток к границе с Ардорией. И вот он сидит в этом подвале, укутанный в одеяло, на пустых ящиках и...

— Ряв! Прроснулся наконец! — раздалось откуда-то снизу.

— Налли? А где господин Уолес? Я помню, что слышал его голос...

— Конечно, гав, он сейчас наверху, заваривает чай.

— А ты... А он..., а знает ли он... — неуверенно пытался собраться с мыслями Артен.

— То есть ты громил город, нарывался по глупости в поместье Большого Хотса, а в итоге первое, что ты хочешь мне сказать, это вопрос: «Не знает ли господин Уолес о том, что я

разумна?» Гав! — совмеща в голосе обиду и сердитость, отвечала Налли. — Нет, не знает. Я его привела к тебе без слов.

Артен замолчал. Он чувствовал, что что-то делает не так, но его реакция всё ещё была заторможенной. Возможно, голова его уже не так сильно гудела, но что-то стучало по внутренней стенке черепа, словно весь вечер он провёл наедине с кувшином вампирских креплёных напитков.

— Спасибо тебе, Налли, — тихо произнёс Артен. — Ты очень меня выручила, и уже не в первый раз. Спасибо тебе! Это же ты привела тех собак? Ну вот. Без тебя я бы не выбрался от тех орков живым.

Налли посмотрела в грустные и искренние глаза Артена, улыбнулась, а затем и облизнула лицо князя. Она уже его простила. Хотя он и бывал с ней груб и переходил любые границы дозволенного, было в нём что-то, что гипнотически притягивало его. Ведь дело не только в крыше над головой или в том, что Хозяин выбрал именно его. Было в нём что-то живое и искреннее, что очаровывало её бесконечно. И она не могла долго держать на него обиду.

Тут раздалися шаги у двери в подвал, зазвенели ключи, и дверь отворилась. За ней показался господин Уолес. Он нёс поднос с посудой, на котором стояли чайник, две чашки, бутылка с бурой жидкостью, две рюмки и тарелка закусок. И, несмотря на угощение, он был невероятно серьёзен. Он не сказал и слова Артену. Просто подошёл к одному из ящиков, поставил свой груз на него и разлил бурую жидкость по рюмкам. Артен понял намёк и подошёл к нему, а затем они вместе залили в себя обжигающее содержимое, не чокаясь. Это был хороший коньяк, который господин Уолес сразу же решил закусить, пока Артен только наслаждался вкусом. И вот сразу после этого в и без того разбитое лицо князя прилетел кулак его начальника.

— Какого чёрта ты, мелкий засранец, вытворяешь?! — достаточно тихо для таких оскорблений высказался господин Уолес. — Поджог! Убийства! Может, ещё что-нибудь ты успел совершить? Нет, даже не пытайся оправдываться. Ничто не может являться достаточной причиной для таких преступлений. Я сразу по блеску твоих глаз понял, что с тобой что-то не так! Ты же просто не видишь грани своих поступков. Только вы, грёбанные кудесники, и способны на такое. Вы и всякие отморозки, которым нравится убивать. Уж я-то на таких насмотрелся. Скажи, Артен, нравится тебе убивать? Нравится?!

Господин Уолес замолчал и пристально посмотрел на Артена, который прощупывал, все ли зубы у него на месте, и испуганно смотрел на своего начальника. Затем Найв снова наполнил себе рюмку и быстро её опустошил.

— Неужели ты просто не понимаешь, какое зло вытворяешь...

— Но они сами убийцы!

— И что? Это даёт тебе право решать, жить им или умереть? Неужели трактирщик Сеин был так плох, чтобы умереть? Что-то не припомню я, чтобы он хоть муху пальцем обидел. Или же те ребята в порту? Может, они настоящее зло? Они воры, и закон их за это бы наказал, но не смертью!

— Этот закон никогда не воздаёт по заслугам!

Артен заметил, как господин Уолес ещё раз замахнулся, чтобы отвесить молодому князю сильную оплеуху, и попытался остановить его руку, но через мгновение уже валялся на полу, совершив кувырок через ящик, служащий столом. Найв налил себе третью рюмку, тем временем как Налли просто вжалась в оставленное одеяло.

— Не тебе их судить! Рано или поздно всем достанется по их заслугам, и твой гнев тут не помощник. Может, ты возомнил себя богом? Так я напому, что ты схлопотал по голове моей битой, а сегодня тебя чуть не застрелили три орка! Ты смертен и уязвим. Из тебя такой же бог, как из обезьяны. И чем больше ты подвержен вспышкам своего безумия, тем дальше ты от этого статуса. Думаешь, хоть один бог судил бы их, как ты, думая исключительно эмоциями?

Артен слушал господина Уолеса и лишь больше злился на него. Тот давал ему кров, еду и работу, и князь это ценил, но сейчас гнев пеленал его разум. Его грызла собственная беспомощность, но слова Найва ранили ещё больше.

Артен перевернулся на спину и зажёл в ладонях огонь. Он хотел их метнуть в господина Уолеса, но замешкался и пропустил удар ногой в голову. Теперь он валялся с откинутой головой, а пламя в его руках потухло при соприкосновении с полом.

— И не пытайся! Мы с тобой условились, что на моей земле не будет применяться твоя огненная магия, — продолжал свою речь господин Уолес. — Знаешь, двадцать пять лет назад я посмотрелся на таких, как ты. Тогда во время войны многие кудесники были любителями отправиться на передовую, считали это удачным вариантом для построения карьеры. И знаешь, где эти умники, что полагались бесконечно на свою магию? Они лежат в земле, павшие из-за собственной глупости. Вы все мните себя всемогущими, но пропускаете элементарные удары. В вас нет дисциплины, нет отточенности движений, вы даже не контролируете собственной силы! А уж когда у вашего брата так блестят глаза, как у тебя, жди беды.

Я помню, служил со мной юный парень по имени Саад. Ему было лет семнадцать, когда мы вместе отстаивали Ваухтийский рубеж. Признаюсь, это была страшная битва. Несколько недель мы не сдавали свои укрепления, не пропуская войска Северного Союза, хотя противники всё напирали и напирали. И знаешь, Саад был весёлым парнем, мы тогда были почти ровесниками и хорошо общались. Он много шутил, а его улыбка могла осветить даже самую мрачную ночь. Вот только жизнь под вечным обстрелом никого не оставит нетронутым. В один день я увидел в его глазах искру, но тогда мне ещё не было известно её значение. Он смеялся как и всегда, но что-то в его движениях уже перестало быть естественным. И потом, когда мы отбивали очередную атаку, я увидел, как искра в его глазах подожгла его самого. Он метал огнём во врагов так рьяно, что совсем потерял над собой контроль. Он перестал проводить магию через себя, он стал её воплощением. Такой же буйный. Такой же неконтролируемый. Он был готов даже бить по своим, он потерял ту грань, что делала его человеком. И знаешь что? Его пришлось пристрелить. Наш капитан достал арбалет и пристрелил парня, что защищал родину. Потому что это был уже не человек, и вернуть моего друга было уже невозможно.

И если Саад был потерпевшим в этой истории, то бывали и те, кто на самом деле ловили кайф от убийства людей. Я смотрел им в глаза и понимал, что каждый порез на теле их врага доставлял им удовольствие. И если кто-то считает, что на войне таким самое место, то я очень хотел бы увидеть тот момент, когда они будут сидеть на одной койке с ними и слушать о каждом пальце, что они отрезают от убитых ими врагов. Они безумны и опасны! Но даже их убивать было бы преступлением. Нельзя опускаться до их уровня.

Найв прошёл по вычищенному подвалу, отдышался и сел на накрытый ящик. Налил себе очередную рюмку, также быстро её опрокинул и потянулся за курительной трубкой. Набивая её табаком, он уставшим, но вновь спокойным взглядом посмотрел на Артена.

— Так кто ты, Артен? Опасный и теряющий контроль кудесник или безумный убийца, наслаждающийся своими преступлениями?

Артен не вставал. Он смотрел в потолок, погружённый глубоко в собственные мысли, и ничего не отвечал. Господин Уолес потянулся рукой к карману, чтобы достать огниво и закурить, но вспомнил, что находится в подвале, и отложил трубку.

— Знаешь, сдаётся мне, это не первые убитые тобой люди. Даже если ты убивал избирательно плохих людей, даже если только плохих хитрых ликменов, ты убивал их в мирное время. Это непростительно. Они сейчас не враги ни тебе, ни мне. Пускай Ерnodск — их теперь город, они такого не заслуживают. Ты, видать, не задумывался, но ведь и у них, наверняка, были семьи. Кого-то ждали дома маленькие дети: мальчики и девочки. И то, что они больше никогда не увидят своих отцов — это полностью на твоей совести. Только ты один за это в ответе.

Господин Уолес встал, отряхнулся и направился к выходу из подвала.

— Я хочу, чтобы завтра же ты ушёл. Было бы очень неприятно выгонять тебя силой, но для безопасности моей семьи я сделаю что угодно, — произнёс на прощание Найв и захлопнул за собой дверь.

Глава 12

Ночь Артен провёл без сна. Он лежал на холодном полу и думал. Рядом с ним лежала Налли, уткнувшись в его бок мордочкой, и тихо дремала. Но его это не успокаивало. Нет, покой — это то единственное, что ему в тот момент точно не требовалось. Конечно, сам бы он сказал обратное, но иногда именно неутомимый рой мыслей в голове помогает стать лучше. И Артен думал.

Была в словах господина Уолеса истина, с которой Артен никак не мог поспорить. Дети не должны страдать по вине родителей. Какими бы ужасными ни были их отцы, они приносили детям счастье тем, что они просто были живы. Дети не должны плакать. Артен не терпел ребячьих слёз. Он старался с самого детства сделать так, чтобы Вайрон, его маленький братик, всегда улыбался. Он был готов на всё ради этого. А был ли Вайрон счастлив, если бы ему утром показали сгоревшее тело Артена? Нет, это было бы настоящей трагедией. А ведь он сам уже совершил достаточно зла, чтобы кто-то рассудил, что и он заслуживает смерти. Любая родственная душа тех, кому причинил он боль, могла решить его убить, и в своём праве на это у них будет не меньше обоснований, чем у самого Артена.

И всё же почему он никогда не задумывался об этом раньше? Идея же о том, что у всех его жертв была семья, лежит на поверхности. Неужели слепая ярость из-за смерти Айхи настолько запеленала его разум? Не мог же он спускаться в самые злчные участки мира просто из ненависти? К несчастью, мог, и теперь он это видел.

Потирая свои ушибы и исследуя каждую рану на измученном теле, Артен искал ответ на вопрос: а хотела бы сама Айха, чтобы он перешёл все черты? Он знал, что ответ будет отрицательным, но надеялся отыскать хоть в каком-то воспоминании соломинку иллюзорного одобрения, говорящего, что он всё делал правильно. И всё же ничего подобного он отыскать так и не сумел. Он признавал, лёжа зимой на холодном полу, не согревая себя магией, что виноват во всём он сам, он сам стал чудовищем, которого искал.

Всю свою жизнь он был уверен, что ведёт себя как настоящий Нонморт. Он считал себя настоящим наследником вековых устоев и нравов, но одобрили бы они его поступки? Они отстаивали честь и достоинство, защищали ближних, были опорой для простых людей и власти. Нонморты были потомственными хаосниками, но именно теми, кто подчинил огонь себе. Конечно, иногда среди них проскальзывали и те, кто становились тиранами и палачами, но хотел бы Артен быть таким? Нет, он жаждал стать лучшим из Нонмортов. Быть расчётливым, как отец, но не становиться столь же холодным. Он хотел быть героем, а стал чудовищем, и исправить это было уже невозможно.

В душе Артен спрашивал себя, а есть ли хоть какой-то выход из сложившейся ситуации? Он мог бы уехать ещё дальше. Перебираться на попутных телегах и, работая по мелочи, забраться так далеко, где уже ни его имя, ни его род не играли бы роли совершенно ни для кого. Но изменит ли это его? Он уже был вдали от дома и даже тут причинил вред стольким, но так и не приблизился к цели. То есть он был жесток потому, что был жесток. Возможно, и там, за горами, он натворил бы дел.

Где-то он читал, что сожалеющие преступники могут сдаться властям и, уже отбывая наказание, находят покой. Нет, это бессмыслица. Он уже желал наказания за свою беспомощность и наказывал себя сам. Это бег по кругу, в котором ты не меняешься, а лишь убеждаешь себя в том, что наконец поступаешь верно. А после ты допускаешь новые ошибки и повторяешь действие.

Он мог бы закончить это ещё тогда, в пруду, на глазах у Налли. Больше бы он никому не причинил вреда... Но разве это не разбило бы чьё-нибудь сердце? Тот сон, что Артен видел прошлой ночью, не давал ему покоя. Он не смог бы простить себе, если бы с маленьким Вай-

роном, матерью и отцом случилось нечто подобное. А разве боль от потери сына не была бы для них страшнее того ужаса, что видел он сам? Задумавшись, он попытался представить, что чувствовала княгиня Рамина последние полгода, наблюдая за падением собственного сына. Он очень хотел ощутить хоть толику материнского волнения, но всё это было напрасно. Артен был ещё слишком юн. Да и не способен никто, кроме матери, прочувствовать всю эту боль. И ведь она всё равно продолжала его любить. Знала ли она о том, что происходит? Отец так точно быстро его раскусил, но какова вероятность, что он скрывал бы это от матери? Да и если бы князь умолчал, разве княгиня была глупа, чтобы не дойти до всего самостоятельно? Нет, она знала. И наверняка осуждала, но не могла не любить своего малыша. И разве смел он продолжать разбивать ей сердце, особенно теперь, когда он принялся заново думать.

Артен откинул голову и протянул руку к Налли. Она спала очень тихо, и ему было страшно её разбудить, но не погладить её шёрстку он никак не мог. За эти недели она стала его верным другом. Возможно, первым и единственным за всю эту жизнь. Сегодня она дралась за него, рискуя собственной головой. Да, иногда она казалась излишне гордой, или вредной, или даже едкой, но она его выручала. Артен сомневался, что достоин таких поступков. Точнее, он был уверен, что из-за всех своих дел он был совершенно этого не достоин. Но она всё равно это делала, а значит, ему оставалось только одно.

Утром, первым делом как встать с кровати, господин Уолес прошёл в комнату, в которой разместил Артена. Она была вычищена и пуста, ровно как в день заселения «морячка» на работу. Ничего в комнате не напоминало о том, что кто-то здесь проживал хоть ночь.

То, что происходило в это время в голове у Найва, сложно было бы описать в двух словах. С одной стороны, ему на самом деле стало легче. Больше никто не смущал его своим присутствием в доме и не напрягал горящими глазами. Он мог быть спокоен за жену и детей, никто бы им не причинил вреда. Он, наверное, мог бы успокоиться и в отношении города. Вряд ли человек собирал бы так тщательно вещи в гневе на весь мир. Скорее всего, Артен уже даже направился к границам города. Но что-то в душе всё равно грызло его. Точно не то, что Артен даже не оставил никакой записки. Возможно, парнишка на самом деле напоминал ему Саада, потерянного друга юности, но если и так, то господин Уолес этого и сам не осознавал. Просто на душе томила лёгкая грусть, как будто чего-то не хватало.

Найв позавтракал вместе с семьёй. Им он пока не стал ничего объяснять, просто сказал, что Артен сейчас занят и поиграть девочкам с ним не выйдет. Поцеловал Аби в щёку и, достав из ящика старое объявление о поиске сотрудника, спустился в лавку. Всё вновь приходилось делать самому. Он проверил сохранность всех товаров, стоявших на полках, подвинул парочку, чтобы ровнее смотрелись, и пошёл открывать ворота для встречи грузовых повозок. Там-то и ждала его неприятность.

За воротами стоял Артен с небольшим заплечным мешком и Налли. Парень выглядел как в прежние дни, аккуратно и порядочно, только мешки под глазами и обильные синяки говорили о событиях прошедших суток. Настроение у Найва стало значительно хуже.

— Я вроде бы чётко сказал тебе убираться прочь из моего дома, — спокойно, но совершенно серьёзно произнёс господин Уолес.

— Да, но господи...

— Никаких господинов Уолесов! Просто уходи. Ты уже достаточно натворил дел. — Найв потянулся рукой в карман, нащупал там горсть монет и протянул их Артену. — Держи, это оплата твоих трудов за последнюю неделю. А теперь ступай, мне ещё Алмеса сейчас разгрывать.

Артен не отставал от господина Уолеса и шёл вслед за ним, пытаясь донести свою мысль.

— Да, господин Уолес, Вы абсолютно правы, я натворил дел, подорвал доверие к себе, мне не может быть веры. Но я прошу Вас помочь мне! Я не контролирую себя, я потерял грань,

Вы правы. Так помогите мне её найти! Я очень Вас прошу! Вы же безумно опытный боец и при этом проживаете в городе ликменов, которых ненавидите, но остаётесь спокойным.

Тут господин Уолес развернулся, вытянул руку и остановил Артена.

— Стой-стой-стой, я хоть раз сказал, что ненавижу ликменов? А? — грубо ответил господин Уолес. — Думай, что говоришь и кому говоришь. И нет, я не боец, и ещё я не учитель.

Во внутренний двор лавки аккуратно, но с криками вкатились три повозки, до краёв загруженные посудой и прочими хрупкими товарами. На всю улицу стоял перезвон, но этим Алмес и был известен. Он был, по мнению многих, отвратительным перевозчиком, не соблюдающим никакие нормы, но при этом товар всегда привозил в целостности.

— Эй, хозяева, айда товар разгружать!

Господин Уолес недовольно посмотрел на перевозчика, а затем усмехнулся. Артену показалось, что в этой усмешке скрывается что-то тёмное и злое, но решил пропустить это мимо себя. Найв снова посмотрел на кудесника.

— Чего стоишь? Разгружай телеги! И поживее! — прикрикнул на Артена господин Уолес.

Юноша тут же сорвался с места выполнять указания, а господин Уолес и Алмес занялись надлежащими бумажными делами. Лишь Налли осталась сидеть на месте и, почёсывая себя за ухом, принялась размышлять, что же именно она только что увидела.

Все юридические вопросы по приёмке товара Найв решил очень быстро, после чего открыл лавку и для обычных покупателей. После вчерашних волнений город успел успокоиться, и многим требовались всякие безделушки, чтобы заменить что-то разбитое дома или же «потерянное», а кому-то и просто ради собственного удовольствия. И всё же, даже обслуживая всех многочисленных покупателей, господин Уолес краем глаза поглядывал за Артемом. Парнишка всегда прекрасно работал и выполнял всё беспрекословно. Даже магию не использовал, всё тащил на себе. Он строго исполнял всё согласно их договору. И хоть он был очень полезен Найву для управления в лавке, и ему не хотелось терять такого работника, но он был гораздо спокойнее, пока считал, что Артен уехал. То, что этот щенок остался и продолжает пока работать у него, было неприемлемо. Каждый уважающий себя человек не допустит того, чтобы жить под одной крышей с убийцей. И он не собирался держать его при себе. Нет, пусть возместит все проблемы Найва за прошлый день последней приёмкой товара, и тогда господин Уолес его прогонит. А приёмки сегодня будет много, так что и думать нечего.

Хоть Найв и осуждал всё то, что сделал Артен, сдавать его страже он тоже не собирался. Да и стража как таковая сейчас недееспособна. Как слышал сам господин Уолес от посетителей, капитан городской стражи сложил с себя полномочия вчера. С таких должностей редко уходят самостоятельно, а значит, что-то творилось там за кулисами государства, и в это время любое заявление будет отложено в дальний ящик и забыто. Господин Уолес всегда подмечал такие моменты, но образования для понимания, что именно происходит за ширмой, ему не хватало. Так что и сдавать Артена было бесполезно.

А вот чего Найв так и не мог понять, кем же является Артен? Сорвавшимся кудесником или опаснейшим маньяком? Он не хотел знать историю своего работника. Чем меньше знаешь, тем легче жить. Это он усвоил ещё на войне, теряя товарищей каждый день. И потом, когда отказался покидать родной дом после поражения объединённых сил орков и Чёрного королевства. Большинство тогда уезжало, освобождая земли для ликменов. Все люди юга несли тогда траур, это было страшнейшее поражение, и согласно ему они должны были покинуть родные дома, но Найв не посмел. И он пытался наладить отношения с новыми хозяевами Ерnodска, а те лишь смеялись ему в лицо. Они использовали все знания о нём против него самого. Ликмены доброжелательны к людям лишь до того момента, пока вопрос не касается денег. И тогда он

перестал разговаривать о жизни со всеми. Лучше держать подробности истории своей жизни при себе.

Однако, хоть в миру ликмены и вели себя с Найвом двулично и лживо, он их не ненавидел, как думал Артен. Он знал, что гномы ведут себя не лучше. Они тоже жаждут наживы, но терпеть не могут абсолютно всех и этого даже не скрывают. А эльфы, особенно линнские, двуличные ребята, которые всадят тебе нож в спину, и глазом моргнуть не успеешь. Вампиры, как и вся нежить, были ужасными монстрами, которым веры и быть не может, и это знали все. Да и люди, чего греха таить, были далеко не святыми. И те, что с севера, под властью Белого короля, и его сограждане с юга — все имели недостатки, а Найв как торговец понимал такие вещи. А ещё он знал, какими ликмены бывают на войне. Пусть большая их часть сражалась на стороне врагов, но в те времена ликмены были везде. Он делил с ними кров и последний кусок хлеба. Они спасали жизни друг другу. И как этот парнишка мог только подумать, что Найв их ненавидит? Это нелепо!

Предаваясь мыслям и воспоминаниям, господин Уолес торговал до самого ужина, пока Аби не спустилась с подносом с кухни и не напомнила, что пора закрывать лавку. Найв затворил дверь, предварительно повесив табличку «закрыто», и вернулся за прилавок. Супруга же выставляла с подноса тарелки с супом, мясной запеканкой и стакан ещё горячего компота. Она всегда готовила то, чему учили её бабушки и мама, и потому, как бы хорошо ни шла торговля, они всегда питались простой домашней едой. И Найву это нравилось. Как и то, что иногда в порыве любви она оставляла дочерей наверху и спускалась к нему сюда, чтобы просто накормить, оставшись хоть на двадцать минут только вдвоём. В такие моменты он удивлялся, как только ему удалось завоевать сердце столь прекрасной женщины.

— Артен сегодня так умачался, разгружая эти повозки, знаешь, — начала разговор Аби, — что я ему на улицу тоже вынесла ужин. Ты же не против? Ну вот. Он сейчас так страшно выглядит... Я прям ужаснулась! Это же не из-за нагрузки? Ты же не перегружаешь парня? Он вроде отлично справляется, особенно для своего возраста. Ты, кстати, не знаешь, сколько ему? Мне вот думается, что около восемнадцати. Такой юный, а работает уже за троих. Хотя, как говорила моя матушка, у молодёжи сил много — на них хоть поле пахать. Так вот, я думаю, он точно не на работе такие синяки получил? Уж больно страшные. Нет? Ну и хорошо. И всё же как он прекрасно справляется, правда? Тогда почему я услышала от Майлы, что папа прогоняет Артена?

Всю речь жены Найв слушал вполуха. Ему нравилось, что она рядом, и он знал, что ей очень хочется, чтобы они больше общались, но ему тоже требовалось отдохнуть, и потому он освоил навык самопроизвольного разговора. Пока его сознание спокойно дремало, уплетая вкуснейший ужин, его язык поддерживал беседу. Он отвечал на элементарные вопросы, соглашался с любимой женой и всегда выдавал слова, подходящие моменту. Главное, было уловить тот момент, когда простых согласий становилось недостаточно и требовалось выдать полноценное умозаключение. И это был тот самый момент.

Найв чуть не подавился, когда услышал вопрос Аби. Он точно об этом никому не говорил. И когда они с Артемом ругались в подвале, девочки однозначно спали. Так откуда Майле пришла мысль, что он намерен выгнать своего работника? Сама догадалась? Дети всегда поражали его своим умом, но это было уже чересчур.

Господин Уолес оглядел лавку, чтобы убедиться, что больше тут никого нет и их никто не подслушивает. Нашёл он только Налли, что тихонько сидела в углу и внимательно следила за ним. Эта собака ещё прошлой ночью его поразила, поэтому Найв решил перестраховаться. Он встал и, не проронив ни слова, направился к Налли. Она поняла такой намёк и рванула во двор. Найв запер дверь и за ней.

— Зачем ты её прогнал, Найв? — удивлённо спросила Аби. — С тобой всё хорошо?

— Да, — несколько грубо ответил господин Уолес, — просто предчувствие, что так будет лучше.

Он подошёл к окошку, взглянул на Артена, сидящего во дворе с тарелкой в руках, и на бегущую к нему Налли, а задвинул шторы.

— Откуда Майла узнала, что я хочу его уволить? — тихо спросил Найв.

— Не знаю, я у неё не стала это спрашивать, — также тихо ответила Аби. — Так ты всё же собираешься его уволить? Найв, почему? Он же так хорошо со всем справляется! У тебя и времени стало больше, как мы и хотели. И мы с девочками меньше погружены в дела лавки, как ты и хотел. Если он с чем-то не справляется, так это же вопрос опыта, просто обучи его...

— Аби, не все ошибки можно исправить. Опыт — не всегда решение проблем. Есть вещи, которые просто недопустимы!

Аби вздрогнула.

— Ты мне всегда говорил, что в делах лавки нет непоправимых ошибок.

— В делах лавки нет, а в жизни есть! — настаивал Найв. — Аби, он опасен. Ты видела его раны, он их получил сам вчера. Только его действия привели к этому. Он вредил людям, возможно, даже очень серьёзно.

Господин Уолес старался смягчить произошедшее, чтобы не сильно беспокоить жену. Он всегда видел в ней очень уязвимого человека, который принимает всё близко к сердцу, и потому пытался уберечь её от лишних волнений. На его беду она была достаточно умной, чтобы понимать всё, о чём муж пытался умолчать.

— Ты уверен в этом?

— Совершенно точно, я сам вчера его утащил с улицы.

Аби тяжело вздохнула и задумалась.

— Значит, у него были причины на это, — спокойно сказала Аби.

Найв был огорошен выводом своей жены. У него даже рот слегка приоткрылся от удивления.

— Аби, ты, видимо, не совсем поняла...

— Его любят дети, Найв, — твёрдо ответила супруга. — А ещё и животные. Человек, которого так любят собака и маленькая девочка, не может быть пропащим.

— Он клеймён, — пытался отстоять свою позицию господин Уолес. — Аби, мы вообще не должны были ему помогать. Он ходячий покойник, его обрекли на одиночество, страдания и гибель. Он перешёл дорогу очень нехорошим людям и очень влиятельным. Как ты думаешь, может ли хороший человек вляпаться в такое?

Аби подошла вплотную к Найву, взяла его за руки и поцеловала.

— Найв, он не причинял вреда детям и животным. Услышь меня, он не безнадёжен! И если он оказался на дне, но старается выбраться, мы должны помочь ему. Эти люди не знают, где он. Не знают, что мы ему помогаем. Всё будет хорошо.

— Если он не совершит какую-нибудь глупость снова.

Найв знал, что уже проиграл. Ты можешь привести сколько угодно доводов женщине, но если её чутьё, приметы и звёзды говорят другое, ты не сможешь выиграть в споре. И за тринадцать лет совместной жизни Найв это усвоил. Теперь он не мог прогнать Артена. Точнее, он мог бы проявить упрямство и сделать это, но потом неделями выслушивал бы, насколько неудачным было его решение. И в конечном счёте он бы очень пожалел, что избавился от Артена.

Налли весь день крутилась возле господина Уолеса. Она очень хотела услышать первой, что же решил хозяин лавки, тогда, если бы он решил их прогнать, ей бы удалось ещё что-то сделать, подсказать что-то Артену или совершить ещё что-нибудь. Вот только господин Уолес ничего такого не говорил. Он не размышлял вслух и не проронил ни слова никому. Даже когда

Алмес расспрашивал Найва о том расторопном пареньке, что трудится на улице, он никак не отреагировал на тему о перекупе труженика. И тогда ей пришлось пойти ва-банк.

Она подбежала к Майле, что играла во дворе с тряпичной куколкой, и присоединилась к забаве. Она давала себя чесать, кидать ей палку, отдавать ей команды и даже согласилась на роль дракона, сторожащего прекрасную принцессу. И вот в какой-то момент игры дракон аккуратно произнёс:

— Отец прогоняет Артена.

Майла не могла поверить. Она чётко слышала чей-то голос, но поблизости никого не было, кроме Налли, но ведь все знают, даже дети, что собаки не умеют говорить. Майла пристально посмотрела в добрые и озорные глаза собаки.

— Ряв! — пролаяла Налли и завертела хвостом.

«Нет, — точно решила для себя девочка, — это была не Налли». Значит, то, что она слышала, сказал кто-то взрослый. А ведь взрослые врать не будут! И тут по лицу у девочки полились слёзы, с которыми она побежала к маме.

Налли не понравилось то, что она сделала. Детские слёзы — это всегда последнее средство, и она сожалела, что пришлось на это пойти.

Весь день Артен работал на износ. Для него было важно заслужить доверие господина Уолеса заново, и он был готов сделать что угодно ради этого. И он впахивал, но теперь, продолжая размышлять, а не как прежде, пытаясь в работе забыться. Он не знал, что будет делать, если господин Уолес его всё же прогонит. Был ли у него хоть один шанс совладать с самим собой?

Артен слышал истории про тех, кто сходил с ума под действием магии. Это почти как стать элементом, становишься чистым воплощением магии. Их нарекают магоферами. Они не контролируют сами себя, они просто отданы потоку магической энергии. Магоферы не отдают отчёт своим действиям, магия раскрывает их потаённые желания и ведёт к ним. Хаосники и природники подвержены обращению в них больше других, они слишком эмоциональны. Артен считал, что изучение магии смерти являлось гарантией сохранения им рассудка. Вот только сейчас его уверенность пошатнулась. Он плохо помнил себя в моменты свершения убийств, но всегда считал, что он сохранял контроль над собой. А вот теперь он не знал точного ответа. Прежде думать о таком ему не приходилось. Нет, он не снимал с себя ответственности за все совершённые дела, но он хотел бы знать точно, что всё, что он делал, делал он сам. Артен не мог допустить, чтобы неведомая сила руководила им. В конце концов, он князь, и в нём играло собственное честолюбие. И хоть учиться он не любил, он был готов получить урок, чтобы остаться собой.

В таких размышлениях он провёл весь день, пока перетаскивал груз из повозок в подвал и наоборот. Налли пришла к нему лишь во время ужина, и он поделился с ней запеканкой. Это был их момент единения, когда можно было спокойно посидеть и помолчать вдвоём. Прежде он не так сильно ценил такие мгновения, но сейчас он хотел бы, чтобы это продолжалось вечно. Он был совсем не уверен, что господин Уолес разрешит ему остаться и уж тем более преподаст необходимые уроки самоконтроля, и оттого этот ужин был особенным.

— Он и сам не знает, что делать, — тихо сказала Налли, словно читая его мысли.

Артен промолчал. На это ему нечего было ответить, да и по-хорошему он бы и сам не стал держать у себя убийцу. Так что он морально уже был готов покинуть лавку даже в разгар зимы.

Снежинка аккуратно упала Артену на нос, а он сдул её своим тёплым дыханием.

— Спасибо тебе ещё раз, Налли. Я не знаю, что бы я делал без тебя, — сказал молодой князь, погладив левой рукой собачью холку. — Ты меня опять выручила... Вот только я никак

не могу понять, почему ты продолжаешь это делать? Ты разумная собака, но вертишься вокруг человека, совершающего ужасные вещи. Почему?

Налли насупилась. Она фыркнула носом и уткнулась мордочкой в остатки мясной запеканки.

— Налли, я не хотел тебя обидеть, — попытался исправить ситуацию Артен. — Я искренне тебе благодарен! И если ты не хочешь, не отвечай. Вот только я правда не понимаю причин.

Артен смахнул ещё пару снежинок, опустившихся ему на лицо. Он отвернулся и кинул взгляд на лавку. Двери были плотно закрыты, а наверху со второго этажа на него смотрело весёлое личико маленькой девочки, что напоказ играла своими тряпичными куклами, будто завлекая его наверх.

— Ты не чудовище, — вдруг произнесла Налли. — И не самый ужасный человек на земле. Ты сделал много ужасного и причинил много боли, но это не повод ставить на тебе крест. То, что ты сделал, нельзя изменить уже, но это было совершенно не из ненависти ко всему живому, не из холодного расчёта жестокости или идеологического отторжения к ликменам, а в порыве эмоций. Это не оправдывает тебя ни капельки, но оставляет в твоей душе место для света. И сам ты поменяться ещё можешь.

Налли придвинулась к его ногам и прижалась к ним, тихонько поскуливая. Артен посмотрел наверх на облака и искал в небе новые снежинки, пока по его горячим щекам лились первые за долгое время слёзы благодарности. Он был рад, что Налли была рядом с ним и верила в него. Иногда простой веры одного человека в другого хватало, чтобы свернуть горы.

— Кхм, — раздался мужской голос и вернул Артена на землю.

Это был господин Уолес. Он стоял перед Артемом и Налли, держа в руках две длинные палки.

— Ты можешь остаться у нас до того дня, пока зима не закончится, — сказал хозяин лавки, — но тогда к твоим обычным обязанностям прибавятся ещё два обязательных пункта. Каждое утро и каждый вечер ты будешь спускаться в подвал и, не ленись, исполнять любое моё указание. Даже если оно будет казаться тебе глупым или бессмысленным, ты будешь это делать молча и беспрекословно. Понял? Тогда начнём с сегодняшнего дня.

И Артен ушёл вслед за господином Уолесом вниз, не сказав ничего, хотя по его глазам читались слова благодарности.

Глава 13

Если бы хоть кто-нибудь в будущей жизни князя Артена Нонморта спросил его, чем он занимался зимой сорок третьего года, он бы не смог объяснить это в двух словах, не выходя из рамок благопристойной речи. Он и не подозревал, что именно будет требовать от него Найв дважды в день, когда соглашался, но он точно не сожалел никогда о своём решении.

Каждое утро они начинали с физических нагрузок, включающих бег, зарядку, переносы тяжестей и медитацию. Господин Уолес, бывало, менял порядок или сами упражнения, но всегда настаивал на дополнительной закалке. Он требовал, чтобы Артен нырял в снег или обливался морозной водой, утверждая, что только после этого разум юноши будет по-настоящему пробуждённым. И, естественно, не могло быть и речи, чтобы у всех заданий был конкретный норматив. Господин Уолес каждый раз определял сам, когда с Артена хватит. И если подопечный делал что-то не так, пытался как-то отлынивать, то в ход шли две длинные палки мастера. Они были достаточно упруги, чтобы простой удар по человеческой кости не поломал их. Найв ими правил Артена, помогая принять нужную позицию, устанавливал спортивные планки и бил за провинности, следя за реакцией юноши.

Как-то раз Артен сорвался на господина Уолеса. Парень так упорно отжимался, но Найв не давал ему передышку, постоянно усложняя задачу. Сперва он добивался идеальной стойки, затем нагрузил ему спину небольшими мешочками с сахаром, а потом потребовал убрать одну руку. И вот когда господин Уолес направил свою учительскую палку на руку Артена, юноша вскипел. Он попытался схватить её рукой и отобрать, сваливая с себя нагруженные мешки, за что тут же был наказан новыми ударами палки. Гнев свирепел внутри у Артена, и он получил освобождение. В глазах парня сверкнула искра, и он бросился вперёд, пытаясь лишить Найва преимущества в виде удержания дистанции палками. Но уже в следующее мгновение он вновь лежал на полу, споткнувшись о подножку господина Уолеса, облитый ведром колодезной воды.

Такое повторялось раз в какое-то время, особенно в дни, когда Найв по вечерам решал обучить Артена искусству боя. Они становились друг против друга и отрабатывали удары, приёмы и общий размах ведения боя. У Артена была хорошая основа для отличного бойца, по словам господина Уолеса, что, собственно, неудивительно. Князья с детства оттачивали навыки боя, и Нонморты позволяли себе нанимать лучших учителей. Рукопашный бой, владение мечом и уличная борьба — всё это составляло обязательный список занятий, по мнению князя Секта. Он прививал сыну навыки, которые должны были выручить в стандартной ситуации, но никто из преподавателей так и не донёс до Артена мысль о самоконтроле. Их уроки были нацелены на критические ситуации, чтобы выручить молодого князя без особой оглядки на то, какой вред они наносят противнику. Враг должен быть повержен! И, используя холодный ум Нонмортов и невозможность нанесения полноценного боевого ответа Его Сиятельству, Артен становился непобедим для преподавателей.

Теперь же ситуация изменилась. Господин Уолес прошёл войну. Он сражался за свою жизнь с людьми и ликменами, которые превосходили его в силе. И такие бои часто выигрывались не красивым выпадом меча и даже не розочкой по горлу. Следовало точно осознавать свои силы, какой у них предел и как ты можешь их контролировать. Если ты будешь вкладывать в каждый свой удар пик своих боевых возможностей, то ты сможешь победить нескольких врагов, а после тебя с лёгкостью прикончат. Бой может длиться сутками, без перерыва на сон или обед, ты обязан понимать, сколько запала в тебе осталось. Потому господин Уолес все поединки оставлял на вечер. Он изматывал Артена, пытаясь раскрыть весь его потенциал.

Конечно, в таком бою очень часто многое решает случай, отчего выходить вечно победителем господин Уолес не мог. Иногда Артен мог застать его врасплох, комбинируя самые несочетаемые стили боя. Или он мог воспользоваться неудобной позицией своего наставника

и свалить его с ног. Все эти победы служили той же идее: нужно было вовремя остановиться. Нельзя продолжать бой с важным для тебя человеком до бесконечности, иначе ты рискуешь разбить его голову о мостовую. И Артен учился контролировать свои силы.

Помимо боевых тренировок вечерами господин Уолес мог заставить Артена выполнять по-настоящему странную работу. Например, Артен целую неделю красил паллеты в подвале сперва в зелёный цвет, а затем в оранжевый, потом перекрашивал в чёрный... И так до того момента, пока на белом не закончились доступные цвета. Это была очень монотонная работа, выводившая юношу из себя. Он тратил на это часы, и всё, чтобы потом господин Уолес был недоволен итогом. И самое страшное, он знал, что это бесполезная трата краски, но продолжал трудиться до глубокой ночи. У него были мысли спалить весь этот подвал напрочь, но потом он выдыхал. Холодным разумом он знал, что это всё уроки терпению, но юношеский максимализм кричал, что если замысел так ясен, то и тратить столько времени на это не стоит.

И всё же Артен тратил своё время на покраску паллетов, на перебор смешанных круп, на разбор стопок скопившихся бумаг за годы ведения лавки. Последнее Артена особенно раздражало. В них за истечением срока давности не было никакого смысла, но иногда среди вороха бесполезной макулатуры попадались рисунки Майлы и Сейлы, которые туда подсовывал сам господин Уолес. Их требовалось достать и аккуратно сложить в отдельную стопку, а если хоть один из них потеряется, то работу следовало проделывать с самого начала. Вот тут Артен и понял, насколько важно сдерживать своё пламя, чтобы не спалить целый мир. Но нет, парень не боялся, что, уничтожив гору старых бумаг, может поджечь ещё что-нибудь. Куда больше его беспокоило осознание, что его пламя способно не оставить и следа от детских рисунков. И слёзы двух маленьких девочек, что являлись ему перед глазами, тушили искры безумной ярости в его глазах.

Перебирая те бумаги, что приносил ему грудой господин Уолес, Артен часто натёкался на различные газетные вырезки. Ему попадались записи десятилетней давности, где рассматривался вопрос о государственном устройстве. Некий философ Дунгес утверждал, что закрепление монархии — ошибка ликменов. Мол, их народ склонен к самоуправлению, и подражание соседним странам негативно скажется на самоопределении ликменов. Были и свежие газетные выпуски, где тот же философ поддерживал всяческие жёсткие реформы короля по усилению стражи. Иногда попадались и культурные вырезки, напоминающие людям о важных исторических праздниках, но их Артен просматривал краем глаза. А вот газету о поджогах в Ерnodске молодой князь оставил себе. Удивительно было, как по прошествии всего пары дней новоиспечённый капитан городской стражи повесил всю вину за пожары и смерти на столкновение двух бандитских группировок. И больше уже никто и словом не вспоминал драконов, про которых, со слов Налли, в тот день кричали на каждом шагу.

Что до самой Налли, то она никогда не присутствовала на занятиях Артена. Она понимала, что ей там не место. Одно дело слегка что-то подсказать человеку, чтобы тот сохранил крышу над головой, и совсем другое — лезть в воспитание. Это было то, что Артен должен был пройти сам, без никого. И потому дворняга слонялась по городу в сопровождении двух бродячих псов.

Налли дала всей своей боевой стае свободу, сразу как они отбили Артена. Ей не нужна была собачья армия, она просто воспользовалась ими в своих целях. «Пусть теперь они живут как хотят», — рассуждала Налли, хотя и сама понимала, что поодиночке собаки не ходят. Чёрный пёс в своей среде снова стал лидером и увёл стаю за собой, не давая и шанса на самостоятельную жизнь уличным собакам. Вот только своего поражения он не забыл и всегда приставлял парочку псов к Налли как её личную охрану. И этого решения рыжая дворняжка никак не могла оспорить, так как всё было правильно с собачьей точки зрения.

После пожаров собачий мир в Ерnodске стал спокойнее. Часть бродячих псов так и не вернулась в город, а домашние питомцы перестали выполнять петушиную работу. И пона-

чалу Налли это даже нравилось. Пожирателей объедков у мясников уменьшилось, и теперь она могла вновь выбирать наиболее привлекательные куски. По улицам стало проще бегать, было меньше шансов столкнуться с какой-нибудь неприятной уличной шавкой, которая ещё не поняла, как себя вести рядом с Налли. Ну и наконец, с новым её эскортом к ней перестали подбивать клинья любвеобильные кобели, которые были ей не по вкусу.

Правда, уже примерно через месяц Налли заметила необычных стражников. Они носили с собой какие-то дудки и палки с петлёй вместо мечей и дубинок. И хотя они выглядели в остальном как обычные стражи, их появление очень смутило Налли. И не зря. Очень скоро они принялись хватать бродячих псов и сажать в клетки.

Налли не забудет тот день, когда они, как всегда, предвкушали грядущую трапезу у чёрного входа мясной лавки. Вся стая, за исключением её и Чёрного пса, бегала и игралась. Они не причиняли никому вреда... И тут вместо пухлого усатого мужчины, который всегда выносил им вкусности, вышли трое таких стражей. Они пускали дротики из дудки в собак, и те падали на землю. Налли не успела даже понять, уснули они или погибли, так как ей на морду пытались нацепить петлю. Лишь реакция Чёрного пса уберегла её тогда. Он отбил лапой палку стражников и лаем призвал всю стаю бежать прочь. Не всем повезло тогда спастись из мясного двора, стая сильно поредела. И теперь все понимали, что улицы перестали быть безопасными.

Такое всегда случалось почти во всех городах, где появлялась Налли. Она всегда хотела как лучше, давала им свободу, но из-за одного несдержанного пса, который оказывался на улице, после страдали все. Стоило кому-то укусить ребёнка или знатного человека, и за уличными собаками объявлялась охота. Она отдавала себе отчёт, что это хотя бы частично её вина, ведь далеко не во всех уголках Язуы пойманных зверей оставляли в живых, а она всё равно уводила их из домов. Она надеялась, что хоть где-то ситуация будет другой... И тут она частично оказалась права. Ерnodск стал первым городом, где на собак открыли охоту при помощи засад. Раньше она видела, как стражники по трое загоняли одну собаку на улице. Всё, чтобы общественность лицемерила своих защитников. А здесь им всем словно объявили войну.

Налли на целый день забилась под кровать Артена и скулила. Ей было тошно думать, что теперь абсолютно все собаки в городе не смогут чувствовать себя в безопасности, где бы они ни находились. А ведь какие-нибудь крысы, которые были во много раз хуже, будут продолжать бегать по помойкам, и никто с ними ничего не сделает. Или же кошки, которые через тройку месяцев начнут глотку рвать на всю столицу, будут жить спокойно, как и прежде. И эта несправедливость не давала ей покоя.

Был ещё один класс городских обитателей, который очень скоро почувствовал на себе серьёзный удар, — бродяги. Все те, кто ночевал под мостом и охотился на уличных птиц, были подвергнуты похожему отлову. Города исторического центра не терпели на своих улицах грязных свидетельств нищеты, но иногда мирились с ними. Они допускали их появление, но гнали их с главных улиц. Когда же те не понимали, что от них хочет правительство, к делу подключалась стража. Они крутили обездоленных и отправляли их в перевалочный лагерь, где бродяги ждали своей очереди для ссылки в Загорье. Их гнали туда обозами под надзором вместе с ворами и убийцами, у которых не было шансов на исправление. И уже там, за краями Первого Гномьего Королевства, они могли начинать новую жизнь. Или продолжали бродить без всякого надзора. Это и отличало людей от собак. Им всё равно сохраняли жизнь. Мир осудил бы вырезание разумных существ, но с четвероногими же всё сложнее. Их можно было забивать хоть сотнями, и большинство и слова не скажет. И Налли это всегда казалось несправедливым.

Немного оклемавшись после мясницкой засады, Налли выползла и поделилась произошедшим с Артемом. В нём закипала злость от её рассказа. Она опасалась, что ещё немного, и в его глазах засверкает нездоровый блеск, но он был слишком вымотан господином Уолесом. Вместо этого Артен встал и спустился в лавку. Через пять минут он вернулся с бумагой и чернилами.

Это было первое письмо, которое молодой князь написал домой. Он давно собирался это сделать, но никогда не мог подобрать слов. Артен знал, что мать беспокоится о нём, не получая известий. Даже князь Сект вряд ли мог оставаться непоколебимым, не получая известий от местного посла о состоянии сына. Вот только Артену всё равно было слишком сложно написать просто так. Теперь же он писал из необходимости.

Послание включало в себя две части: одна предназначалась всей семье, а вторая — только для отца семейства. Сперва он выражал своё почтение родителям и семье и извинялся, что за несколько месяцев не написал и строчки. Он искренне раскаивался и сожалел об этом и говорил, что очень соскучился по ним. Также он просил передать его крепкие братские объятия Вайрону, которого ему не хватало. Затем он, не вдаваясь в большие подробности, расписал, как живёт и чем занимается. Он не стал уточнять все события прошлых недель, чтобы никто за него не волновался излишне. Единственное, что он уточнил, — так это то, что он потерял рекомендации к послу и его адрес, но уверял, что это не проблема. В конце он пообещал писать в будущем чаще, оставил адрес своего проживания. Также Артен просил принести также извинения от его имени всей домашней прислуге за его юношеский взрывной характер. Он не сомневался, что причинил кому-нибудь из них боль.

Вторая часть послания выступала приложением к основному письму. Артен понимал, что его княжеский титул за границей не будет ничего значить, если он захочет даже просто узнать, что происходит с отловленными собаками. Конечно, было странно напрягать этим уважаемого всеми политического деятеля, но другой выход из этой ситуации нравился Артену ещё меньше. И вот он просил отца узнать о том, что происходит, где содержат и какие планы на этих самых собак. Он обещал, что от этих знаний никто не пострадает, и просто просил помочь.

Когда Артен закончил писать письмо, он сходил на почту и отправил его. После этого Налли стало полегче. Она знала, что ей узнать ответ по-собачьи будет проще и быстрее, но сами действия Артена, его решимость, успокоили дворняжку, и это было самое главное. Потому все следующие двенадцать дней ожидания ответного письма. Налли вела себя как обычно. Да, теперь её сопровождал Чёрный пёс, который всегда приглядывал за обстановкой и контролировал движение всей стаи, но она продолжала заниматься своими делами. Хоть иногда и убегала от стражников с узловыми палками.

В письме, которое пришло в ответ Артену, содержалось также две части. Одно — эмоциональное материнское. По нему чувствовалось, как в процессе его написания у княгини Рамины менялось настроение. Поначалу она слёзно корила Артена за столь долгое молчание, за то, что материнские чувства и в грош не ставит. Она не просила, а требовала чаще писать и рассказывать о своей жизни, иначе она будет чаще сама ему писать и беспокоить его, не хочет же он, чтобы мама страдала. Не сложно же выделить на письмо пару минут за целую неделю! Но постепенно её тон смягчался, и она уже извинялась за свою грубость, но с поправкой, что он осознал свою вину. Потом княгиня переключилась на описание домашних историй, на то, как подрос Вайрон, как он скучает по старшему брату, и закончила всё любовным признанием к сыну. Артена очень тронуло материнское послание, и он дал себе слово писать в Шэхирк каждые десять дней.

В сообщении отца же всё было сухо и по делу. Князь Сект навёл некоторые справки и смог ознакомиться с последними указами короля Сабидора во внутренней политике. Все они, так или иначе, призывали к очищению городов и к укреплению внутренних структур. Вся страна должна была снова стать безопасной. По этой причине стража взялась и за собак. Их требовалось устранить с улиц и избавиться без лишнего шума. Конечно, массовый отстрел на глазах у горожан был бы неприемлем, поэтому их сначала усыпляли, а затем отвозили на крупную скотобойню, расположенную за восточной стеной, где их бы уже никто не осудил. Дальнейшая судьба собачьих тел покрыта мраком. Не забыл князь Сект и вложить в письмо

адрес и рекомендации к послу короля Фаенга, которые Артен за ненужностью отложил на дальнюю полку шкафа.

Когда Артен рассказал обо всём Налли, та сразу умчалась. У неё появилась новая цель, но она должна была всё предварительно изучить. Сдержать её у Артена ни за что бы не получилось, и он достал лист бумаги и принялся писать ответ матери. Это был его долг. Долг хорошего сына.

Для господина Уолеса эти недели были безумно утомительны. Он давно уже сам забросил любые тренировки, считая это делом молодых, а тут пришлось по новой напрягаться. И потому он всегда был особенно рад, когда ему удавалось придумать новую утомительную работёнку для Артена. Это давало ему спокойного времени на себя и детей.

С Аби они больше не спорили об Артене. Жена иногда упрекала его в том, что он слишком издевается над парнем, но эти слова он пропускал мимо ушей. Это был тот тип жалоб, на которые лучше просто не реагировать, чтобы потом не накосячить. Что Аби могла знать о том, как стоит муштровать молодого парня? Он должен был пройти весь курс молодого бойца, и Найв собирался ему это предоставить.

Начал ли после начала тренировок Найв доверять Артену? Едва ли. Теперь он ещё чаще видел этот безумный блеск. Во время схваток, во время тренировок, когда давал бессмысленные задания — всё хоть на секунду, но пробуждало искру безумия. И Найв знал, что навсегда она не уйдёт никогда. Важно было лишь научиться её сдерживать. В этом и была, по его мнению, вечная беда с магией — она пленяла своим могуществом. Кудесники могли твердить сколько угодно, что лучи магии пронизывают всё сущее, но лишь умение ими пользоваться ведёт человека в бездну.

Найв не ставил крест на всей магии, он видел её плюсы. Он знал, что с помощью неё всё можно делать быстрее и проще, что она способна спасать жизни, но за этим всегда крылась обратная сторона медали. Все кудесники, что были на войне, иногда забывали, к чему приводит такое могущество. Когда противника ты убиваешь мечом, ты чётко понимаешь цену жизни. А вот понимает ли это тот, кто поражает противника огненным шаром? Скорее всего, да, отвечал себе Найв, но это всё равно было не то же самое. Он разговаривал с арбалетчиками, и уже они это ощущали не так тяжело, как простой солдат, а с магией расстояние между тобой и осознанием смерти ещё больше. Он всегда говорил, что каждый кудесник должен пройти боевое крещение в реальном бою, не используя своё колдовство, чтобы понимать и помнить цену собственной жизни. И теперь он пытался донести суть до одного из них.

И однажды вечером господин Уолес почувствовал, что всё делает не зря. Он сидел в кресле у себя в комнате и читал свежую газету, когда его нос ощутил запах дыма. Он шёл откуда-то с улицы, из дворовой части. Найв выглянул в окно и увидел, как Артен бросил какие-то тряпки в большой уличный костёр. Рядом с юношей крутились Майла с Налли, они подтаскивали всякие палки, которые хотели бы тоже спалить. И все были радостные и весёлые, как будто бы вновь на улице лето и никакого снега вокруг нет и в помине. Найв пригляделся и увидел огниво в руках у молодого кудесника. Вот тогда и он успокоился.

Письмо Артена всколыхнуло поместье Нонмортвов. До его появления в доме все пытались жить, как будто ничего не случилось. Тихонько общались, собирались лишь за приёмами пищи. Каждый переживал беспокойство внутри себя. Больше всего это било по Вайрону, который с отъездом брата почувствовал себя брошенным всеми. Отец и так всегда предпочитал работу общению с сыном, а теперь и мать стала слишком замкнутой. Даже по прислуге чувствовалось общее беспокойство. И Вайрону было невероятно одиноко. Он пытался развеселить всех, дурачился и игрался, но это лишь раздражало окружающих, и мальчик терялся.

Княгиня понимала, что поступает неправильно, но иначе не могла. Она очень любила обоих своих мальчиков, но один из них был сейчас рядом, и с ним всё было хорошо, а о втором они не слышали ничего. И когда Вайрон дурачился, привлекая внимание, Рамина пыталась улыбаться, чтобы сделать сыну приятно, но удавалось это далеко не всегда. Она могла на него сорваться и отругать мальчика, а потом ходила и винила себя за это. Она приходила в таких чувствах по ночам к мужу. Она называла себя плохой матерью, бесконечно ругала себя и плакала. Без весточек Артена она пролила много слёз. Князь пытался её утешить и уверял, что он получал информацию, что со старшим сыном всё хорошо, но это не сильно помогало. Она хотела верить супругу, но на подкорке собственного сознания чувствовала, что он ей лжёт. И от этого ей было ещё тяжелее.

Когда письмо всё же дошло, княгиня нашла у себя несколько новых седых прядок. Но в тот момент это её не интересовало. Её сын прислал весточку. Он был жив! Здоров! И с ним всё было хорошо! Она была без ума от радости и в первые пару минут позволила себе даже перейти на визг, словно ещё была юной девицей. Позже она совладала с собой, но улыбка не сходила с её лица. Она зачитывала это письмо вслух за столом, читала его прислуге и перечитывала, оставаясь в одиночестве. И она всегда очень старалась держать княжеское лицо, даже наедине с собой.

В тот день Вайрон первым почувствовал перемены в материнском настроении и собиравшись пользоваться этим на полную. В нарушение всяких домовых порядков он пробирався к ней и ластился. Он старался проводить с ней каждую минутку, делился любой мелочью и цеплялся за добрую материнскую улыбку. И никто его не гонял, даже прислуга, которая всегда подмечала его исчезновения. Наоборот, мать и сама его голубила и даже прикупила желанные безделушки, которые князь Сект ни в коем случае не одобрял.

Разумеется, Вайрон и сам обрадовался письму. Он не знал, из-за чего все так переживают, но он очень соскучился по брату, а это был сигнал, что если ещё немного подождать, то Артен вернётся. И мальчик стал чаще спрашивать всех вокруг: «А когда Артен придет?» И никто не мог дать ему чёткого ответа, но все были радостны, а это уже был хороший знак.

Единственный, кто не подавал виду, был князь Сект. Хоть и сам он переживал за сына, но прятал это глубоко внутри. Он всегда был уверен в том, что Артен сможет справиться с любой ситуацией, но тот гнев, что питал душу старшего сына, его пугал. Такая буря эмоций могла завести не туда. И она уже творила настоящий ужас. Князь Сект был одним из немногих, кто знал все подробности Шэхирских пожаров. Когда-то в юности, смотря в жестокие глаза отца, дедушки Артена, князь Сект обещал себе сдержать это пламя внутри себя. И думалось ему, что всё у него получилось. Он надеялся, что прервал порочный круг. Вот только Артену передалась эта ярость. И потому он винил сына за все преступления, но не давал в обиду другим.

Когда князю удалось отправить Артена в Ерnodск, он вздохнул с облегчением. Артен теперь должен был всего добиваться сам и сам нести всю ответственность. Это помогает взрослеть. И хоть кошмары, творимые его сыном, могли продолжиться, но теперь это была лишь его собственная проблема. И короля Сабидора... Всегда лучше, когда горит столица твоего конкурента, а не твоя собственная. Тем более такая деятельность прекрасно могла очистить общественное мнение об Артене, выставив его героем. При условии, что парнишка попадётся властям. Князь Сект не хотел особо думать о своих политических приобретениях в данной ситуации, но годы политики из головы не выкинешь.

Что же отличало ещё старого князя, так это то, что его волнение закончилось раньше. Как только пришли уведомления о горящей столице, он знал, кто за этим стоит. И с тех пор он был совершенно спокоен. Письмо лишь укрепило его спокойствие. Да, оно было написано всё ещё горящим юношей, но в нём прорезалось сознание. Артен начал становиться человеком.

Глава 14

Он стоял посреди цветущего сада. Песчаная дорожка вела между яблонь с голубой, розовой, белоснежной и ярко-бардовой листвой. И он гулял по этому саду и наслаждался его красотой. Все лавки, деревья и кусты, что попадались на пути, были ему смутно знакомы, но он не мог вспомнить, когда именно бывал здесь. Где-то вдалеке за небольшим парковым заборчиком он слышал детский смех. Мальчик и девочка. Они играют, догоняют друг друга и смеются. Он, даже несмотря на них, знал, что мальчик одет в милую синюю рубашку и строгие брюки, а на девочке был простенький жёлтый деревенский сарафан. И всё же они играли, как равные. Они и были равные, кто бы что ни говорил. Он улыбнулся.

Под звуки детского веселья он двигался вперёд по дороге, словно по картине, написанной акварелью. Он знал, что впереди будет речка, которую переплыть и в детстве не составило бы труда, а уж сейчас и в столь тёплую погоду он просто жаждал этого. И скоро линия из песка действительно привела его к реке.

Он не помнил, как разделся и очутился в воде, но это было и неважно. Главное, что прохладная вода окружила его и успокаивала. Она мерно обволакивала его тело и охраняла от жары. Ему было так хорошо, что он просто не хотел никуда двигаться.

Вдруг его нога зацепилась за что-то на дне. Он нырнул, чтобы отцепиться, но уже чувствовал, что это напрасно. Со дна на него смотрели красные глаза горгульи. Своей рукой она сжимала его ногу и не давала двинуться с места. Он постарался её отцепить, но сила её захвата лишь увеличивалась. Он не сдавался, он поднял камень и стал бить горгулью по её тяжёлым лапам, но из того места, где лежал булыжник, потянулась к нему костлявая рука. На ней почти не осталось плоти, были лишь недогоревшие куски, напоминавшие, что когда-то её хозяин был живой. А из водорослей к нему потянулась столь же жуткая вторая рука, а за ней и третья. Через считанные мгновения, пока он отбивался камнями от горгульи, его окружили десятки рук, и все стремились утащить к себе под дно речное.

Он попытался вынырнуть и позвать на помощь, и ему даже удалось поднять над водой голову, но голос его пропал. На берегу стояла девочка в жёлтом сарафане и играла сама с собой. Она даже не видела его. Он пытался орать, но окружала его только тишина. И в полной тишине бесчисленные руки утащили его обратно.

Под самый конец зимы, когда день перестал походить на прослойку между ночью и ночью, Ерnodск накрыло праздничным духом. Уже скоро должна была наступить весна, чтобы стоял весь снег, а птички за окном вновь разразились трелями, а значит, настала пора нового года. По всей планете уже как несколько веков установилось единое правило: кончается зима — кончается год. Правда, это было единственное, на чём сошлись все виды на Яузе. Эльфы, люди, гномы, орки... — все отмечали приход нового года на свой манер. Кто-то сжигал чучела, кто-то плясал вокруг священного дерева, а кто-то праздновал в кругу близких и не только. И главное, точный день назначал каждый правитель самостоятельно. Нет, эльфы, люди, ликмены и гномы чаще всего находили компромисс, чтобы потом спустя века не приходилось спорить, в какой именно день чья-то собака перешла границу и развязала тем самым войну. А вот с циклопами и кентаврами на востоке была вечная неразбериха.

Наступал 1944 год, и это был первый новый год, что Артен встречал за пределами родины, и он ждал чего-то необычного. В Шэхирке новый год всегда сопровождался массовыми гуляниями. Город украшали свечами и всякими мерцающими безделушками, люди наряжались в мифических героев и с музыкой бегали по улицам. Высшее общество устраивало маскарады и балы, где все, оставаясь в нормах приличия, смеялись, позабыв о политике и планах. Артен вспоминал, как пару лет назад он со своим приятелем Джером сбежал с бала, при-

хватив пару бутылок шампанского, и вместе они угнали карету и на ней во всю колесили по городу. Так развлекались многие молодые князья и графы, в этом была своя романтика юности, и потому никто из старших даже не пытался препятствовать. По крайней мере, до тех пор, пока не случится что-то непоправимое. В тот год Артену и Джуеру посчастливилось никого не задеть, рассекая по городу на двух колёсах. И за всю свою недолгую жизнь он привык к такому новому году. Его с четырёх лет выводили в общество, он научился в нём держаться, а теперь, оказавшись в чужом для него мире, он не знал, что именно произойдёт.

Артен не то чтобы предвкушал новый год, тот не был его любимым праздником, но в постоянной суете хотелось света и тепла. Он не забрасывал ни тренировок, ни работы, но в перерывах между ними отправлялся на поиски подарков. В былые дни у него были бы средства, чтобы купить любую заинтересовавшую его вещь, но сейчас, живя не на княжеский доход, а на плату простого помощника лавки, ему приходилось всегда считаться со своими возможностями. Часто он просил Налли, пока сам работал, пробежаться и отыскать что-то конкретное, а потом, высчитывая, где ему ещё можно приужаться, отправлялся за покупками.

И подготовка к празднику помогала ему расслабиться почти так же, как вечерние и выходные игры с дочками господина Уолеса. Он выводил их на прогулки, лепил с ними из снега драконов и принцесс и следил, чтобы ничего плохого не случилось. Артен старался быть очень аккуратным в зимних забавах, оттого почти никогда не отвечал на удары снежками от девочек. Господину Уолесу изначально не нравились все эти затеи, но Аби убедила супруга, что всё будет в порядке, и он не вмешивался. К тому же и Майла, и Сейла были счастливы на этих прогулках, а у него освободилось время на любимую жену. Так игры и забавы Артена и девочек стали частью повседневной жизни.

Как-то раз перед самым новым годом Артен с девочками и Налли гулял по городскому парку. Они смотрели, как прохожие украшали припорошённые снегом деревья разными ленточками, что приносили с собой. Они делали это не по королевскому приказу и не за отдельную плату, а просто от чистого сердца. Это были их собственные ленты, за которые они заплатили собственными деньгами, и теперь они развешивали их на деревья. У каждой группы, приходившей в парк, было своё дерево, которое они дружно украшали. И делали они это в одно и то же время. И это было волшебно!

— И так происходит каждый год? — спросил Артен у Майлы.

— Да, — беззаботно отвечала девочка. — Родители и дети собираются и всей общиной наряжают ленточками деревья. Папа говорит, что они так вспоминают бабушек и дедушек, которых больше нельзя увидеть.

— Ну, а что они делают потом?

— А потом они расходятся по домам и долго готовят свою праздничную еду, чтобы вкусно поесть за день до нового года.

— И это весь праздник?

— У них да, — ответила Майла и продолжила рассматривать развешивающих ленточки людей.

Артен, пребывая в размышлениях, пересадил Сейлу с одного своего колена на другое. Со слов Майлы выходило, что для ликменов наступление нового года — глубоко личный праздник, который отмечается общиной тихо и скромно. Никто не кричит, не проводит общественных гуляний. Для них это был словно траурный день. Господин Уолес рассказывал ему уже о разнице культур ликменов и людей, и, возможно, это было очередным напоминанием об их различиях. Может быть, история вечно отвергаемого народа сформировала такой уклад. Но ведь в других странах в праздник они празднуют вместе со всеми? Или же нет? Артен никогда не изучал массовые гуляния и маскарады на наличие среди участников ликменов. Может, и в родном Шэхирке они уединяются в своих общинах и украшают одно из парковых деревьев

ленточками? Иногда человек не способен заметить даже яркую вспышку на небе, если не знает, куда точно смотреть.

— Ну, а у вас есть своё дерево?

— Неа, — немного грустно сказала Майла, — папа говорит, это только для ликменов. Зато нам родители дарят подарки поутру!

Артен улыбнулся и потрепал Майлу по шапке. Да, подарки, по его мнению, тоже были важной частью праздника, но обычно их дарили всяческие духи. Дух светлого будущего у эльфов — Хельга Тулавик. У людей — Святой Илаам, ответственный за силу духа. А у вампиров древнее мохнатое чудище — Дедушка Морроу. Ликмены же верили в то, во что было принято верить в той среде, где они оказались. А теперь им верить в духов, дарующих подарки, стало невыгодно, и больше они уже не делали вида.

По возвращению в лавку девочек сразу забрала к себе наверх госпожа Уолес, а Артен остался с хозяином дома внизу. Господин Уолес был как всегда серьёзен. Он сидел за своим рабочим столом и вёл какие-то подсчёты, иногда посматривая на своего работника.

— Ты делаешь успехи, Артен, — сказал внезапно господин Уолес. — Ты даже стал различать посетителей. И как же?

— Как вы и учили, — спокойно отвечал Артен. — Всё дело в деталях. Важно уметь подмечать незначительные детали во внешности людей. Родинки, глазная радужка, цвет волос — всё то, что обычно и формирует образ человека независимо от вида.

— И всё? Только так? — не отрываясь от бумаг, спросил господин Уолес.

— Иногда обращаюсь к помощи магии и считываю ауру, господин, — немного виновато склонил голову юноша. — Но ведь это не критично? Это же стандартное умение любого кудесника...

— Ты прав, это не страшно, — оборвал его Найв. — Ты перестал впадать в панику, а думаешь головой — это главное, а методы вторичны. К тому же против такой магии я не имею ничего против.

Господин Уолес взял кружку с остывшим чаем, стоявшую на краю стола, и сделал несколько глотков.

— Ты уже послал поздравительное письмо семье?

В течение последних двух месяцев господин Уолес наблюдал за тем, как Артен выходил из лавки с одними конвертами и возвращался с другими. Его не волновало, что и куда пишет его работник, это в сущности было незначительно, но Найв сделал некоторые выводы. Кому как не семье молодой человек может не писать месяцами, а потом в приступе вины начать строчить письма каждые десять дней?

— Разумеется, господин Уолес, — ответил Артен. — Ещё и небольшие подарки отправил посылкой.

— Надеюсь, ничего съестного? Я бы не доверял почте, особенно перед крупным праздником.

— Нет, что вы. Там всякие безделушки: фигурка горгульи для младшего...

— Вот и молодец, — повторно оборвал Артена снова господин Уолес. — С сегодняшнего дня ты можешь быть свободен.

Артен остолбенел. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Он постарался припомнить, не совершал ли он ничего предосудительного за последние несколько недель, и ничего не приходило ему в голову. Он посмотрел себе под ноги, где такой же огорошенной сидела Налли. Даже она за последние недели баламутила город сильнее, чем Артен, и оттого непонимание лишь возрастало. Налли грустно заскулила.

— Следующие три дня лавка работать не будет, — продолжал спокойно господин Уолес. — Так что можешь считать, что у тебя небольшой отпуск.

Найв посмотрел на Артена, что пытался собраться с мыслями.

— А, точно. Я помню, что говорил, что ты можешь пробыть у нас в лавке до весны. Ну, если хочешь, ты также можешь быть полностью рассчитан хоть сегодня и свободен уже окончательно, — произнёс господин Уолес и примолк на минутку. — Если, конечно, не хочешь остаться и поработать ещё немного. Разумеется, условия не изменятся. Мы продолжим тренировки и сохраним нынешний уровень заработной платы. Но если ты не захочешь возвращаться с отпуска, то...

— Нет, что вы? Я хотел бы остаться, — теперь уже Артен перебил господина Уолеса.

Найв не изменился в лице, он оставался таким же серьёзным. Артен привык иметь дело с людьми, что стараются скрывать любые свои эмоции, и потому внутренне решил, что господин Уолес был доволен таким ответом. На самом же деле хозяин лавки был в смятении, как и все последние месяцы. Он всё ещё чувствовал в молодом князе угрозу и был склонен ему не доверять, но против жены идти он не хотел. Аби устраивало всё, что делал Артен, и потому Найв не прогонял паренька. Да и сам за последние два месяца он успел по-особому прикипеть к юноше, хотя и одёргивал себя вечно, чтобы не потерять контроль над ситуацией. Если ты слишком близко подпустишь такого кудесника к себе, ты рискуешь даже не заметить того момента, когда он низведёт весь твой мир дотла.

— Что ж, тогда сегодня вечером жду тебя на очередной тренировке, — всё также равнодушно произнёс господин Уолес.

Артен поклонился хозяину лавки и уже хотел подняться наверх, как вспомнил один вопрос, который хотел уже несколько дней задать.

— Господин Уолес, а я правильно помню, что на собрание общины ликменов допускается любой желающий?

Вечером после тренировки Артен выслушивал то, что удалось узнать Налли. После разговора с господином Уолесом у молодого князя хватало информации о том, что именно его ждёт на собрании общины. Ему надо было в знак почтения принести с собой какое-то угощение и напиток, поклониться старейшине и съесть всё, что ему предложат. Кем бы ты ни был — бродягой или князем, ты обязан соблюдать правила того общества, в котором оказался. И Артен намеревался поступить именно так. Он вёл бы себя очень тихо, но вежливо. Наверняка общине не впервой сталкиваться с людьми, кто просто из интереса забежал на огонёк.

Артен знал место, время и порядок, и всё же дрожал от неуверенности. Вместе с Налли он отправился в булочную и купил один из последних ягодных пирогов, а затем сходил за бутылкой красного вина. Насколько он знал, ликмены были не самой привередливой в еде публикой. Вот племена южных орков часто отказываются от разнообразного мяса, а циклопы зачастую вообще признают только человеченку. С ликменами всё было проще. Согласно легендам их народ был зарождён в битве. Страшная четырёхрукая тварь с бесчисленным войском истребляла город за городом. Войско шло, и ничто не могло его сдержать, пока великий Вуур не послал объединившимся народам дар менять обличья. С ним каждый солдат мог превратить неудобные обстоятельства в благоприятные для себя. Они могли драться и днём, и ночью, и на свету, и во тьме, и в небе, и на земле. И с помощью этого дара врага удалось отбросить. Артен не предполагал, что легенды — это забытая часть общей истории, но он верил, что в них зашита некая правда о народе, её сочинившем. А если так, то народ «рождённый войной» не мог пренебрегать даже корочкой хлеба.

Так, набрав даров, Артен двинулся на Храмовую улицу. Налли всё сделала, как он просил. Вместе со своими псами она обегала город и нашла нужную общину. Они занимали подвал в Погорелом поместье, что до войны принадлежало семье герцога Обсанта. Сорок лет назад недовольные крестьяне подожгли его, но спалить дотла не успели. За последующие годы его регулярно обновляли, но на каменных стенах след от пламени убрать никому так и не уда-

лось, так к дому и привязалось народное название. После войны, когда герцог с семьёй покинули Ерnodск, поместье быстро занял предприимчивый капитан Рахесс. Используя собственные связи в новообразованной королевской канцелярии, он быстро записал весь дом на себя и начал сдавать комнаты в аренду. И это приносило ему приличный доход. Настолько приличный, что в новый год он предпочитал сидеть в своей маленькой каморке и отслеживать пьяных постояльцев, надеясь, что они разобьют какое-нибудь окно, и тогда он сможет выдвинуть ещё больший чек. Иногда он даже сам подливал палёного пойла гостям своего дома, в надежде пуще раскошегарить их.

И в этот день настроение бывшего капитана Рахесса как раз располагало к дополнительному заработку. Он лично встречал все общины, предлагал бокал и провожал сторонних гостей. Этот полный мужчина давно смекнул, что сторонние наблюдатели, особенно эльфы с севера, любят поглазеть на чужие обычаи. Для них всё в новинку, а значит, платить они готовы лучше всех. Кто-то рассуждал, что такие запуски гостей на собрание общин уже перебор. Мол, ликмены словно становятся экспонатами шоу из дикарей для богачей, желающих поразвлечься, но капитана это не заботило. Он стоял на своём посту и встречал всех желающих, в том числе и молодого князя.

Господин Рахесс быстро осмотрел Артена с ног до головы и решил, что трясти с него особо нечего. Для порядка он, конечно, предложил юноше бокал, но это было лишь проявление вежливости.

— Вы к кому-то конкретному? — уточнил Рахесс, поглаживая свою сальную бороду.

— Или просто интересуетесь нашими порядками?

— К конкретному... Меня интересует община Ройху, они, кажется, встречаются в подвальном помещении.

Капитан в отставке поморщился. Ройху была свежей общиной, образовавшейся только в прошедшем году, и она не была перспективной. В ней сохранились и укоренились все старые устои из времён гонений ликменов и учинения над ними разбоя. Они были грустны, и далеко не все из них были богаты. По большей части даже они были бедны. А ещё их костяк составляли женщины на любой вкус, вот только общества мужчин они не особо жаждали. Рахесс видел, как некоторые особо уверенные в себе ребята пытались закадрить этих дам, но все их потуги разбивались вдребезги о бесконечную скорбь. То есть, как рассуждал сам Рахесс, женщины обрубали свой главный козырь в борьбе за оплату аренды. И в Артене он увидел очередного парня, решающегося наброситься на неприступную крепость.

— Подумай, сынок, больно ли оно тебе надо? У меня на чердаке есть общины и получше: веселее, статуснее! И девушек там хватает. Решайся! Обещаю, что не прогадаешь!

Артен не уловил намёков бывшего капитана и настоял на своём изначальном решении. Тогда Рахесс угрюмо кивнул, пожал потной ладонью руку Артену и проводил нового наблюдателя к лестнице вниз. Налли пришлось остаться наверху. Капитан придерживался строгой политики: никаких бездомных и никаких животных, — а Налли выглядела как всё и сразу.

Первое, что сделал Артен, когда для него открыли дверь в снимаемую комнату, — прислушался к внутреннему голосу. Он наблюдал и быстро подстраивался. Он не имел права на ошибку. Все вокруг были в чёрном одеянии с алыми лентами на рукавах. Это и был их знак. Тьма и пламя. Даже имя их общины значило «пламенные». Все головы были опущены, а разговоры велись шёпотом. Наверху над их головами было громко, люди кричали и чокались, но тут сохранялась тишина. Артен будто оказался на кладбище среди призраков.

Молодой князь двигался между ними словно в танце. Он обратил внимание, что все в комнате двигаются ритмично. От двери к старой бабушке, сидящей на кресле под шёлковым покрывалом, ей кланялись, а затем плыли к столам, где молодой белокурой девушке вручались угощения. Потом же все распадалась на малые группы, что дрейфовали по полу в тихих беседах. Артену оставалось лишь отдаться этому ритму.

Как любой ребёнок княжеского рода, Артен прошёл обучение бальному искусству. Он чувствовал музыку почти так же, как чувствовал пламя. То есть даже если ни один инструмент не играл, он чувствовал, как надо двигаться. Они с Айхой так в двенадцать лет и познакомились. Графиня Миценгейт и князь Нонморт обучались у одного балетмейстера. Он сначала наступал на ножки своих партнёрш и сам нередко спотыкался, но Айха направила его. Она раскрыла ему глаза на схожесть двух стихий: мелодии и пламени. Обе были неосязаемы и неудержимы. Человек не мог повелевать ими, лишь слегка направлять и уживаться. И чтобы не навредить хотя бы себе, ты обязан научиться чувствовать энергию этих стихий. И он поймал ритм.

Артен двигался плавно, но каждый шаг давался ему всё тяжелее. Он без особых колебаний добрался до старушки с такими тёмными и проникновенными глазами, что казалось, будто она видела тебя насквозь. Шаги же к белокурой очаровательной девушке стали тяжелее. В его памяти всё сильнее полыхал образ Айхи, но он не давал властвовать ему над собой. По крайней мере до тех пор, пока юная особа, принимая его дары, не заглянула своими понурыми глазами в его очи. Тогда на секунду в нём что-то надорвалось. Он увидел в её взгляде тот потухший уголёк, что жил в нём самом в течение нескольких дней, и это было самое невыносимое для него время. Он отплыл от девушки в угол комнаты, чтобы перевести дыхание, но как только он коснулся стены, белое платье, горящее на ступенях театра, снова взлетело в его сознании.

Артен бы так и сполз по холодной белой стене, если бы к нему как лебедь не подплыла одна пожилая особа. Ей было на вид лет пятьдесят человеческих, и она была в трауре, как и все собравшиеся вокруг.

— Вам помочь? — спросила седая особа, беря Артена под руку. — Вам, кажется, не очень хорошо.

— Да, благодарю... — тихо произнёс Артен, борясь с головокружением.

При других обстоятельствах он бы отказался от помощи. Мол, он князь, и это он должен оказывать помощь дамам, но сейчас он был не в своей тарелке. В Шэхирке даже после смерти Айхи, оказываясь на торжественных приёмах, он сохранял все повадки, свойственные молодым выходцам из знатных семей. Он был хлёсток в словах, игрив, но не переходил черту. Князю было не положено терять самоконтроль, головокружение и обмороки — это дело для юных барышень. Он же должен был стоять непоколебимо хоть в дождь и град, хоть в болезни. А тут его повело.

Седая дама, госпожа Архапэс, помогла Артену добраться до стены с небольшой форточкой наверху, открывающей вид на ноги прохожих, шагающих по мостовой. Да, это, конечно, не балкон с красивым видом, но лучшего свежего воздуха в бывшем погребе было не найти.

— Вы тоже лишились кого-то в пожаре, юноша? — спросила госпожа Архапэс, когда Артен отошёл от форточки. — Можете не отвечать, всё ясно по Вашим глазам. Да, и зачем бы человеку в столь светлый праздник приходить в нашу общину, как не в поисках утешения.

Артен смотрел на даму и не мог поверить. Его читали, как открытую книгу, а он и не знал, что ответить.

— Моя возлюбленная, — пытаюсь совладать с голосом, произнёс Артен, — она погибла в огне девять месяцев назад...

Госпожа Архапэс аккуратно кивнула, достала из фартука алую ленточку и обвязала ею правую руку Артена.

— Вот так, теперь Вы один из нас. На сегодня, естественно, — сказала госпожа Архапэс. — Мы все здесь так или иначе пострадали от пламени. Видите ту юную особу, что занимается угощениями? Это юная Хелла. Её отец погиб в пожарах Шэхирка. Он обеспечивал семью доходом, его работа кормила четырёх детей, супругу и пожилых родителей. Теперь они все сами по себе. А вон там госпожа Лайла. Раньше у неё был трактир, которым заправлял её муж, но сейчас она одна без дома и поддержки. Ещё пару месяцев назад она была далеко не так седа...

Артен слушал внимательно госпожу Архапэс, и в нём боролось два сильнейших чувства... Когда она говорила и показывала детей, что лишились отцов и вынуждены были всю зиму работать на улице, чтобы прокормиться, ему становилось их безумно жаль. Он чувствовал свою вину за это и знал, что никто из них не заслуживал такой участи. А потом в нём пробуждалась ярость, кричащая, что среди отцов, погибших от руки Поджигателя, святых не было! Все, кто собрались в этой комнате, были детьми, родителями и супругами преступников и убийц, и, по любому, не все, но часть должна была знать, чем занимались умершие. И покойники здесь не заслуживали почтения. Так, борясь с двумя ярчайшими чувствами, Артен постигал особенности общины.

— А кого потеряли Вы, госпожа Архапэс? — вдруг спросил Артен.

Седая дама замолчала и с лёгкой улыбкой посмотрела в глаза Артена.

— Супруга, — ответила госпожа Архапэс. — Он стал последней жертвой уличного поджигателя в Шэхирке.

— Каким он был?

— О, юноша, Эргид был достойным ликменом. Он был смелым и хранил верность традициям. А ещё он был добр к детям, даже слишком, учитывая то, чем он занимался. Не стройте озадаченный вид, я уже и так знаю, о чём Вы думаете. Может ли наёмник, ликмен, убивающий за деньги, считаться добрым? Может. Я не говорю Вам, что он святой. Святые не умирают в пламени. Он совершил много дурного, но я любила его. И наши дети его любили. Он был добр с нами и всегда помогал. Даже в Шэхирке он оставался лишь для того, чтобы лучше обеспечивать семью. И да, его дело было чудовищно, и погубило его собственная самоуверенность, но если бы он погиб от клинка или дубины, то это было бы в порядке вещей. Мы бы горевали, но я была бы к этому готова. А он погиб в огне! Что может быть ужаснее, чем сгорать заживо, чувствуя, как жар убивает тебя? Я никому не пожелала бы такой смерти. Думаю, как и Вы. Все, кто видели сгоревшие тела, знают, что страшнее кары природа не придумала.

Артен уставился в потолок. Перед его глазами всплывали десятки сгоревших фигур. Он видел и Эргид, лежащего и спалённого в переулке, и Сеина с почерневшим от пламени лицом, и горящую Айху. Он чувствовал, что в словах госпожи Архапэс была ошибка, но он не мог её поймать. Он посмотрел на притихших у стены детей, что были уставшие и замученные. Всё было неправильно, дети не должны были страдать. Он не думал об их судьбе, когда назначал себя карой. Но скольких оставили сиротами те, кого поминали сегодня? А скольких могли ещё оставить? Артен не видел верного ответа.

— Вы не правы... Не все, кто погибают в огне, — грешники. Среди них бывают и святые, — сказал Артен.

— О, ну, конечно... Младенцы, погибшие в природных пожарах; юродивые, павшие при нападении драконов...

— Не только.

Госпожа Архапэс улыбнулась.

— Ох, эта юношеская спесь, вы всегда делите мир на чёрное и белое. Может, Вы чего-то не знали о ней? Вы не задумывались, что она могла скрывать от Вас свою настоящую жизнь? Волшебное пламя не убивает случайных людей. Подумайте об этом. А пока отдыхайте и вспоминайте лучшие моменты со своей любимой.

С этими словами госпожа Архапэс отпустила Артена и поплыла сквозь потоки переговаривающихся людей, оставив юного князя наедине со своими мыслями.

Ликмены никогда не принимали в свои общины представителей иных видов, но они никогда их и не прогоняли. Они позволяли почувствовать тебя частью этого общества, но не давали позабыть, что ты всегда будешь чужим. Вот и сейчас, когда Артен вслушивался в разговоры об усопших и двигался среди людей, он подмечал, как менялось их настроение в зависимости от близости к нему. Чем ближе он стоял к скорбящим, тем улыбчивее они были.

Детей у дальней стены взрослые даже одёргивали, когда они начинали излишне радоваться. Все должны были с теплом вспоминать ушедших, но тонкая грань разделяла тепло и чрезмерную радость, и если тебе не прививали это чувство с рождения, ты никогда не сможешь соблюсти баланс. И Артен даже не стал пытаться.

Молодой князь прислушался к словам госпожи Архапэс и, аккуратно пристроившись в уголке, стал вспоминать все сладкие мгновения, проведённые с Айхой. Он вспомнил их знакомство на танцах. Вспомнил, как вместе они посещали факультативы зельеварения. Вспомнил, как в первый раз пригласил её на балу. Он старался казаться уверенным в себе, но она всегда видела его настоящего, без надуманных масок. Он вспомнил их первый поцелуй на чердаке школы... И вспомнил, как они ругались однажды из-за её дальнего родственника. Тэт Миценгей — классический отличник и напыщенный индюк из северных земель. Он Артену сразу не понравился, и надо же было поругаться из-за такого остолапа. Тогда ещё шестнадцатилетнему князю показалось, что молодой граф Миценгейт издевается и презирает свою родню из линии Айхи, и он вступился за неё, и яростно отстаивал её честь и честь Южных земель. Как позже заявила ему Айха, делал он это всё напрасно. Он вёл себя как баран и лишь грубил человеку, что был на десять лет старше, оставляя не лучшее впечатление. Айха и слушать объяснения Артена не хотела. Она была очень расстроена его поведением в тот день и больше недели отказывалась разговаривать, пока Артен не признает, что вёл себя неправильно. Одно утешало Артена: что этот индюк из Магграда не получил тех бумаг, за которыми приехал. И юный князь видел в этом собственную победу. И всё же осадок от той ссоры на душе остался. Артен попытался переключиться и вспомнить их совместную с Айхой прогулку по гаргонскому саду, но вместо этого лезли воспоминания лишь о ссорах из-за его безалаберного отношения к учёбе.

Вдруг Артен сделал глубокий вдох.

«Всё это мелочи, — сказал себе Артен. — Айха была прекрасной. Люди ссорятся, но это не грех. Она была невиновна. У неё не было никакой второй жизни, я точно знаю. Всё это лишь подсаженные мысли».

Он выдохнул.

«Волшебный огонь не убивает невиновных... Что за вздор! История знала множество примеров, когда элементали и магоферы вредили обычным людям. Невиновные гибнут, и кто-то должен нести за это ответственность!»

Вскоре над тихо гудящей комнатой раздался звон хрустального колокольчика. Это был сигнал старейшины, значит, скоро пробьют часы, и наступит новый год. Комнату залило оранжевым светом. То и дело ликмены обращались в привычные им обличья. Через какую-то минуту помещение было уже не узнать. Здесь были люди, орки, эльфы, гномы, даже парочка минотавров — сколько семей, столько и разных судеб. Все они становились кругом в центре комнаты и зажигали белые свечи. Артен даже сам не понял, как оказался в этой толпе со свечой и лепестком в руках. Лепесток был символом того, что связывало живых и умерших, и его надо было поджечь, чтобы отпустить души на упокоение. Конечно, это всё были лишь религиозные поверья, но молодой князь Нонморт не сопротивлялся. Он вместе со всеми дождался второго звонка старейшины и поднёс лепесток к огню, а позже выронил, позволив ему пылать в свободном падении, и больше он о нём не задумывался. Зато госпожа Архапэс видела, как тот опустился на землю и потух, не догорев и до середины. Сказала ли она об этом хоть кому-то? Нет, лишь огорчённо покачала головой.

После окончания праздника Артен нашёл Налли на пригорке недалеко от поместья. Она сидела под деревом, а рядом с ней дремал чёрный пёс. Артен присел рядом с ними и аккуратно потрепал её шерстку.

— Ав, Артен доволен, нашёл то, что нужно?

— Не знаю, — искренне ответил Артен.

Молодой князь посмотрел на дом, из которого вышел, на взрослых и детей, что разбрелись оттуда. Это был самый тихий и спокойный новый год в памяти Артена. Да и недовольный капитан Рахесс с ним бы согласился. И это было приятно, но кое-что продолжало грызть Артена.

— Скажи, Налли, — тихо спросил молодой князь, продолжая рассматривать людей, — если бы ты убила пса, у которого оставались щенята, как бы ты поступила?

Налли почесала задней лапой за ухом.

— Я бы не убила, — однозначно ответила Налли, поглядев на Чёрного пса. — А если бы пришлось, вав, я бы взяла этих ребят на попечение. Мы стоя, они бы стали частью стаи. Я заботилась бы о них, как о своих.

— Так и подумал, — произнёс Артен.

— Гав, с другой стороны, я слышала, что кошки бы их убили, чтобы не мешали жить собственным котяткам. И, возможно, ряв, в этом что-то есть.

Артен улыбнулся и нежно погладил Налли по головке.

На следующее утро в лавке Найва Уолеса новый год отмечали, как положено. Дети с раннего утра бегали с новыми игрушками и подарками, радостные и довольные. Майла и Сейла прыгали по спящим родителям, расталкивали невыспавшегося Артена и гладили Налли до изнеможения.

Артен подарил девочкам миленьких новых кукол, на которых потихоньку откладывал с зарплаты, а они ему — невероятный рисунок его самого. Да, по нему казалось, что молодой князь подвергся ужасным пыткам и опытам безумного колдуна, но Артен ни на что бы не променял этот листочек. Схожие индивидуальные портреты получили и родители девочек, и они тоже были счастливы.

Что до подарка для супругов, то здесь молодому князю пришлось тяжелее всего. Что можно было подарить людям, владеющим лавкой «Тысяча мелочей»? Что-то, что нельзя заказать на массовом производстве из гоблинских пещер. Артен по ночам помогал одному скульптору, и тот за это согласился выполнить небольшой эксклюзивный заказ. Он изготовил небольшую статуэтку семьи, состоящую из родителей и двух дочек. Артен чуть не сошёл с ума от перенапряжения, пока совмещал дневную работу и ночные подработки, но она того стоила. Когда скульптор закончил своё дело, молодой князь начертил снизу три руны, что смог вспомнить с уроков колдовства: «защиты», «мира» и «достатка». Руническая магия всегда граничила с лженаукой, по воспоминаниям Артена, но это было лучшее, что он мог предложить семье Уолесов. И госпожу Аби подарок действительно тронул. Она нежно, словно сына, обняла юношу и поцеловала в тёплую щёку.

Найв же был как всегда серьёзен и сдержан. Он пожал Артену руку в знак благодарности и вручил ответный дар. Это был обычный деревянный тренировочный посох, таким иногда Артен отхватывал по спине, когда переоценивал собственные силы на занятиях. И, может, это не было дорогим даром, к которым привыкает князь с рождения, но Артен увидел в нём признание собственной победы над самим собой, и это было сейчас для него как никогда важно.

Налли же, как любая собака, подарков не ждала. Они ей были не нужны, да и сама она их не готовила. Ей было достаточно большого сытного завтрака на неё и стаю. И она была очень признательна, когда получила желанное.

И, как и всегда, праздничный день в суматохе и веселье пролетел незаметно для всех обитателей лавки «Тысяча мелочей Найва Уолеса».

Глава 15

Заметка в газете «Вести Ерnodска» от 13 цирилла 1943 года:

Внезапная смерть Хотса Итахесса в огне.

Этой ночью в доме на набережной под номером 17 случилось спонтанное возгорание гостевой комнаты. В первые минуты никто из обитателей дома даже не почувствовал катастрофы. Огонь разгорался лишь в пределах одной комнаты на втором этаже, и пока каменные стены не превратились в пылающие жаром плиты, никто и не предпринимал никаких действий. Лишь после открытия двери, ведущей к источнику пожара, пламя перекинулось на остальную часть дома. Особняк полыхнул как спичка.

На данный момент среди обитателей дома числится лишь один погибший — сам хозяин поместья, господин Хотса Итахесс. Это был выдающийся житель города, чьё богатство исчислялось миллионами накеров. Всё своё состояние он заработал упорным трудом на короля, восстанавливая наш город. И даже собственно заработанные деньги он вкладывал в развитие Ерnodска и на благотворительность. Весь Ерnodск будет скорбеть по господину Итахессу.

Точные причины пожара сейчас устанавливает стража. Это дело под личный контроль взял капитан Рахау Алтемес. И он уже заявил, что преступники не уйдут от ответственности. Стражники уже проводят проверки в переулке Хафера на предмет незаконного хранения зелий.

Также в связи со смертью Хотса Итахесса общественность остро интересуется вопросом, а кому достанутся его накопления?

Весна в Ерnodске резко вошла в свои права. Очень быстро с улиц начал пропадать снег, из земли прорезалась зелёная травка, а коты завывали свою привычную песню, отчего некоторые люди резко заскучали по утренним собакам. Единственное, что мешало полноценно наслаждаться солнечной погодой, — это ветер. Он всегда выдувал прибрежные города, но весной это было особенно невыносимо. Как только солнце пропадало из виду, начинало казаться, что мир подвержен резкому обледенению. И все продолжили ходить в зимних вещах.

Последний месяц не сильно изменил жизнь Артена. Он продолжал работать и заниматься, но теперь в свой единственный выходной проводил время не только с Налли и детьми господина Уолеса, но ещё и в общине Райху, развлекая детей. Он хотел, чтобы они улыбались. Дети должны улыбаться. И хоть старейшины общины на главных церемониях вечера требовали, чтобы на лицах каждого человека в комнате читалась вселенская скорбь, они не возражали, чтобы после этого в парке раздавался детский смех. Конечно, Артен не позволял себе показывать детям фокусы с огнём, это было бы чересчур, но сварить немного зелья для левитации или манипуляции небольшого предмета — не возбранялось.

Да, последние две недели законы в Ерnodске относительно зелий становились всё жёстче. Отдельных компонентов было уже совсем не достать, особенно после захвата и отправления в заключение «отморозков Хаферского переуллка», но Артен не сдавался. Когда ему не удавалось найти самостоятельно нужный компонент, он обращался к Налли. Стая Чёрного пса пусть и поредела, но продолжала властвовать на улицах города. Они могли найти что угодно и доставали. Пусть не всегда в идеальном состоянии, но это же никак не сказывалось на действии зелья.

Возможно, здесь за Артена говорило его княжеская неприкосновенность, но он действительно не боялся последствий за своё зельеварение. Он не видел проблемы в том, что кто-то может изготовить лёгкий напиток для полёта детской игрушки. В конце концов, если бы он прислушался в школьные годы к директору Шуалтышу, он бы освоил магию левитации

самостоятельно со всеми прочими заклинаниями порядка. И хоть Артен не относился к усиленному контролю серьёзно, стража действительно усилила контроль. По одной случайной наводке неродимого соседа они могли обыскать жилище любого человека, и да помогут ему боги, если они найдут то, что ищут. Их ждал бы суд и наказание — от штрафа до тюрьмы, в зависимости от объёма и типа зелья.

Артену пока везло, жалоб на него никто пока не писал, но смерть Большого Хотсы пошатнула и его жизнь. Найв резко похолодел к Артену и заставил парня заниматься ещё усерднее. Молодой князь пытался доказать, что он не стоял за этим поджогом, но господин Уолес его не слушал. Даже заключение стражи, что зелье лйеке послужило причиной возгорания, ни в чём не убедило его. Для него это был лишь пустой набор звуков. Зато он точно знал, что Артен умел обращаться с огнём и знал, как варить зелья, и этого было достаточно, чтобы усилить тренировки. Только то, что голос молодого князя дрожал, а в глазах отсутствовал безумный огонёк, мешало Найву заявить о своих подозрениях страже.

В лавку «Тысяча мелочей Найва Уолеса» и без того стали чаще заглядывать служители закона. Они проверяли каждую поставку на въезде в город и всегда приходили к нему, если сомневались в назначении товара. Также регулярно они проводили обыски складских помещений. Никто в ближайших кварталах Ерnodска не подлежал более тщательным проверкам, чем Найв Уолес. Он был у правительства города на карандаше как редкий представитель иного вида, занимающийся торговлей в королевстве Матесун. Ликмены ничего не имели против людей, как и любых других видов, но на государственном уровне старались не доверять. Кто знает, когда Чёрный король рискнёт покуситься на их суверенитет.

По схожим же причинам Артен старательно избегал этих проверок. За полгода пребывания в стране он так и не удосужился восстановить потерянные документы и теперь он всячески избегал стражников. Он прятался от них, прикидывался покупателем, сбегал из лавки — всё для того, чтобы не подвергаться проверкам. Он нередко смотрел на адрес, что прислал ему отец вместе с письмом. Он знал, этот дом, где расположилось посольство, он мог обратиться туда за помощью в любой момент, но он этого не хотел. Это было слишком просто, и это бы точно повлекло за собой последствия. Хотел ли он, чтобы его нынешняя жизнь перевернулась с ног на голову? Уж лучше бегать.

Как-то раз после смерти Большого Хотса Артен и Налли гуляли вдвоём по набережной. Ему было интересно, что именно произошло в особняке, как Хотса умер. Разумеется, сам сгоревший был взят стражей под постоянное наблюдение, ни один посторонний не допускался на закрытую территорию, но и со стороны открывался прекрасный вид. Некогда белые и жёлтые стены теперь были черны и изуродованы, лепнина опала, а крыша полностью обвалилась. Артен думал, сохранилось ли хоть что-нибудь в подвальных помещениях, способное рассказать правду о личности погибшего хозяина дома? Осталось ли казино и хоть какие-то подтверждения преступной деятельности Хотса Итахесса? Артен видел, как стражники ходили по дому и что-то обсуждали, но слов их он разобрать не мог.

— Даже если что-то уцелело, ряв, они уже всё давно нашли и припрятали, — сказала Налли, когда они шли по дороге на кладбище. — У Хотса, наверняка, было накоплено всякой грязи на крупных шишек. Не удивлюсь, если они, вафф, его и убрали.

— Убрали пожаром? Это становится слишком популярным способом убийства.

— Зато отлично подчищает следы.

И всё же Артен не верил, что Большого Хотса убрали сверху или конкуренты. Налли не знала его, в отличие от Артена. Он видел его, разговаривал с ним, он понимал его повадки. Хотса не выглядел как кто-то, кто перешёл бы дорогу силам могущественнее, чем он сам. Он заключил бы с ним сделку, пошёл на контакт, извинился бы в конце концов, но не развязал бы войну. Он мог напасть на Артена, так как знал, что у князя не было сил навредить его империи. Молодой кудесник был лишь сошкой, оказавшейся не в своём мире, от которой можно

было избавиться без проблем. Но иногда именно такие сошки и ломают крупных игроков. То, что произошло с Хотса, больше напоминало личную месть, но Артен не был уверен в этом наверняка.

Тем вечером они с Налли стояли у могилы Хотса Итахесса и гадали, что же с ним произошло. Артену сложно было признать, что мог найтись кто-то, совладавший с силой огня лучше, чем он сам. И юному князю было сложно признать такое. Ещё сложнее удавалась мысль, что все его прежние свершения были достигнуты лишь благодаря везению. Не будь удача на его стороне, он рисковал бы сам валяться в луже крови на улицах родного города. И это было больно.

Думала ли о чём-то таком Налли? Нет. Её не интересовал ни Большой Хотса, ни его убийца, но состояние Артена её тревожило. Он стал спокойнее за эти месяцы и оттого отстранёнее. Он перестал быть ей понятным. И теперь ей всё труднее было находить правильные слова. И тем вечером у надгробной плиты она почувствовала, как стрелки, отмеряющие время, поспешили вперёд.

Смерть Большого Хотса на самом деле встревожила господина Уолеса. Возможно, он и поторопился возложить ответственность на Артена, но это было меньшей проблемой. Второй смертельный пожар за год не мог быть простой случайностью. Найв чувствовал, как город закипает. Если верить газетам, это происходило везде. Пожары в горах у гномов приводили к вооружённым протестам. Огонь, охвативший леса к северу отсюда, вызывал страх и трепет в умах людей. Что уж говорить, даже эльфы и те признавали напряжённость обстановки. И все власти в едином порыве заявляли, что это несчастные случаи, проделки мелких пакостников или теракты, но обязательно совершённые согражданами. А общество гудело о драконах.

Найв не был политиком и не мог рассуждать обо всём, что происходило в мире, но всё его нутро подсказывало, что происходит что-то неладное. Люди вещали, что Надемах был первым драконьим королём, которому удалось объединить все стаи под своим крылом. Никто не решался бросить ему вызов. В прежние годы нашёлся бы один или два смельчака-дракона, что решили бы занять его место, но сейчас Надемаха боялись. И этот страх проникал повсюду. Он стал естественным, словно дыханием. И сложно было сказать, кто боялся его больше: драконы, люди или власти.

И даже сейчас, стоя за собственным прилавком и зная, что в прошлых пожарах Ерnodска виноват Артен, Найв ощущал трепет перед рептильной угрозой. Мог ли дракон убить Хотса? Нет, даже Артен был более вероятным кандидатом, хоть и в этом господин Уолес сомневался. Но тогда откуда в нём рождался этот страх? Газеты, древние предания, инстинкт? Он не мог найти ответ на вопрос, и оттого он становился ещё бдительнее и осторожнее. Даже находясь в окружении семьи, он не мог перестать тревожиться. Вернее, особенно когда он был в окружении семьи.

Третьего ваариса Артен проснулся как обычно. Это и был обычный день, который он не планировал запоминать. Сны уже какое-то время не тревожили его, и он на самом деле начал чувствовать себя лучше. Он встречал день с улыбкой, даже если мир не отвечал ему тем же. Но кое-что пошло не так с самого начала.

Он протянул руку вниз, ожидая найти мохнатую головку Налии, но собаки рядом не было. Такое иногда случалось, всё же Налли была вольной дворнягой, которая всегда была себе на уме. Она могла убежать и в ночи, и перед обедом, просто потому что чувствовала, что так надо, и ничто не могло её остановить. И всё же в тот день её отсутствие встревожило Артена. Он попытался отвлечься и не придавать этому значения, но так или иначе возвращался к тревожному чувству в течение дня.

Артен быстро привёл себя в порядок, оделся и бегом спустился во двор, где наткнулся на закрытый на замок подвал. Он поначалу даже не поверил в то, что увидел: подёргал дверь,

изучил тяжёлый замок и даже проверил адрес, по которому находится. Конечно, было очень маловероятно, что за ночь кто-то перенёс его в точно такой же дом с абсолютно идентичным двором, но шанс этого никогда не равен нулю. И лишь убедившись, что ничего не произошло, и замок был настоящим, Артен присел недалеко от подвала и закрыл глаза.

«Господин Уолес никогда не забывает про тренировки, — размышлял про себя Артен, — он лично всегда подчёркивал их важность. Даже для него они были полезны, они помогали ему держаться в форме. Тогда что происходит сейчас? Может ли это быть очередной проверкой на терпение? Вполне. Он часто повторяет, что мне не хватает концентрации, что я вечно спешу. Так может, мне надо просто подождать его здесь? Сколько это может занять? Час? Два? Не так уж и долго. А что если всё обстоит серьёзнее? Может быть, прямо сейчас кто-то пробрался в их комнату...»

И только Артен подумал о том, что страже могло что-то не понравиться в деятельности господина Уолеса и что они могли бы с ним сделать, как он бросился обратно в дом и вверх по лестнице. Он мчался, уже не раздумывая, готовясь применить все те заклинания, что были у него в запасе. Он знал, что энергии вокруг дома должно было хватить на долгое сражение. И уговорить горячего князя смогло только тело господина Уолеса, в которое Артен влетел с разгону.

— Куда-то спешишь с самого утра? — спросил Найв, слегка отойдя от юноши.

Артен тяжело выдохнул, но на душе у него сразу стало спокойнее. Господин Уолес стоял здесь на лестнице, и с ним всё было в порядке, а значит, и с госпожой Аби, и с детьми... Со всеми всё было в порядке

— А? Не, господин Уолес, всё хорошо, — слегка задыхаясь, отвечал Артен. — Я просто увидел на двери в подвал замок и подумал...

Господин Уолес усмехнулся.

— Если бы что-то случилось, ты бы обязательно услышал крики, Артен. Это заложено в нашу природу, ты бы не пропустил такое. И всё же ты слишком торопишься и допускаешь ошибки. А теперь бегом вниз во двор и приступаем к обливаниям!

И Артен помчался вниз. За время утренней тренировки ему пришлось выслушать дополнительную лекцию о терпении. Найв повторял, что холодный ум — решение всех проблем, и если бы все люди думали своей головой, проблем в мире было бы гораздо меньше. Но как бы Артен ни старался сохранять непоколебимое спокойствие, он всегда срывался. Часто он винил во всём природную предрасположенность. Мол, он рождён хаосником, сильные эмоции — его оружие, используя их, он способен достичь большего. Вот только с самого детства он жил под крышей с человеком, что своим примером разбивал удобную теорию. Князь Сект и сам был хаосником, но при этом никогда не давал воли чувствам, а значит, и Артен способен на такое.

За время тренировки господин Уолес также рассказал Артену о готовящемся вечером празднике. Ерnodск праздновал двадцать третий день рождения Матесунского королевства! В честь этого король Сабидор пригласил в столицу представителей самых влиятельных ликмнских общин, решивших остаться независимыми за рубежом. Его Величество не терял надежды переманить их на свою сторону, уверяя, что им лучше держаться вместе. И для того, чтобы подчеркнуть силу единого государства ликменов, он приказал организовать военный парад. Сабидор устраивал его каждый год, но сейчас это было важно как никогда. Ему было важно объединить перепуганный пожарами и смертями народ и напомнить об их собственной силе. И в честь этого был издан указ о принудительном выходном для всех во второй половине дня. А вот было ли это поводом для задержки тренировки или это всё же был план обучения, Артен так и не узнал.

Сержант Кайльт был простым служащим стражи Ерnodска. Он ходил в патруль, ловил мелких воров, докладывал о неурядицах и уж точно не желал геройствовать. Он не любил, когда на него с неба падала лишняя работа, особенно та, которую сделать было необходимо, то есть назначенная специальным приказом руководства. А обеспечение порядка на проводимом в городе параде была именно такой работой. Его обязали проверить весь восточный рынок, чтобы там точно не произошло ничего незапланированного. Пусть люди торгуют, но среди товаров были только дозволенные, а как за этим уследить, если многие торгуют из-под полы? Только тщательный обыск каждой отдельной лавки.

Он узнал о своём назначении, когда только вернулся из уличного патруля. Сержант Кайльт был уставшим и сонным, он хотел набросать быстрый отчёт о проделанной работе и свалить из участка. А его направили сюда. С первых пожаров в прошлом году стража работала на пределе. Постоянные обыски и аресты — страже это нравилось не больше, чем простым людям. Работаешь круглые сутки до изнеможения за маленький оклад, чтобы больше никто никого не поджарил. За зиму они изъяли столько оружия и взрывчатых зелий, что казалось, можно было обеспечить целую армию, а всё равно по весне кто-то устроил очередной пожар. И теперь они уже работали в две смены и разносили людей, которых в городе боялся каждый второй. И только чудо, что сержант Кайльт был до сих пор жив.

«Нет, ещё немного — и точно уволюсь, — повторял себе сержант. — Пусть они ловцов на собак так нагружают. Почему только мы работаем в поте лица? Эти вон совсем не стараются! Я видел, как сегодня от них убежала какая-то рыжая шавка, а они глазом не моргнули. Нет, точно уволюсь!»

Сержант разделил рынок на зоны ответственности, распределил их между служащими младшего звена и отправил попарно обследовать рынок. Для себя и юного новобранца он оставил центральный съестной отдел, что хоть немного скрашивало работу. Там всегда можно было стражнику отведать чего-нибудь необычного и приятного, а главное, абсолютно бесплатно. И торговцы из уважения к форме всегда предоставляли лучший товар.

Главной жертвой сегодняшнего дня для сержанта стали гоблины, торгующие какой-то рыбной дрянью. Взгляд опытного патрульного сразу зацепился за их прилавок. Сержант Кайльт не мог этого объяснить, но чувствовал, что с ними что-то должно быть не так.

— Здравия желаю! Сержант Кайльт. Чем торгуете? — обратился стражник к серебрявласому гоблину за прилавком.

— Это фингли-лонг, офицер, — бодро ответил лавочник, — очень популярная закуска на восточном побережье. В её состав входят всякие моллюски, кальмары и прочие обитатели моря, включая водоросли. Всё это солится, квасится и подаётся за столом у почтенных орков.

Сержант странно посмотрел на продемонстрированное блюдо.

— И что, оно даже не испортилось, пока его везли через целый континент? — неуверенно уточнил сержант.

— О, да что же мы, изверги, возить такие яства такую даль! Эту восточную закуску мы собрали из наших местных морских обитателей! — продолжал быстро вещать гоблин. — Только так мы могли быть уверены в её качестве. Не желаете ли попробовать? Уверяю, в облике человека вы получите от неё удовольствия ничуть не меньше.

Сержант согласился на небольшую тарелочку заморского блюда, а новобранца направил осматривать стоящие за прилавком бочки, вокруг которых очень старательно крутились другие гоблины. Около десяти минут потребовалось стражникам, чтобы отобедать, задать вопросы об имени, месте жительства и роду занятий. И гоблин с радостью предоставлял всю ту информацию, которую хотел услышать сержант. Гоблины же подсовывали новобранцу один бочонок за другим, пока у юнца не начала кружиться голова от жуткого рыбного запаха. Всё, что он видел в каждом бочонке, — это одна и та же закуска. Как позднее отметил сержант, Кайльт, серебрявласый, был слишком уверен в грядущей популярности их продукта.

— Ладно, заканчивай, Арвонт! — приказал сержант. — Приносим прощения за беспокойство, господа, удачной торговли.

И стражники двинулись дальше по рынку, так и не заметив тот бочонок, на котором стоял серебряновласый гоблин. Поразительно, как легко бывает добиться желаемого, если быть чрезмерно открытым миру.

Вечером господин Уолес отпустил Артена посмотреть парад и насладиться праздничным городом. Сам Найв никогда не праздновал этот день, для него это была скорбная дата. Они проиграли в той войне и уступили земли, но он был не против, чтобы окружающие его люди были веселы и довольны. В конце концов, такова правда жизни. Победители должны пировать, а проигравшие — скорбеть. Но отправиться на праздник дозволялось лишь одному Артену. Господин Уолес со всей семьёй всегда оставался дома, чтобы у девочек сохранилась верная память о событиях, что произошли четверть века назад.

Артену было сложно решиться покинуть лавку. Ему передавалась часть тех громких мыслей господина Уолеса, что кричала: «Ты сам проигравший! Ты тоже с южных земель! Ты должен скорбеть!». Но интерес к происходящему был сильнее. К тому же Артен рос князем. Он знал, что проигрыш в Великой Войне Орков послужил серьёзным ударом для всего королевства, но сам он этого не прочувствовал. Страна была ослаблена, но не сломлена. И оттого он выходил на улицу не проигравшим, а сторонним зрителем.

Людей в тот день было огромное множество. Все кричали, бегали, спешили занять лучшие места. Центральные улицы были забиты. Кто-то додумался даже продавать места на крышах домов, притом чаще всего на чужих. И находились те, кто отдавал большие деньги за возможность увидеть марширующие войска Матесуна.

Артен присутствовал на парадах и раньше. Он следил, как колонны солдат маршировали по улицам города под звуки барабанов и труб. Каждая страна проводила свои парады, воспитывая гордость в своём народе. И часто они были похожи один на другой. Красивая броня — не подходящая для боевых условий. Оружие, отточенное до блеска, — словно его только изготовили на заказ. Отличалось всё лишь мелодией и расовым наполнением армии. И всё же парад всегда привлекал внимание.

Молодой князь купил у случайного торговца пирожок с мясом и хотел его разделить с Налли, но той так и не было рядом. «И где она только носится целый день?» — гадал про себя Артен, уплетая половинку разломанного пирожка.

Когда прозвучал сигнальный горн, оповещающий о начале торжественного события, Артен уже забрался на крышу отдалённого здания и сидел в окружении воодушевлённой молодёжи. Они видели, как на площадь уже прошагал отряд вооружённых орков. В армии Матесуна могли служить только ликмены, и на параде каждый отряд представал в одном определённом облике. Был строй орков, вооружённых тяжёлыми булавами, строй эльфов — с луком и стрелами, гномы — с молотами и так далее. Королевство гордилось своей боевой универсальностью и старалось это доказать совершенно всем.

И вот раздался второй сигнал горна. Скоро должен был выйти король Сабидор и сказать речь. Конечно, с места Артена ничего было бы нельзя услышать, но рёв аплодисментов всё подсказал бы сам. И потом каждый бы говорил, что это была лучшая речь на его памяти, хоть её содержание узнали бы лишь на следующее утро из газет. Вот только что-то пошло не так.

Артен сидел на крыше и чувствовал какое-то колебание в магии. Что-то огромное поднималось и будоражило магические лучи. А потом раздался ужасный звериный рёв. И кто-то недалеко закричал:

— Дракон! Пожар!

И в этот момент что-то на самом деле прогремело над городом.

Глава 16

Тот день Налли запомнила на всю оставшуюся жизнь. В течение зимы они с Чёрным псом и другими собаками находились в слабой позиции. Их шпыняли с улиц, за ними охотились, их убивали... Скольких хороших собак они потеряли за зиму и счесть нельзя. И вот теперь всё должно было перемениться. Каждый знает, что невозможно победить, исключительно терпя удары, надо перейти и в нападение. И они были готовы сделать это.

Всё утро Налли оббегала тайные собачьи укрытия, чтобы поднять всех оставшихся городских псов на бой. Она хотела нанести удар по самому центру вражеской силы — по скотобойне. Они должны были нанести такой урон, чтобы силы стражей навсегда оставили идеи убийств собак. Собиралась ли стая после атаки спасти и других забиваемых животных, Налли не могла себе ответить. С одной стороны, она понимала, что в убийстве ради пропитания нет ничего такого, но так хотелось проучить скверных людишек, ушедших в своём развитии не так уж далеко от неё самой.

И вот уже к полудню и Налли, и Чёрный пёс собрали у западных и северных ворот соответственно по паре сотен собак. По словам людей, что видели их, эти чёрные моря из животных наводили ужас. Они не кусались, но бежали, проламывая решётки в городских воротах. Никто не рисковал встать у них на пути. Кто-то мог подумать, что в городе после ужесточения слежки численность собак сразу сошла на нет, но это была лишь иллюзия. Они редко являются народу толпой, обычно поодиночке, и кажется, что их очень мало, но это ошибочно. Даже если бы кто-то удосужился посчитать всех тех смелых псов, что откликнулись на зов Налли, ему всё ещё было бы слишком сложно поверить, что это даже не треть городских четвероногих, что остались без крыши над головой. Но благо для Стаи стай, что обычные граждане в тот день желали больше, чем паники. Около десятка горожан всё же вспомнили, как животные умчались из города в первые минуты пожара, но их и слушать никто не стал.

Налли сразу объясняла Чёрному псу, что им необходимо сбить преследователей со следа. Стража могла и не допустить столь дерзкой собачьей вольности и собрать все силы своих ловцов в кулак, чтобы наверняка распугать и разгромить Стаю стай. И потому они вышли с двух разных городских ворот и двигались к своей цели кругами, пробираясь через лесные чащи. Полтысячи псов бежали, избегая прямых дорог и внимания со стороны случайных грибников. Они могли по пути раскромсать случайную белку, оцепеневшую при виде столь грозной толпы, но ни за что не трогали людей, если те сами не тянули к стремительной толпе руки. В таких случаях кто-то очень вскоре ощущал на своих ногах и пальцах всю тяжесть собачьих челюстей.

Ближе к вечеру вся Стая стай собралась на месте. Они затихли в кустах, прячась в листве, стараясь не привлекать внимания. Возможно ли было подступиться к скотобойне, обнесённой гигантской стеной, в момент, когда все ворота закрыты? Да, если тебе совершенно не жалко было пару сотен хороших псов положить на взятие одних только стен. Налли считала это безумством. Надо было ждать, сопротивляясь сильному запаху крови, пока кто-нибудь не отопрёт ворота. Она наблюдала несколько раз за последние месяцы, как повозка ловцов утром и вечером приезжала сюда. Иногда даже по несколько раз, если у собак был очень неудачный день.

Но ожидания были не напрасны. Даже в праздничный день всегда находятся те, кто безоговорочно занят своей работой. Их не освобождают пораньше, им не оплачивают работу двойной нормой, они просто служат своей стране и делают то, что сказано. И потому они прибыли к шести часам вечера, как и было положено. Улов за сегодня у них был не очень большой, поэтому досмотр они хотели пройти по-быстрому, лишь расписавшись относительно времени своего прибытия... Как вдруг из листвы послышался лай.

Налли призывала всех собак броситься в бой через отворившиеся ворота. Чёрный пёс повёл собак за собой. Он первым бросился на конвой и отворившую ворота стражу. Это были

не военные, не те, кто привыкли иметь дело с уличными бойцами, и напугать их было не сложно. Они и сами готовы были броситься на утёк, как только приметили то море собак, что появилось из ниоткуда. И всё же Чёрный пёс пытался вселить самый что ни на есть ужас в их души.

Кто-то кричал: «Закрывайте ворота!» — кто-то призывал бежать что есть мочи. И никто так и не удосужился действительно перекрыть дорогу Стае стай. Собаки бросались на людей, что попадались им на пути. Они их кусали, царапали, валили с ног и старались нанести самые страшные увечья.

Налли была одной из тех, кто первой переключилась на поиски выживших собак, которых можно было ещё найти. Она рвалась во все закрытые двери, но везде находила лишь шкуры и кости погибших псов. Она выла от злости, но бросалась вперёд, даже если это выходило за рамки собачьего участка скотобойни. Она оббегала и коровью часть, и овечью, но нигде не находила живых сородичей, лишь зверей, что были подготовлены к расправе, и людей, что бросались в ужасе.

И, может быть, ей следовало насладиться боевой победой, пока она могла. Они точно отбили конвой, спасли полдюжины собак и точно запугали людей. Можно было порадоваться, побезобразничать и уйти, но Налли продолжала искать, чем задерживала стаю. А как известно: лучшее нападение — то, которое не даёт противнику времени опомниться. Многочисленная стая собак может напугать даже подготовленного человека, но это ровно до того момента, пока он не вспомнит, кто считается королём этого мира. Разум помог человеку, эльфам и даже оркам забраться на вершину пищевой цепочки, и никто не в силах противостоять ему. Тем более волосатый комок лая, бегающий на четырёх ногах.

Чёрный пёс пытался отозвать собак, заботясь об их жизнях, но авторитет Налли был непоколебим. Она победила его за городом в прошлый раз, и собаки это знали. Все шли за ней напрямиком в ловушку.

Налли даже не заметила, как в цеху по освеживанию разбилась какая-то склянка. Она упала сверху так, словно кто-то её сбросил, и всё помещение стало быстро наполняться дымным газом. Чёрный пёс громко залаял и призвал всех бежать вслед за ним, но на выходе уже стояли полностью облачённые в защитную одежду стражники. Они больше не выглядели как городская охрана, что будет возиться с тобой дружелюбно, чтобы никто о них не подумал плохо. Они выглядели как элитные солдаты, которых готовили к войне с собаками, на них были пластинчатые доспехи из облегчённого металла и белые маски, пропитанные соком полыни. Их запустили сюда, чтобы уgomонить тех псов, что не усыпит выпущенный дым. Все, кроме одного, даже убивать не собирались, только усыпить, но тот один... О, это был Паха «Резак» — главный враг собак в Ерnodске на протяжении уже многих лет. Он резал даже тех, что были чьими-то домашними животными, просто из ненависти. И когда открылась должность на скотобойне в отношении собак, он стал первым желающим. И именно он был первым человеком, что вспомнил, кто главный на скотобойне.

Чёрный пёс напрыгнул на одного из появившихся в дверном проёме охранников и попытался сбить его с ног, чтобы открыть дорогу остальным. И хоть противник устоял на ногах, но у остальных появился хоть какой-то шанс. Кто-то уже падал без сознания, кто-то успевал улезть, и лишь Налли продолжала искать. Она верила в свою безоговорочную победу, даже когда перед ней встал Резак и замахнулся своим убойным удлинённым ножом. Только быстрая реакция Чёрного пса, что заметил приближение Пахи раньше и бросился наперерез через весь зал, уберегла Налли от удара. Пёс схватил Налли зубами за шкуру и потащил к выходу.

Продраться через падающих, засыпающих псов и уклониться в убегающем от ловцов десятке собак было не слишком сложно. Чёрный пёс вынес засыпающую Налли наружу, но там он увидел, как стражи уже закрывают ворота, и он побежал что было духу. Он успел выкинуть за пределы скотобойни Налли в последнее мгновение, благо она была небольшой и лёгкой

дворняжкой, а сил у него ещё хватало. Его разум уже отключался, даже для него дыма в помещении было чересчур много, но Чёрный пёс продолжал лаять так громко, чтобы успевшие убежать собаки поняли его сигнал. Только приближение Резака заставило Чёрного пса замолчать.

Над головами людей на площади пролетел красный дракон. Люди в ужасе разбежались кто куда. Одни с испуга бросались в него едой и прочим, что попадалось под руку. Другие кричали от ужаса и падали в обморок. Никто не мог понять, откуда мог взяться дракон столь внезапно над центральным рынком и почему он парил над городом вместо того, чтобы направиться прямо ко дворцу. Но и задаваться подобными вопросами в моменты царящей паники способны были лишь единицы.

Артен, поддавшись первому крику, постарался найти безопасное место, но когда ты сидишь на крыше дома, сделать это весьма проблематично. И тогда он сел в позе лотоса, пытаясь создать хоть толику покоя в безумной среде. Ему всегда повторяли: не можешь изменить обстоятельства, поменяй своё отношение к ним. В случае же с нападением дракона вероятность человеческой смерти стремится к абсолюту, а раз так, зачем торопиться помогать ему в этом, ведь зачастую паника способна убить тебя не хуже. И Артен решил ждать.

Он посмотрел вверх и увидел того дракона, про которого все кричали. Это был красный огнедышащий дракон, самая распространённая порода и далеко не самая большая. Метров пятнадцать длиной, с огромным размахом крыльев и необычайно удлинёнными конечностями. Его чешуя переливалась алым и бордовым цветом, и только особо внимательный человек мог заметить среди них ещё и редкие оранжевые огоньки. Дракон словно сошёл с учебника по биологии или из-под кисти не самого успешного художника, творившего огнедышащую рептилию по памяти.

Артен улыбнулся. Ликмены были мастерами в вопросах по запудриванию мозгов, меняя собственную внешность. Они сами с лёгкостью опознавали друг друга независимо от принятого образа, но другим это давалось с трудом. И теперь Артен видел, как кому-то удалось надуть целый город ликменов. Нет, будь этот огнедышащий дракон одним из них, кто-то бы его опознал, и ужаса бы не было. Это же была магическая иллюзия. Кто-то запустил образ рептилии летать над городом и тем самым затуманил рассудок людям, что не могли почувствовать и нотку применённой магии. Потому дракон и не спускался, чтобы никто ни одним пущенным камнем не попал по нему. И Артен выдохнул, аккуратно посмеиваясь над происходящим.

Вдруг раздался ещё один взрыв с набережной, и он вытащил Артена из бессознательного состояния. Да, пусть дракон и был лишь средненькой иллюзией, пускающей пыль в глаза, но где-то на самом деле полыхнул пожар. И уже точно нашёлся газетчик, что приплёл во всё виноватых драконов, даже если ни одного из них не было во всём Матесуне. На такой случай всегда найдётся подходящий неудачник, к тому же его уже видел весь город.

Надо было срочно что-то предпринять. Артен чувствовал огонь. Он ощущал, как загорелся дом на набережной. Он много раз проходил мимо него. Это было большое каменное здание, в котором одновременно размещались жилые комнаты и театральная сцена. Там всегда были люди: взрослые, дети, старики... А ещё горел дом на Сторожевой улице. Он всегда был за большим решётчатым забором, Артен даже не видел, как туда кто-то проходил, но люди там были. Он был уверен в этом... Был и рынок. Спасти его уже не было возможности. Мелкие лавочки прогорают как спички. И был тот новый взрыв... О да, Артен чувствовал его, с ним что-то было не так. Та же гарь, те же компоненты, но легче... Чуть слаще... Этот пожар в чёрном доме у восточных ворот манил молодого князя.

Артен посмотрел вниз. Люди на улице неслись, сбивая друг друга с ног. Все буквально бежали по головам друг друга, пытаясь спасти собственную жизнь, даже если ей ничего не угрожало. Артен отвернул взгляд. Ему было тошно. Страшно даже было подумать, что могло бы произойти с ребёнком, оказавшись в давке. Даже взрослые теряли сознание и сползали на

мостовую, превращаясь в кожаный коврик, а эти малютки... И ведь они на самом деле были среди спешащих и паникующих людей. Артен постарался не думать об этом.

Он вдохнул запах дыма, нависший над городом, и сделал шаг назад. Он всё уже для себя решил. С одного разбега Артен набрал подходящую скорость для прыжка. Он прыгнул с крыши на крышу. В этом не было ничего сложного для кудесника хаоса. Он пропустил сквозь себя поток магической энергии и сосредоточил её небольшую часть в своём подсознании. Он запечатал её там, придав форму маленькой кошки. Последняя часть была не столь обязательной, главное было аккумулировать её внутри себя и разогнать по всему телу, оставив вариться в глубинах разума. Но Артен с детства привык играть с формой магической энергии, и оболочка кошки для обретения кошачьей реакции вырвалась у него непроизвольно. Теперь эта кошка в его подсознании заведовала его скоростью, ловкостью и моментальными решениями.

Артен решил для себя, что бежать по улицам города — не выход. Он просто не успеет на набережную, если будет идти среди тысяч людей. А поспешить надо было. Он мчался, огибая случайных прохожих, что так и не успели в первые секунды спуститься. Он распугивал голубей и прочих птиц, что оккупировали любые городские возвышенности. Он бежал, не останавливаясь и почти не думая. Надо было просто успеть.

Вскоре он завидел источник дыма, а затем уже и пылающий дом. Огонь рвался наружу отовсюду. Каждое окно разбивалось под нагревом, освобождая пламя. И даже в самый жуткий час, когда весь город вопил о драконе, вокруг горящего здания собралась толпа зевак, желающая просто посмотреть, что произошло и как работает пожарная бригада. И работала она без поддержки на самом деле плоховато. Набор граждан в Ерnodске для противодействия пожарам шёл медленно и неохотно. После того кошмара, что натворил в городе Артен, король постарался сделать данный род занятий перспективнее, увеличив жалование, но на общественный интерес это сказалось не слишком сильно. А в этот день пожаров было слишком много, чтобы бригада могла успеть везде. И набережной решили выделить всего пятерых человек, которые смогли бы не допустить расширения зоны пожара. И в этом был весь план. Пожарным удалось привлечь к себе на помощь ещё нескольких гражданских, чтобы те помогали доставать воду из реки и заливать огонь, но это несильно исправляло положение.

Артен прислушался к разговорам. Он слышал, как люди болтали о том, что в доме остались люди. Кто-то успел убежать, а кто-то был всё ещё там. Дом был большой, они могли быть где угодно. Они могли быть уже мертвы, но Артен об этом не думал. Он резко спрыгнул на открытый балкон семейной пары, что смотрели на пожар.

— Мне нужны гвозди, стул, ненужная одежда и тазик воды!

Жена в ужасе закричала. Мужчина замахнулся рукой и попытался ударить Артена, но юноша среагировал быстрее. Он схватил руку мужчины и скрутил его в захвате. Он действовал интуитивно и повторил свою просьбу. Он не пытался оправдаться или сбавить темп. Он оттолкнул мужчину и повторил свою просьбу, и резко достал все деньги, что были у него в карманах. Этого бы не хватило, если бы ему требовалось выплатить супругам компенсацию за беспокойство, но их финансовые затраты возместило. Но в тот момент хозяева дома на деньги даже не смотрели. Они в шоке вынесли Артену всё, что он просил, и тот умчался наверх, словно его и не было.

Артен никогда ещё не делал ничего подобного, но он слышал, как действуют кудесники в Шэхирке во время пожаров. Надо было совместить мелкий раскалённый песок металла и уголь, и тогда дым не станет тебе серьёзной помехой. Хотя бы минут на десять. В спешке он добела раскалил гвозди своим пламенем, а потом измельчил куском камня, что нашёл неподалёку. С углём было сложнее, его создание требовало большей концентрации. Артен отломал ножку у стула и окружил её огнём. Он нагревал деревяшку так, чтобы она не загорелась. Он не позволял даже искорке коснуться её. А затем, когда понял, что всё готово, бросил её в воду. Дело было за малым.

Через пять минут кто-то мог бы поклясться, что видел, как парень с перемотанной головой и с оборванными рукавами влетел в горящее здание, но поверили бы ему лишь через полчаса.

Перед тем как запрыгнуть в пожар, Артен постарался восстановить хоть немного внутренний запас магии, но времени на это не было. Любой кудесник в критической ситуации старается меньше полагаться на внешние магические лучи, подключение к которым занимает те миллисекунды, что могут стоить тебе жизни, но на кону уже были чужие жизни, и молодой князь не мог позволить себе ещё промедления.

Он пробирался через пламя и дым, то уклоняясь от огня, то перенаправляя его. Он двигался быстро и смело, обыскивая мелкие закоулки. Он вышибал двери из комнат и уклонялся от падающих обломков. Он кричал, чтобы дать надежду тем, кто был ещё жив. Он надеялся, что кто-нибудь прокричит ему вслед, но первое время лишь тишина и обугленные тела служили ему ответом.

И вот когда Артен начал терять надежду, он почувствовал, как по полу пролетел ритм старой детской песенки. Она шла динамичной волной с одного из нижних этажей. Артен почувствовал её своим телом, весь мир словно завибрировал, и Артен рванул к лестнице.

Вдруг краем глаза он заметил, как пламя мгновенной вспышкой полетело в его сторону. Оно словно само почувствовало, что Артен намеревался сделать, и пыталось ему противостоять. И у Артена не хватало сил уклониться, зато у Поджигателя хватало сил, чтобы оградить себя от струи огня мощным пламенным кругом. Это всё заняло долю секунд. Лишь доля секунд разделила смерть и жизнь, и лишь безупречная реакция и взрыв внутренних эмоций дали заряд Артену, чтобы остаться в живых.

Когда всё закончилось, он встал среди пожара и застыл. Он пылал яростью. Он хотел убежать туда, где было интересно. Он чувствовал, что должен быть там, где раздался последний взрыв, у того манящего пожара. И он хотел убежать туда.

Стук детской песенки раздался снова. И Артен очнулся. Времени на раздумье снова не было. Он побежал на помощь людям.

В тот день Артен вытащил из дома на набережной пятнадцать человек: трёх стариков, пять детей, шесть девушек и одного мужчину. Каждый раз, как он вытаскивал очередное полубессознательное тело из здания, толпа громко шумела в восторге. Он передавал свою ношу пожарным и убегал следом. Он не задумывался, какими словами в этот момент горожане награждали его, а какими плевались в членов бригады, но это было совершенно неважно. Главное, что люди были спасены. Несколько раз он пропускал удары пламени по себе, иногда он даже не мог увернуться от обломка дома, но он продолжал двигаться вперёд. И неважно было, что именно толкало его вперёд — собственный характер или сама магия. Он действовал, и на этом всё.

Взваливая на себя последнюю девушку, что-то внутри Артена прямо сказало ему, что больше в доме никого нет, и он уже не стал возвращаться в горящее здание в шестнадцатый раз. Он вынес девушку, положил её на землю к остальным и рухнул в траву под гром аплодисментов. Он стянул с себя почерневшую, обугленную повязку и глубоко вдохнул. Наконец ему стало легко. Он лежал на холодной земле и был счастлив. Он был жив, и люди рядом были живы. Да, кого-то он спасти не успел, и, может быть, если бы он поспешил ещё сильнее, он бы спас и их. И тогда счастье кончилось.

К Артену подошли пожарные, они хотели помочь ему подняться, но он не принял их помощи. Он ощутил, что надо бежать дальше. Времени ещё есть. Он схватил задымлённую повязку и поспешил прочь. Какой-то парень с книжечкой пытался его остановить, задать какие-то вопросы, но молодому князю было не до этого. Он неосознанно дал писарю один случайный

ответ, что слетел с его уст самостоятельно, и умчался на крыши. Возможно, если бы Артен дал себе продышаться, он бы вообще ничего не сказал, но иногда слова, особенно простые, которые мы знаем с детства, сами находят выход, если услышат правильный вопрос.

Пожары в городе ещё продолжались, он это точно знал. Артен чувствовал, как огонь ещё полыхает. Да, он стих на рынке, но горящие здания ещё светились в уже накрывшей город ночной тени. И даже тот пожар, что был слабее, ещё теплился.

Артен посмотрел вверх. Всё небо заволокло дымкой. Звёзды скрылись окончательно, только луны хоть как-то освещали путь. И не было дракона. Видимо, время иллюзии кончилось, — ответил для себя Артен и вдруг недопрыгнул до следующей крыши.

Он не понял, как это случилось, но он резко полетел вниз, как будто что-то в моменте его отвлекло. Он пытался схватиться за оконные рамы, но это причинило лишь ещё больше боли. В конечном счёте он оказался в грязи, ощутив боль, распространяющуюся по всему телу. Артен стиснул зубы, чтобы не заорать во всю глотку. Ему было плохо, но он никак не мог понять почему... Вдруг к его больной руке прижался тёплый комок шерсти.

«Конечно, — подумал про себя Артен, — кто же ещё мог привлечь моё внимание?»

Это была Налли, и она плакала, прижавшись к Артену что было мочи. Она знала, что ему сейчас плохо, но не могла ничего с собой поделать. Ей было тоже плохо, и она своим плачем умоляла о помощи. Она ничего не говорила, лишь скулила и жалась к единственному человеку, которому могла доверять безоговорочно.

И Артен нежно прижал её в ответ, преодолевая боль. Он уже и забыл, что, услышав её лай, свалился с крыши. Это был такой пустяк на фоне того, что Налли была жива и рядом. И потому он с усилием заставил себя на мгновение остановиться и полежать с милой дворнягой на дне незнакомого переулочка. Это всколыхнуло его личностные чувства и переживания. Ему вспомнилась Айха, её улыбка, то, как они вместе валялись на лугу, и последующий ужас от пожара... На этот раз всё было иначе. Он больше не позволит подобного ужаса. Да, кто-то уже погиб, но это совершенно незнакомые люди, это не то. И даже их он постарался спасти... Главное, чтобы ещё Майла с сестрёнкой не пострадали. Но с ними ведь Найв! Он разумный мужик, он не допустит, чтобы с его детьми что-то случилось. Все в безопасности.

Через каких-то минут пять Налли рассказала Артену о произошедшем. Вернее, о той части, которую сама помнила. Она вкратце поведала ему о своей деятельности и о том, как они совершили нападение на скотобойню, и как всё пошло кувырком. Она жаловалась ему от бессилия. Налли помнила, как её оттащили уличные псы, помнила, как заснула. А потом она проснулась, и ей было тошно. Рядом не было никого, кого бы она хорошо знала, ни из людей, ни из псов. Она слышала, как город покидало всё большее число псов, слышала, как они убегали от огня, но побежала внутрь, потому что больше для неё ничего не было. И она искала Артена, как единственного человека, что был ей по-настоящему важен, потерять ещё и его она была не готова. Он оставался островком спокойствия в её мире, что закрутился невероятно.

Ещё день назад Налли бы накулила обо всём Чёрному псу, но сейчас это было уже невозможно, а выразить свою боль она очень хотела. Она чувствовала, что это было не совсем правильно с её стороны, Хозяин бы такое не одобрил, но она не могла поступить иначе. Налли даже представить не могла в тот момент, к чему это может привести, лишь через минуту после завершения своей истории до неё дошло, когда она взглянула Артену в глаза. В них читалась ярость. Она была очень похожей на ту, что Налли видела прежде в начале зимы, но куда страшнее, и рыжая дворняжка не понимала, что именно поменялось. И она съежилась прямо у него на руках.

Артен встал, положив Налли на мостовую. Он был весь в грязи, но это его не волновало. Он уже прошёл через огонь и пепел, и выглядеть хуже уже просто не мог. В его глазах читалась злоба. И он направился к восточным воротам. Может быть, Налли и жаловалась ему просто так, потому что иначе не могла, но он воспринял это как личное. Теперь его задачей было всё

исправить. Он должен был спасти тех собак, что ещё можно было. Он обязан был вытащить Чёрного пса. Не из чувства справедливости или долга, а ради Налли, собачки, которой было плохо. И больше его не волновал тот сладкий пожар, к которому его тянуло чутьё, это дело других. Пусть другие разбираются с этим, у него сейчас было дело важнее.

Налли сильно испугалась увиденного в Артене. Она побежала следом, пытаясь его отговорить, но он уже её не слушал. Она чувствовала, что своими слезами загубила труды многих дней, что, возможно, именно этот поступок может навсегда подтолкнуть молодого князя в объятия кровожадной жестокости или куда хуже, если ему просто понравится причинять боль и убивать. И всё же внутри неё какой-то тонкий голосок кричал, что с ними так и надо, иначе с такими, как Резак, нельзя. И этот голос ждал краха проклятой скотобойни.

Пройти сквозь ворота, когда весь город стоит на ушах, — задача не из сложных. Артен и Налли спокойно покинули городские стены и погрузились в ночной лес. Всюду слышался лай и топот собачьих ног. Артен давно уже убедился, что, вопреки расхожему мнению, далеко не все псы преданные охранники своей земли или даже друг друга. Если же их серьёзно напугать, большинство удерёт также быстро, как антилопа от крупного хищника. И сейчас эти напуганные и разбросанные по лесу звери могли насчитывать тысячи. И почему-то эти тысячи наблюдали именно за ними, Артен чувствовал это. Все словно окружали их двоих и сами толкали к скотобойне. Благо, Артен и так туда направлялся.

Несмотря на уговоры, Артен не стал брать Налли с собой. Она очень просила, ей важно было видеть то, что он собирался делать, но князь отказал. Преодолевать высокий забор с собакой на руках было неудобно, пришлось бы выламывать ворота, а это бы испортило всякую конспирацию. Да и тяжело было думать, что могло бы случиться с Налли внутри. Вечером ей повезло не найти мёртвых тел сородичей, но дважды так может и не выгореть.

Артен нацепил на себя продыmlённую повязку, взбодрил волшебного кота и прыгнул на забор что было мочи. Он зацепился за него и начал карабкаться вперёд, интуитивно находя то, за что можно было зацепиться. Вскоре он был уже на вершине, с которой моментально спрыгнул на территорию скотобойни, чтобы никто его не заметил.

Внутри было шумно, как и в самом лесу. Лай собак не замолкал, но это и помогало. Артен мог не волноваться, что случайным неверным шагом он мог привлечь к себе внимание. И всё же он старался скрываться в тени и передвигаться незаметно, и это принесло свои плоды. Когда он проходил мимо овчинного забоя, он заметил пару сотрудников, что шли по своим делам. Не все, конечно, но некоторые люди жили на этой скотобойне. Кто-то вынужденно, кто-то из личных чувств, но это делало её небольшим городом. Всегда был кто-то, кто не ложился спать. Ну а сегодня, когда весь мир ликменов перевернулся собачьей революцией и драконом в столице, ожидать, что все будут спать, не приходилось. Артен подкрался к ним незаметно со спины. Сперва его внутренний голос требовал использовать огонь, но вместо этого князь перешёл в рукопашную схватку. Он ударил одного из них по ногам, роняя на землю, а после — второго в шею. Артен был быстр и использовал все те знания, что получил от Найва и прежних учителей. И вскоре, не издав ни одного крика, работники валялись без сознания под его ногами.

Налли объяснила Артену приблизительно, где должны содержаться пойманные собаки, но Артен не направился сразу туда. Его волновало, что же точно делали с псами на этой скотобойне. Он не видел, чтобы в лесу полыхали огни, да и запаха горящего мяса не было. Не видел он и засыпанных котлованов. Он очень надеялся не найти подтверждений своих худших теорий. В каждом городе поговаривают, что мелкие лавочники торгуют мясом не специально выращенных животных, а пойманных у ближайшей помойки, но чтобы это было поставлено на поток, казалось невысказанным.

Артен шагал из одного цеха в другой, вырубая случайных зрителей, а потом он оказался в огромном хлеву. Скотобойня Ерnodска завела у себя десятки свиней, все они громко чавкали

и хрюкали. Это были крупные и страшные звери, на мордах которых не читалось ни капли сознания. Артен шёл среди них спокойно, пока не обратил внимания на кормушки, в которых он разглядел остатки шерсти и кости. Как бы ему сказал любой управляющий: на любой скотобойне обязаны быть свиньи, как минимум чтобы подчищать грязь. Эти неприхотливые создания жрали всё подряд. Не все коровы или овцы годились на продажу после разделки, да и не все органы, зато свиньи избавляли управляющих от мысли, что делать с не пригодившимся добром. Две задачи решались махом. И Артену было противно. Нет, не от вида того, как розовый кабан поглощал ногу длинной короткошёрстной собаки, а от осознания, что людей кормили мясом тех, кто пожирал собак, чьих-то бывших питомцев, тех, кого кто-то когда-то любил. Это было мерзко. Может, в этом не было ничего кощунственного для поджигателя-убийцы, но для князя Нонморта было. И он был в бешенстве.

Мысли настолько захватили Артена, что он не заметил, как к нему со спины подошёл мужчина с огромным окровавленным ножом. Секунда промедления, а Артен уже валялся на полу, вдавленный в кормушку для свиней.

— Так-так, посторонний, значит! — громко произнёс Резак. — Проникновение на частную территорию карается страшнейше.

Глаза Резака засверкали. Искры из них разлетались по всей комнате. Он получал наслаждение от того, что ему пришлось повалить человека. Он давно ждал такой возможности. И никто не осудит его за чрезмерную агрессию, если проходимец умрёт, всё было в рамках самообороны.

Резак замахнулся своим ножом, как пол под ним загорелся. В случае чрезвычайной опасности каждый реагирует так, как привык, и у Артена вырвалось защитное заклинание. Конечно, круг пламени сложно было назвать исключительно защитной мерой, Артен и сам применял его не раз в нападении, но сейчас всё было именно так. Он намеревался обжечь противника и быстро отступить. Он хотел дать себе время на размышление, но, как и в любой схватке, всё сейчас происходило слишком быстро. Резак отшатнулся от огня, но лишь на секунду, не ожидая встретить фокусы со стороны противника, но уже достаточно скоро начал относиться к этому с улыбкой. С детских времён у него не было достойного противника.

— О, так перед нами кудесник! Что ж, поиграемся с тобой, кудесничек.

Всё это Резак произносил с жуткой улыбкой, которая не вселяла ужас своей неестественностью. И пока Артен убегал прочь, жуткий мучитель скота принимал обличье демона: высокого чёрно-красного существа с шипами, расположенными по телу. На всей планете особей этого вида едва ли достигало десяти тысяч. Они были известны по всему миру своей алчностью и жестокостью и презрением к себе подобным. И сложно было бы представить, что Резаку, выросшему в небольшой деревеньке, приходилось столкнуться хоть с одним из них, но таковой была правда. Его отец был демон, а мать — ликмен, страшное сочетание, подарившее миру не менее жуткое дитя.

Демон в мгновение ока преодолел пламя и оказался в комнате, куда умчался Артен. Резак двигался медленно, но резко, ожидая следующего удара в спину. Он жаждал проверить свою реакцию. И Артен не заставил себя долго ждать. Князь нанёс удар огненной стрелой сверху в своего противника, но быстро понял, что промазал, когда почувствовал удар по рёбрам. Резак телепортировался, как и любой настоящий демон, и игрался. Он наслаждался страданиями жертвы.

— Ну, кудесничек, это всё? Разве только на это тебя и хватит? Думал, что придёшь и освободишь мерзких собак и не столкнёшься с неприятностями? О, так не будет!

И Резак замахнулся рукой с ножом. Он желал отсечь Артену ухо или нос, что-нибудь такое, чем потом можно было бы дразнить и подначивать мага, но князь увернулся. Подсознательный кот, хоть и тратил из-за усталости Артена больше энергии, чем положено, но в критические моменты приходил на помощь.

Артен чувствовал, что физической силы ему не хватит в бою с Резаком. Он потерял свой главный фактор внезапности, у него не было никакого оружия, и бежать от перемещающегося маньяка было бессмысленно. Оставалась лишь ярость против ярости. Испуг против испуга. Артен должен был сам огорошить противника так, чтобы тот потерял концентрацию.

Вдруг Артен слышал лай. И не далёкий из леса, а здесь, совсем близко, и тогда у князя родилась идея. Артен призвал молнию прямо перед лицом Резака и скрылся из виду.

Ослеплённый на считанные секунды Резак потерял контроль над собой. Он был взбешён. Его ненависть, бурлившая на умеренном огне, получила невероятную подпитку. Он был уверен, что справился бы с таким зарядом, если бы кудесничек направил молнию прямо в него. Это же была игра не по правилам. Это был не бой, а фокусничество, позёрство. Он чувствовал, как его оскорбили. Резак был мощнее юркого парня, он должен был оказаться на вершине. Ничего, всё было ещё впереди. Резак решил снова сыграть в прятки.

Он медленно шёл из цеха в цех, ожидая, когда на него обрушится очередной удар. Надо было лишь ответить быстрее. Так он прошёл до клеток с псами. Все собаки были на месте, а удара так и не было. Демон огляделся.

— Ну что же ты? Где ты, кудесничек? Неужели не способен выйти на бой? Испугался? Что же, тогда за тебя пострадают эти шавки!

Резак наклонился к дверце от ближайшей клетки и хотел уже открыть её, как ему в нос влетел стеклянный пузырёк и разбился на мелкие кусочки. Комнату начал заволакивать дым, а в тело демона тут же посыпались огненные стрелы. Артен нашёл этот пузырёк в одной из комнат, которые оббегал. Его реакция сама заставила его обратить на них внимание. И Артен решил, что если эти пузырьки с зачарованным дымом сгодились, чтобы усыпить стаю собак, то и для одного демона сгодятся. Что до огненных стрел, это было больше отпугивающим ударом, который при массовой атаке должен был и нанести ущерб, но в первую очередь это должно было дать ему время для освобождения собак.

Артен открывал клетку за клеткой, приближаясь к Резаку всё ближе и ближе. Тот под градом ударов сам начал сползать на пол, постепенно теряя сознание. Артен приблизился к демону вплотную, схватил его за голову и ударил об пол.

— Сколько собак ты убил за сегодня? Сто? Двести? И зачем? Чтобы скормить свиньям или потому, что ты сам хотел убивать? А людей ты тоже уже убивал? Или я был твоей первой жертвой? Сколько вообще ты убил?

С каждым словом, с каждым ударом ярость Артена захватывала его сознание. Его руки нагревались, начиная пылать. Он смотрел на Резака, и тот был ему противен. Поджигатель убивал людей за меньшее. Этот заслужил свою участь. Руки поджигателя загорелись, и он начал наносить удары кулаками по потерявшему сознание противнику. Что если такому человеку на следующий день попадётся под руку не Артен, а Майла или Вайрон? Нет, поджигатель должен довести дело до конца.

Вдруг Артен почувствовал острую боль в ноге. Это был Чёрный пёс. Он был покрыт свежими шрамами и ещё не затянутыми ранами, но это был точно он. И он пытался оттянуть Артена от демона. И поджигатель ушёл. Артен не понимал, зачем псу потребовалось прерывать их, но с потухшим блеском он был уже не готов к расправе.

Руки Артена потухли, и он прижал к себе пса и потрепал его по голове. Чёрный пёс игриво отбивался, но позволил человеку немного нежности, а потом указал на стаю.

— Да, дело ещё не закончено, — произнёс Артен и встал.

Он оставил Резака валяться на полу, не интересуясь, жив тот или мёртв. Это была последняя жестокость на сегодня.

Собак Артен вывел на улицу с шумом. Стая стай бежала вперёд, распугивая тех, кто был готов рискнуть своей жизнью, чтобы посмотреть на происходящее. Ворота Артен открыл сам, вручную, чтобы не поджигать сегодня ещё и лес. За воротами его уже ждала рыжая моська.

Хотя ждала ли она именно его, Артен ответить не мог. Налли бросилась сразу против потока к Чёрному псу и... Ну, они приветствовали друг друга как собаки, и Артена это даже улыбнуло.

Через каких-то полчаса Стая стай и Артен сидели в глухом лесу и зализывали раны.

— Ты не должен был идти туда, — корила Налли Артена, зная, что теперь он её снова слушает. — Ты мог погибнуть, ты к такому не готов. Это вообще не твоё собачье дело!

— Но если бы я так не сделал, то Чёрного пса ты могла бы больше и не увидеть.

И в такой шутиливой перепалке проводили Артен и Налли остаток ночи, чувствуя. Налли обвиняла Артена в безответственности, а тот указывал на собственный успех. И оба боялись сделать вывод. Они смотрели друг на друга и улыбались сквозь грусть.

Чёрный пёс сидел рядом с ними и смотрел на них, как на детей. Для него всё было просто, и он уже сделал свой выбор. На рассвете Стая стай должна была покинуть окрестности Ерnodска. Больше они терпеть не могли. Конечно, кто-то не выдержит дороги и вернётся домой, кто-то погибнет в пути, но свою стаю Чёрный пёс доведёт к лучшему миру. Там не будет живодёрни, которую он видел в тот день, он не даст никому так относиться к его собакам, даже если это не понравится Налли, даже если для этого придётся убить человека. Чёрный пёс этого не допустит. Но другую собаку он бы не убил. А ещё он знал, что решили для себя Налли и Артен, и оттого смотрел на их перепалку как на глупость.

— Ты не справишься без меня, — ближе к рассвету сказала Налли. — Ты пропадёшь! Что если ты опять окажешься в подворотне или...

— Налли, послушай меня, всё будет хорошо, — тихо ответил Артен. — Ты помогла мне очень и очень сильно. Без тебя я бы так и остался в том гроте. И я благодарен тебе, но сейчас ты нужна стае. В городе они могут прожить без тебя, но в лесу... Они твоя новая ответственность, твоё новое дело. Ты должна меня отпустить...

— Но я не могу...

— Мы ещё встретимся, но не здесь. Скоро так или иначе и мне предстоит покинуть Ерnodск. Чувствуешь? Это ветер перемен. Всё будет в порядке.

На глазах у Налли застыли слёзы. Она знала, что Артен прав, она сама это чувствовала. И то, что Артен не опустил до убийства, доказывало её правоту, но ей всё равно было больно. И что ужаснее всего, так случалось каждый раз, каждый раз она привязывалась к своим подопечным так, что было больно прощаться. И она не хотела повторения. Даже слова про будущую встречу повторялись из раза в раз и всегда оказывались ложны, и ей хотелось выть от боли. Артен тоже знал, что шанс встречи маленькой рыжей дворняги и князя слишком мал, чтобы быть правдой. Но ведь это раз случилось, так почему бы не быть и второму? Он хотел в это верить. И старался сосредоточиться на этом чувстве.

Неожиданно подал сигнал Чёрный пёс. Он звал всех за собой. Стае стай пришло время отправляться в путь, и ждать он во благо собственных псов никого бы не стал. Собаки были готовы пойти за своим вожаком, но им был не Чёрный пёс, им была Налли. Да, Чёрный пёс и без неё бы увёл десяток собак, но остальные бы сидели и ждали её, и это привело бы их к смерти. И Артен с Налли это знали.

Налли в последний раз прижалась к Артену и лизнула его лицо. Теперь он был липким, а у неё осталась частичка его грязи. Пусть это немного, но это было хоть что-то. И Налли побежала вперёд, обгоняя Чёрного пса. И она не оборачивалась, потому что знала, что если сделает это, то останется с Артемом навсегда, а он должен был двигаться дальше. Она верила, что он справится.

А Артен так и остался на лесной опушке и смотрел вслед уходящей Стае стай. И он знал, что у Налли всё получится.